

84(3)
Э64

МИХАЭЛЬ ЭНДЕ

Художник

Франц, Йозеф Трипп

Мировая
классика
для
детей

ДЖИМ ПУГОВКА И МАШИНИСТ ЛУКАС

Михаэль Энде

ДЖИМ ПУГОВКА И МАШИНИСТ ЛУКАС

Художник Франц Йозеф Трипп

МОСКВА
РОСМЭН
2019

84(4Гем)

УДК 821.112.2-34-93

ББК 84(4Гем)

364

Michael Ende

Jim Knopf und Lukas der Lokomotivführer

Illustrations by F. J. Tripp, colorized by Matthias Weber

Энде, Михаэль.

364 Джим Пуговка и машинист Лукас : сказочная повесть / М. Энде ; пер. с нем. М. Ю. Кореневой ; худож. Ф. Й. Трипп. — М. : РОСМЭН, 2019. — 240 с. : ил.

Замечательная сказочная повесть известного писателя Михаэля Энде, автора «Бесконечной истории» и «Момо».

Маленький негритенок Джим Пуговка вырос в крошечной стране Медландии, где, кроме него, живут всего четыре человека: король Альфонс Без Четверти Двенадцатый и трое его подданных. Однажды Джим решает отправиться в плавание вместе со своим лучшим другом машинистом Лукасом. Бесстрашных мореходов ждет множество приключений: они побывают на Краю Света, подружатся с мнимым великаном, посетят Город Драконов и даже спасут дочь китайского императора.

ISBN 978-5-353-09245-2

УДК 821.112.2-34-93

ББК 84(4Гем)

MICHAEL ENDE — Jim Knopf und Lukas
der Lokomotivführer

Illustrations by F. J. Tripp, colorized by Matthias Weber

© 2015 by Thienemann in Thienemann-Esslinger

Verlag GmbH, Stuttgart.

© М. Ю. Коренева, перевод, 2019

© ООО «РОСМЭН», 2019

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в которой начинается наша история

А начинается она в стране Медландии, где жил-поживал себе один славный машинист по имени Лукас. Страна Медландия была очень маленькой. Можно даже сказать, очень-очень-очень маленькой, если сравнить ее, например, с Германией, или Африкой, или Китаем. Зато если сравнить ее с обыкновенной квартирой, то она, пожалуй, будет чуть больше.

Посередине страны возвышалась гора, занимавшая почти всю территорию, а вокруг этой горы, у которой было целых две макушки — одна повыше, другая пониже, — вились дороги и дорожки с крошечными мостами и туннелями. Кроме того, через всю страну тянулись рельсы — для них даже проделали специальные туннели в горе, чтобы можно было проехать насквозь и быстро добраться до любой точки Медландии.

Само собой разумеется, кроме дорог, туннелей и мостов, в Медландии были еще и дома, вернее, их было два. Один просто дом, другой — дом с магазинчиком. У подножия горы примостилось крошечное здание железнодорожной станции, где как раз и жил машинист Лукас. А наверху, на горе, ровно между двумя вершинами стоял королевский дворец.

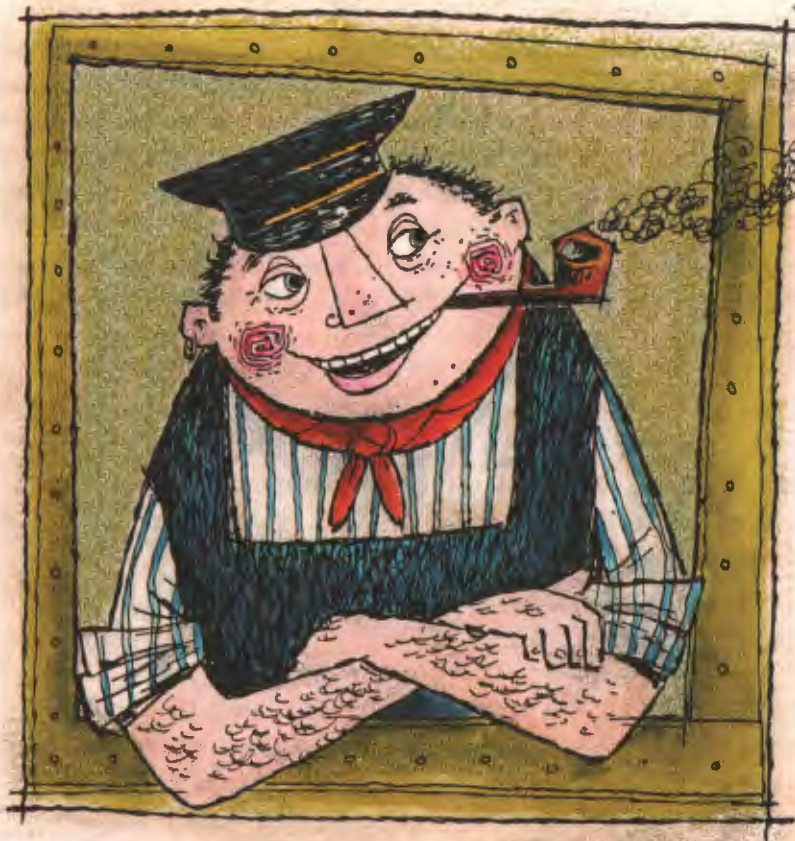
В общем, в маленькой Медландии помещалось не так уж мало всякого разного, но больше, пожалуй, уже ничего бы не влезло. Главное, здесь нужно было быть очень осмотрительным, а то зазеваешься, ненароком проскочишь государственную границу и тогда уж точно промочишь себе ноги, ведь Медландия, кроме всего прочего, была не просто страной, а страной-островом. Остров лежал посреди бескрайнего океана, и потому здесь ни на минуту не смолкал шум морского прибоя. Большие и маленькие волны с грохотом разбивались о границы этого крошечного государства. Впрочем, иногда море успокаивалось, и тогда оно становилось гладким, как зеркало, так что ночью в нем отражалась луна, а днем — солнце. Необыкновенно красивое зрелище и даже немножко торжественное! В такие дни машинист Лукас любил посидеть на берегу и полюбо-

ваться всей этой красотой. Почему, собственно говоря, Медландия называлась Медландией, а не как-нибудь иначе, не знала ни одна душа. Но наверняка этим когда-нибудь займутся ученые и все как следует выяснят.

Теперь вы представляете себе, как выглядела страна, в которой жил машинист Лукас со своим локомотивом по имени Кристоф, или Кристи, как называл его ласково Лукас. Локомотив этот был очень хороший, правда немножко толстый, но зато с настоящим тендером для воды и топлива, который, как и положено порядочному паровозу старого образца, помещался в самой машине, а не болтался где-то там сзади — без такого новшества Кристоф, слава богу, прекрасно обходился.

Тут пытливый читатель, конечно, вправе задать вопрос: а зачем, спрашивается, такой маленькой стране нужен паровоз? Видите ли, всякому машинисту нужен паровоз, иначе чем он, по-вашему, должен управлять? Лифтом, что ли? Но тогда он назывался бы лифтистом! А настоящий машинист хочет быть только машинистом, и никем другим. Да к тому же в Медландии не было никакого лифта.

Если говорить о внешности машиниста Лукаса (которого, кстати сказать, несколько не волновало, нужен ли кому-то там его паровоз или нет), то его можно было бы назвать настоящим крепышом — небольшого роста, крепкий, круглолицый, он чем-то напоминал упругий резиновый мячик. На голове у него всегда красовалась фуражка, а сам он ходил в неизменном рабочем комбинезоне. Глаза у него были голубыми — такими же голубыми, как небо над Медландией в ясную погоду. Но зато лицо и руки были чернее черного — это от масла и сажи. И хотя он мылся каждый день специальным машинистским мылом, ничего не помогало: чернота прямо въелась ему в кожу, ведь Лукас работал машинистом уже много-много лет, а от такой работы, хочешь не хочешь, все равно будешь ходить чумазым как трубочист. Когда он смеялся — а он это делал довольно часто, — то видны были его ослепительно-белые зубы, такие крепкие, что он запросто мог расколоть любой самый крепкий орешек. А еще он носил в левом ухе маленькое золотое колечко и курил короткую толстую трубку.

При своем небольшом росте Лукас был настоящим силачом. Ему ничего не стоило, например, завязать бантиком какую-нибудь здоровенную железяку. Никто и не подозревал, что он такой сильный, потому что сам он любил жить со всеми в мире и согласии и ему еще ни разу в жизни не приходилось демонстрировать свои скрытые способности — просто нужды не было.

А еще Лукас был настоящим художником и непревзойденным мастером. Мастером по художественным плевкам. Он так метко плевался, что мог с одного раза затушить горящую спичку с расстояния в три с половиной метра. Но это для него были игрушки, потому что он умел делать кое-что и получше, и вряд ли сыщется на всем белом свете человек, который сумеет сделать то же самое с такой легкостью и изяществом, — нет, никто не сравнится с ним в исполнении двойной петли (это такой особый плевок, который в полете вырисовывает виртуозную петлю).

Целыми днями Лукас колесил по острову: сядет на свой паровозик и ездит туда-сюда по извилистым рельсам — с одного конца острова на другой, через все пять туннелей, а потом обратно, и так с утра до вечера — все чин чинном, и никаких тебе происшествий или там приключений. Кристофу было явно по душе такое занятие — бодро катил он по замысловатым путям, сопя и пыхтя от удовольствия. Ему было так хорошо, что иногда от избытка чувств он принимался упоенно посвистывать. Тогда к нему присоединялся Лукас, и они весело катили и свистели на два голоса. Особенно здорово это получалось в туннелях, ведь там такое замечательное эхо.

Лукас и Кристоф были, конечно же, не единственными обитателями Медландии. Кроме них, здесь жил, например, медландский король, который правил всей страной. Он занимал тот самый дворец, что стоял на горе между двумя вершинами. Короля звали Альфонс Без Четверти Двенадцатый — потому что он родился без четверти двенадцать. Он был неплохим правителем. Во всяком случае, никто о нем не мог сказать ничего худого, как, впрочем, и хорошего, да и что можно сказать о короле, который, как правило, сидит у себя во дворце в красном плюшевом халате и в клетчатых шлепанцах и болтает по телефону? Для этого он велел установить себе специальный королевский аппарат — очень большой и весь из золота.

У Альфонса Без Четверти Двенадцатого было двое подданных — это не считая Лукаса, который не мог быть настоящим подданным, так как и без того был завален работой.

Первого подданного звали господин Пиджакер. Он очень любил гулять. На прогулку он всегда выходил в черном котелке и еще непременно брал с собою зонтик, которым, впрочем, пользовался крайне редко. Чаще всего он просто носил его под мышкой. Жил господин Пиджакер в самом обыкновенном доме. Никаких определенных занятий у него не было. Он просто гулял и просто жил. Он-то и был как раз настоящим подданным, ведь настоящий подданный только и существует для того, чтобы им управляли, а это, собственно говоря, и составляло основное занятие господина Пиджакера. Иногда, правда, он еще раскрывал свой зонтик — но это случалось редко, только когда шел дождь. Больше о господине Пиджакере вроде как и рассказывать нечего.

Вторым подданным, точнее, подданной была дама (заметим сразу — очень и очень милая). По своей комплекции она чем-то напоминала Кристофа: кругленькая, упитанная, настоящая толстушка-пампушка, хотя, пожалуй, не такая толстая, как паровоз Кристоф.

У нее были симпатичные щечки-яблочки, и звали ее госпожа Каакс. С двумя «а». Видимо, кто-то из ее предков стал под старость туг на ухо, вот и прозвали его люди Каакс — оттого, что он, наверное, по сто раз на дню переспрашивал: «Ка-ак? Ка-ак?» Так и осталось за ним это прозвище.

Госпожа Каакс жила в доме, в котором размещался маленький магазинчик. Здесь можно было купить все, что душе угодно: жвачку, газеты, шнурки, молоко, стельки, масло, шпинат, садовые ножницы, сахар, соль, батарейки, точилки, кошельки, путеводители для туристов, универсальный клей — короче говоря, все.

Путеводители, правда, большим спросом не пользовались. Да оно и понятно: туристов в Медландии, прямо скажем, не густо, точнее — ни одного. Покупал путеводители только господин Пиджакер, да и то не регулярно, а так, время от времени, и не потому, что они были ему особо нужны, просто он хотел сделать что-нибудь приятное госпоже Каакс, с которой любил поболтать о том о сем.

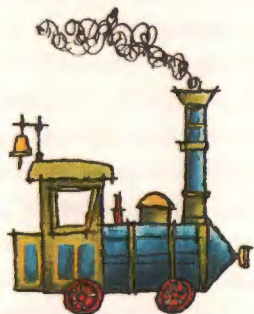
Да, кстати, чуть не забыл еще одну важную деталь. Король показывался народу только по праздникам, ведь все остальное время

он был страшно занят: править страной — дело нешуточное. Но по праздникам он обычно подходил к окну — это происходило всегда ровно без четверти двенадцать — и приветливо махал рукой своим подданным. Ликующие подданные в ответ на это начинали бросать в воздух шляпы, а Лукас просил Кристофа немножко посвистеть. Потом обыкновенно всем раздавали ванильное мороженое, а по особо торжественным дням — земляничное. Мороженое король заказывал у госпожи Каакс, так как она была большой мастерицей по этой части.

Да, что ни говори, а хорошо жилось в Медландии! И все бы так и шло себе дальше, если бы однажды не...

Вот тут-то и начинается наконец наша история.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

в которой появляется таинственная посылка

Однажды в Медландскую гавань зашел почтовый корабль. Не успел он причалить, как на берег уже спрыгнул почтальон с большой посылкой под мышкой.

— Нет ли у вас здесь госпожи Зуппер, или Зубпер, или что-то в этом роде? — спросил он, придав своему лицу очень-очень строгое выражение (дело, мол, серьезное и ответственное), хотя обычно он привозил почту с совершенно нормальным выражением лица.

Лукас поглядел на Кристофа, Кристоф поглядел на подданных, подданные поглядели друг на друга, и даже король выглянул из окна, несмотря на то что никакого праздника не намечалось и время еще было совершенно неподходящее — до без четверти двенадцать оставалось, как минимум, два часа.

— Достопочтенный письмоносец, — сказал король с плохо скрываемой досадой, — вот уже много лет вы привозите нам почту. Вы хорошо знаете меня, равно как и всех моих подданных, и вдруг сегодня, ни с того ни с сего, вы спрашиваете, не живет ли здесь какая-то никому не известная госпожа Зубпер, или как там ее еще?

— Но, ваше величество, — решился возразить почтальон, — взгляните сами на адрес! — С этими словами он быстро взобрался на гору и протянул королю посылку прямо в окошко. На посылке было написано:

ФРАУ ЗУ ПЕР

Ф ЕТЛАНТЕА

ЗТАРА УЛЕТЗА 133

ТРЕТЕ ЕТАХ ЛЕФА ЗТАРАНА

Король внимательно прочитал адрес, потом достал очки и прочитал его еще раз. Но что с очками, что без очков — результат был один, вернее, никакого результата. Совершенно обескураженный король смотрел то на посылку, то на подданных.

— Действительно, — произнес он наконец, обращаясь к своему народу, терпеливо ожидавшему его мудрого решения, — как это ни странно, здесь так и написано, черным по белому.

— А что написано? — спросил Лукас.

Король снова нацепил на нос очки и очень важно изрек:

— Сейчас я оглашу текст адреса, дабы мои подданные не пребывали более в неведении относительно содержания последнего.

И он, с трудом разбирая каракули, стал читать то, что было написано на посылке.

— Ну и адрес. Ерунда какая-то, — заметил господин Пиджакер, когда король наконец добрался до конца.

— Вот-вот, — торопливо подхватил почтальон, — ведь тут ничего не поймешь из-за ошибок. Нам, почтальонам, с такими посланиями одна морока. Хоть бы еще знать, кто его отправил!

Король повертел в руках посылку в надежде хоть где-нибудь в уголке обнаружить обратный адрес.

— Здесь стоит только большая цифра тринадцать, — сказал он и снова растерянно посмотрел на почтальона и своих подданных.

— Весьма странно, — слышался снова голос господина Пиджакера.

— Как бы там ни было, — король вдруг снова обрел уверенность в себе, — странно или не странно, а если тут написана какая-то «етлантеа», то это может быть только Медландия, и больше ничего, — решительно заявил он. — Следовательно, теперь осталось найти среди нас указанную госпожу Супер, или Зупер, или Зубпер, не знаю, как ее правильно величать. — Довольный собою, король снял очки, достал платочек и утер пот со лба.

— Да, но ведь на нашем острове нет никакого третьего этажа, — вмешалась тут госпожа Каакс.

— Что верно, то верно, — согласился король.

— Да и Старой улицы у нас тоже нет, — добавил господин Пиджакер.

— К сожалению, и это верно, — со вздохом сказал приунывший король.

— А ведь и дома под номером сто тридцать три у нас вроде как тоже нет, — вставил Лукас и сдвинул, озадаченный, фуражку на затылок. — Уж кто-кто, а я бы точно знал, если бы у нас водился такой дом, ведь недаром я объездил наш остров вдоль и поперек.

— Весьма странно! — пробормотал в растерянности король и задумчиво покачал головой. И вслед за ним все подданные дружно покачали головами и сказали: «Весьма странно!»

— А может быть, это просто ошибка, — осенило вдруг Лукаса.

Но король возразил ему на это:

— Вполне возможно, что это и ошибка, но вполне возможно, и нет. Если это не ошибка, то, следовательно, у меня есть еще один подданный, о котором я равным счетом ничегошеньки не знаю! С ума сойти можно!

С этими словами король бросился к телефону, и принялся названивать во все концы, и болтал целых три часа без передышки — видимо, чтобы не сойти с ума.

А подданные тем временем, посоветовавшись с почтальоном, решили все вместе тщательнейшим образом обследовать остров — вдруг и впрямь в каком-нибудь укромном уголке удастся обнаружить загадочную госпожу Зубпер? Лукас подогнал свой паровозик, и вся компания отправилась на поиски. На каждом углу они делали остановки — сначала Кристоф давал громкий свисток, после чего пассажиры разбредались кто куда, оглашая все вокруг истошными криками:

— Госпожа Зууууууубпееееер! Вам посыыыыылкааааа!

Но никто не откликнулся.

— Ну ладно, — сказал наконец почтальон, — у меня больше нет времени искать госпожу Зубпер, или как там ее еще. Сделаем так: я просто оставлю вам посылку. Может, эта самая госпожа Зубпер и отыщется. Через неделю я к вам наведаюсь, и если за это время адресат не будет обнаружен, то я заберу посылку обратно. — С этими словами почтальон быстро взбежал по трапу — и был таков.

Да, в затруднительном положении оказались жители Медландии. Что же делать со злополучной посылкой? Долго думали и гадали они, но так ничего и не придумали. Тут из окошка королевского

дворца снова выглянул Альфонс Без Четверти Двенадцатый и сделал следующее заявление:

— Тщательно проанализировав сложившуюся ситуацию и посоветовавшись с кем надо по телефону, я пришел к следующим выводам: судя по всему, госпожа Зубпер, или как там ее еще, является женщиной. А в нашей стране, насколько мне это известно, есть только одна женщина — госпожа Каакс. Стало быть, ей и предназначена посылка. Во всяком случае, как бы там ни было, вот мое последнее слово: повелеваю открыть посылку, а там посмотрим, что с нею делать.

Подданные были весьма довольны столь мудрым королевским решением, и госпожа Каакс, не откладывая дела в долгий ящик, тут же приступила к выполнению высочайшего указа.

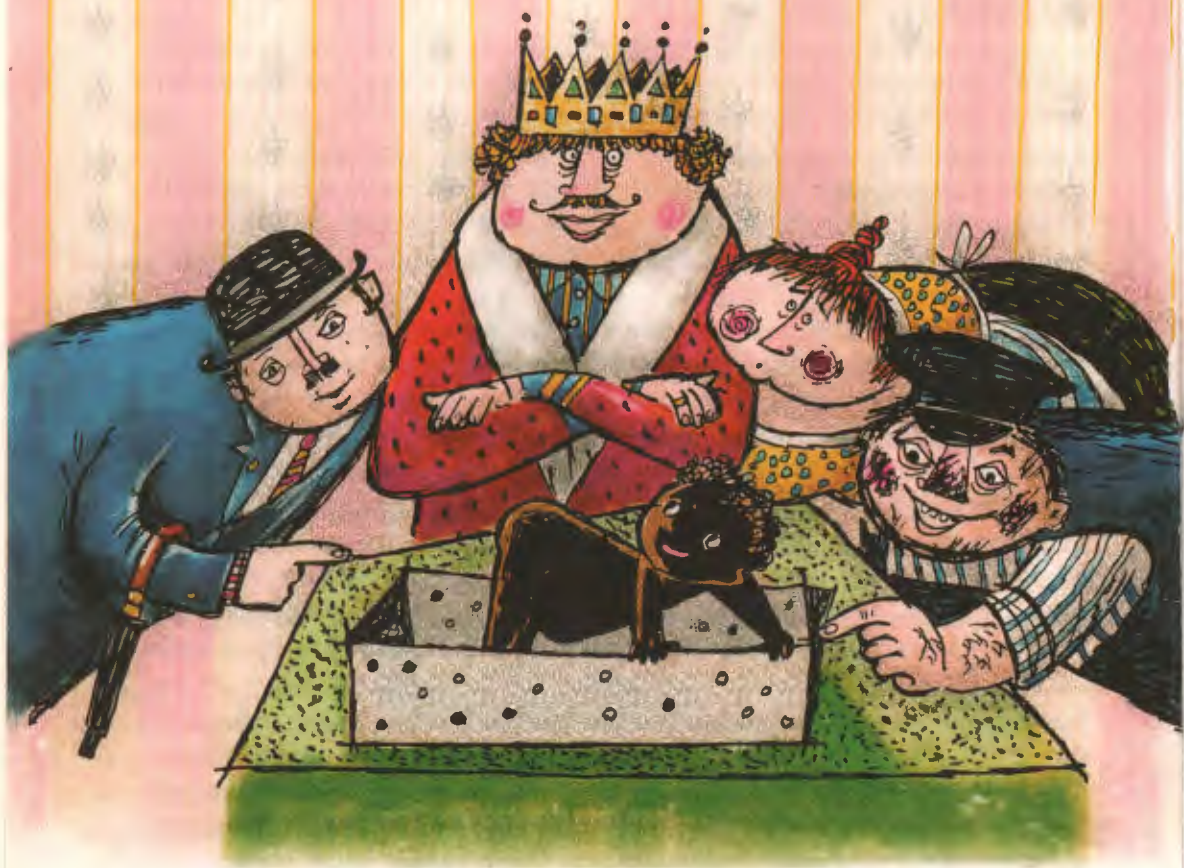
Она развязала веревку, развернула бумагу, которой была обернута посылка. Под бумагой оказалась довольно большая коробка с дырками — так обычно продырявливают спичечные коробки, когда засовывают в них божьих коровок. Госпожа Каакс сняла крышку с коробки и обнаружила внутри еще одну коробку, только чуть поменьше. В ней тоже были проделаны дырки. Со всех сторон кто-то аккуратно проложил ее опилками и соломой, видимо для того, чтобы она не бултыхалась при перевозке. Наверное, там внутри что-то хрупкое — может, стекло или, скажем, радио. Но тогда зачем же дырки? Недолго думая госпожа Каакс сняла со второй коробки крышку и увидела — снова коробку, и снова с дырками. Эта была совсем уж небольшой — как из-под обуви. Когда же госпожа Каакс открыла и эту коробку, то в ней обнаружился — представьте себе! — крошечный негритенок. Он с интересом смотрел на всех своими большими блестящими глазами. Выглядел он весьма довольным — еще бы, в темной коробке-то сидеть не слишком уютно.

— Мальчик! — воскликнули хором ошарашенные жители Медландии. — Какой черненький!

— По всей вероятности, это маленький негр, — заметил господин Пиджакер с умным видом и замолчал.

— Действительно, — сказал король, водружая на нос очки. — Очень странно, очень странно!

Потом он снова снял очки. Лукас до сих пор не проронил ни звука, но лицо его выражало крайнюю озабоченность.

— Никогда в жизни еще не видел такого свинства, — заговорил он наконец, и голос его при этом звучал очень сердито. — Запихать такую кроху в коробку! А если бы мы не открыли посылку? Что тогда? Ну, пусть только попадется мне тот, кто это сделал, — я задам ему такую трепку, что вовек не забудет, клянусь своим паровозом!

От грозного рыка Лукаса кроха разревелся. Ведь он был еще совсем маленьким и ничего не понимал. Наверное, он подумал, что Лукас ругается на него. Да еще, может быть, подействовала черная физиономия Лукаса — малыш-то не знал, что у него самого черная мордашка.

Госпожа Каакс подхватила ребенка и попыталась его успокоить. Лукас стоял поодаль с очень растерянным видом — он и не думал, что может так напугать мальчика.

А госпожа Каакс была на седьмом небе от счастья, ведь она давно уже мечтала о таком вот маленьком мальчике, которому бы она шила курточки и штанишки. А шила она, надо сказать, мастерски. И ничего, что малыш оказался таким черненьким, это даже очень мило, ему так пойдет розовый цвет — розовый цвет она любила больше всего.

— Как же нам называть его? — неожиданно спросил король. — Ребенку все-таки положено иметь имя.

И он был прав. Все принялись напряженно думать. Первым заговорил Лукас:

— Я бы назвал его Джимом. Мне кажется, это очень подходящее имя для мальчика. — Он приблизился к малышу и сказал: — Ну, Джим, будем друзьями? — При этом он постарался, чтобы его голос звучал как можно мягче, — ему совершенно не хотелось еще раз напугать негритенка.

Малыш сразу же протянул к Лукасу свои тоненькие ручонки с розовыми ладошками, которые казались совсем крошечными по сравнению с ручищами Лукаса, измазанными сажей.

— Здравствуй, здравствуй, Джим, — поприветствовал Лукас малыша, осторожно пожимая доверчиво протянутую ему ручку.

В ответ на это Джим рассмеялся.

С этого дня они стали друзьями.

Прошла неделя, и снова в Медландию прибыл почтовый корабль. Завидев его еще издалека, госпожа Каакс выбежала на берег и стала кричать почтальону, что ему, мол, не нужно причаливать. Все в порядке. Посылка предназначалась ей. Просто фамилия была написана неразборчиво. Все то время, пока она объяснялась с почтальоном, сердце ее отчаянно билось — казалось, что оно вот-вот выскочит из груди, ведь она так боялась, что почтальон отнимет у нее ребенка. А ей ни за что на свете не хотелось расставаться с Джимом — так она успела уже к нему привязаться.

— Ну и хорошо, значит, все в порядке. До свидания, госпожа Каакс, — только и сказал на это почтальон, и тут же корабль поплыл себе дальше.

Госпожа Каакс облегченно вздохнула и бросилась домой. Там она подхватила Джима и принялась на радостях кружиться с ним по всему дому. В какую-то минуту, правда, она вдруг подумала: а ведь на самом-то деле Джим — чужой ребенок, и, наверное, она поступила не слишком хорошо, оставив его у себя. От этой мысли вся радость госпожи Каакс тут же улетучилась — ее начала мучить совесть. И это чувство не покидало ее, видимо, и потом, когда Джим уже стал побольше: не раз бывало так, что она вдруг откладывала в сторону какую-нибудь начатую работу, и сидела, словно застыв, с очень серьезным выражением лица, и только все глядела с тревогой на Джима. «Кто же все-таки его мама?..» — думала она.

— Хочешь не хочешь, а придется, наверное, сказать ему всю правду, — вздыхала она всякий раз, когда разговаривала по душам с королем, или с Лукасом, или с господином Пиджакером. Те в ответ неизменно кивали головами, соглашаясь с нею, — мол, действительно, давно пора объяснить все Джиму. Но госпожа Каакс никак не могла решиться и только откладывала и откладывала это важное дело.

Она, конечно, не думала и не гадала, что недалек тот день, когда Джим сам все узнает, и произойдет это помимо ее воли — тайна откроется Джиму совершенно удивительным и загадочным образом.

Ну вот, теперь население Медландии составляли один король, один машинист, один локомотив и два с четвертью подданных, ведь Джим еще был слишком маленьким, чтобы считаться целым подданным, он мог пока сойти только за четвертушку.

Но шли годы, Джим рос и скоро превратился в настоящего мальчишку-сорванца, который проказничал и бедокурил, немало досаждая тем самым господину Пиджакеру. А еще он не любил мыться — как, впрочем, и все мальчишки его возраста. Он никак не мог взять в толк, зачем ему мыться, если у него черная кожа и все равно не видно, какая у него шея — грязная или чистая. Госпожа Каакс почему-то придерживалась другого мнения, и Джиму волей-неволей приходилось ей подчиняться.

Госпожа Каакс очень гордилась своим Джимом, хотя он доставлял ей немало хлопот и у нее всегда находился повод для беспокойства — этим она ничуть не отличалась от всех прочих мам. Она беспокоилась о нем даже и безо всякого повода или расстраивалась по всякому пустяку. Ну, скажем, возьмет Джим зубную пасту и, вместо того чтобы чистить ею зубы, съест ее (она ему очень нравилась на вкус), а госпожа Каакс уже огорчается.

Вместе с тем в некоторых случаях Джим оказывался просто незаменим. Вот, например, зайдет в лавку король, или Лукас, или господин Пиджакер, а госпожа Каакс в этот момент занята по хозяйству — Джим всех обслужит, и госпоже Каакс не нужно беспокоиться.

Лучшим другом Джима был Лукас. Они понимали друг друга с полуслова. Может быть, оттого, что Лукас ходил таким же черным, как Джим. Частенько Лукас брал Джима с собою покататься на паровозике и по дороге все показывал и рассказывал ему. Иногда Лукас даже разрешал Джиму немножко поуправлять паровозом.

Джим мечтал тоже когда-нибудь стать машинистом, так как эта профессия очень подходила к его цвету кожи. Но для этого ему, как минимум, нужно было обзавестись собственным локомотивом. А локомотив, как известно, не так-то просто достать, особенно в Медландии.

Ну вот, теперь вам известно самое главное о Джиме, осталось только рассказать, как он получил свое прозвище. Дело в том, что у Джима очень часто продырявливались брюки, причем все время на одном и том же месте. Сотни раз госпожа Каакс чинила эту злополучную дыру, но хватало ее заплаток ненадолго: не успеешь оглянуться, как на том самом месте, где только что была аккуратная заплатка, уже красуется здоровенная дырища. Джим, конечно

же, изо всех сил старался вести себя крайне осмотрительно и осторожно. Но ведь бывает нужно, например, быстро залезть на дерево или съехать на попе с высоченной горы — и вот тебе, пожалуйста, уже опять дыра.

Надоело госпоже Каакс латать ему штаны, и придумала она, как выйти из затруднительного положения: она взяла лоскуток, подшила его с изнанки к краешку дыры, посадила на этот лоскуток пуговку, а края дыры аккуратненько подрубила, так что получилась как бы петелька. Теперь, вместо того чтобы продирать штаны, Джиму нужно было только расстегнуть пуговку — и дыра на месте, застегнешь пуговку — и штопать не надо.

Вот с этого самого дня все жители Медландии стали называть Джима Пуговкой.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

в которой чуть не принимается
печальное решение, пришедшееся не по вкусу
Джиму Пуговке

Шли годы, Джим рос, и его уже вполне можно было засчитать за половинку подданного. В какой-нибудь другой стране его бы давным-давно отправили в школу, и сидел бы он как миленький за партой и учился бы читать, писать, считать, но в Медландии не было школы. А раз ее не было, то никому и в голову не приходило, что пора бы уже такому большому мальчику уметь читать, писать и считать. Джима это, конечно, беспокоило меньше всего, и он жил себе припеваючи, нисколько не тревожась о будущем.

Госпожа Каакс внимательно следила за тем, как Джим растёт, — раз в месяц она обязательно проводила замеры. Для этого Джиму нужно было снять башмаки, прислониться к дверному косяку на кухне, а госпожа Каакс водружала ему на голову книгу, по которой она карандашом делала заметку на косяке — новая черточка неизменно оказывалась чуть выше прежней. Госпожа Каакс искренне радовалась тому, что Джим так хорошо растёт. Но не все разделяли ее радость — кое-кого это обстоятельство, наоборот, очень тревожило. Король Медландии был необычайно обеспокоен сложившейся ситуацией, ведь он, как правитель страны, все-таки чувствовал себя ответственным за благополучие своих подданных.

Однажды вечером он призвал к себе машиниста Лукаса и велел ему прийти в королевский дворец. Лукас вошел в королевские покои, снял фуражку, вынул изо рта трубку и сказал:

— Добрый вечер, ваше величество!

— Добрый вечер, любезный мой машинист Лукас! — поприветствовал Лукаса король, сидевший в этот момент у своего золотого телефона. — Прошу тебя, садись, — сказал он затем, указывая Лукасу на свободный стул.

Лукас сел и приготовился слушать.

— Значит, так, — начал король и тут же отчаянно закашлялся. Прокашлявшись, он продолжал: — Уж не знаю, как тебе и сказать, но я надеюсь, ты меня все равно поймешь.

Лукас внимательно слушал короля, которого он никогда не видел таким озабоченным. Это его совершенно сбило с толку.

Король снова закашлялся. Покашляв немножко, он все же собрался с духом и продолжил свою речь, глядя при этом на Лукаса печальными и грустными глазами.

— Ты ведь всегда отличался понятливостью, Лукас, — сказал он.

— А в чем, собственно говоря, дело? — осторожно спросил Лукас.

Король снял с головы корону, подышал на нее и принялся тщательно протирать ее рукавом халата. Он явно тянул время, так как по всему было видно, что ему не по себе. Наконец он решительным движением нахлобучил корону на голову, снова откашлялся и сказал:

— Дорогой мой Лукас, я долго размышлял над этим, но в конце концов понял: как ни крути, как ни верти, другого выхода нет. Мы должны это сделать.

— Что мы должны сделать, ваше величество? — спросил Лукас.

— А разве я не сказал? — искренне удивился король. — Мне казалось, что я все тебе объяснил.

— Нет, вы только сказали, что мы должны «это» сделать, — ответил Лукас.

Король на минуту задумался, лицо его выражало крайнюю степень недоумения.

— Странно, очень странно. Разве я не говорил тебе только что: «Нам придется расстаться с твоим Кристофом»? Бьюсь об заклад, что говорил.

Лукасу показалось, что он ослышался.

— Что нам придется сделать с Кристофом? — переспросил он.

— Расстаться, — повторил король, всем своим видом давая понять, что положение очень серьезное. — Разумеется, речь не идет о том, чтобы сделать это прямо завтра, но и тянуть тут нельзя. Я понимаю, что для всех нас это будет тяжелая утрата. Но другого выхода у нас нет.

— Нет, ни за что на свете, ваше величество, — решительно сказал Лукас. — И вообще, с какой стати?

— Ну сам подумай, — принялся утешать Лукаса король. — Медландия — страна маленькая. Даже можно сказать, крошечная, по сравнению, например, с Германией, Африкой или Китаем. Королю такой малюсенькой страны вполне хватает одного локомотива, одного машиниста и двух подданных. Появление еще одного подданного...

— Но ведь не целого же, а половинки... — перебил короля Лукас.

— Это все верно, — согласился король, — но что дальше? — В его голосе слышалась крайняя озабоченность. — Ведь он растет не по дням, а по часам. Я должен беспокоиться о будущем моей страны, на то я и король. Не за горами то время, когда Джим Пуговка из половинки подданного превратится в целого. И тогда он захочет построить себе свой собственный дом. Ну скажи на милость, откуда же нам взять место для дома? У нас вообще нет свободного места, куда ни глянешь — повсюду рельсы. Придется нам ограничить себя кое в чем, иначе у нас ничего не получится.

— Черт побери! — пробурчал Лукас и почесал за ухом.

— Ты же видишь, — продолжал король, все более и более воодушевляясь, — в нашей стране слишком большая плотность населения. Для нас это стало проблемой номер один. Почти все страны мира страдают от перенаселенности, но Медландия — особенно. Я страшно обеспокоен сложившимся положением. Что же нам делать?

— Все верно, только я тоже не знаю, что делать, — ответил Лукас.

— Либо нам нужно расстаться с Кристофом, либо кто-то из нас должен будет покинуть страну, как только Джим станет взрослым. Джим все-таки твой друг, Лукас, неужели ты захочешь, чтобы он покинул Медландию, когда станет большим?

— Нет, — отвечал на это Лукас, — тут и говорить не о чем. Но и с Кристофом я не могу расстаться, — грустно добавил он после некоторой паузы. — Какой же машинист без паровоза?

— Ну ладно, — сказал король, — поразмышляй на досуге об этом. Я уверен, ты что-нибудь придумаешь. Ты ведь у нас — голова. Время у тебя еще есть. Так что думай и решай. Но решение должно быть принято обязательно.

С этими словами он протянул Лукасу руку, давая тем самым понять, что аудиенция окончена.

Лукас встал, нахлобучил свою фуражку и, понурившись, вышел из дворца. Король с тяжелым вздохом плюхнулся снова в кресло, вытер шелковым платком пот со лба — разговор был не из легких.

Лукас медленно брел в сторону железнодорожной станции, где стоял паровоз Кристи, поджидавший возвращения своего приятеля. Придя домой, Лукас первым делом подошел к паровозу, похлопал его по круглым бокам и подлил машинного масла, которое Кристи так любил, а потом уселся на государственной границе, и долго сидел так, обхватив голову руками, и все смотрел вдаль.

Вечерело. На море царили тишь и гладь, заходящее солнце отражалось в бескрайних просторах океана, и золотая блестящая дорожка протянулась от самого горизонта до того места, где сидел машинист Лукас.

Лукас смотрел на эту дорожку, уходящую вдаль, к неведомым странам и землям. Кто знает, куда она ведет? Солнце садилось все ниже и ниже, и дорожка становилась все уже и уже, пока наконец и вовсе не исчезла. Лукас грустно покачал головой и тихо сказал:

— Ну что ж, мы уйдем оба.

С моря потянуло ветерком, и стало прохладно. Лукас поднялся и пошел к Кристофу. Долго стоял он подле своего друга. Кристи сразу почуял что-то неладное. Паровозы не отличаются большой сообразительностью, поэтому-то им всегда нужен водитель-машинист, но зато они очень чувствительны. И потому когда Лукас едва слышно прошептал: «Мой славный старина Кристи», то у доброго паровоза прямо что-то оборвалось внутри, и от этого острого щемящего чувства он даже перестал пыхтеть и сопеть.

— Кристи, — тихо сказал Лукас каким-то чужим голосом, — я не могу с тобой расстаться. Мы всегда будем вместе. И на земле, и на небе, если мы когда-нибудь туда попадем.

Кристи, правда, ничего не понимал из того, что говорил ему Лукас. Но он очень любил своего друга, и ему было невыносимо больно видеть Лукаса таким грустным. От отчаяния паровоз принялся душераздирающе завывать.

Лукасу стоило немалых трудов его успокоить.

— Понимаешь, это из-за Джима Пуговки, — попытался объяснить Лукас. — Скоро он станет взрослым, и тогда для него уже не будет здесь места. В любой стране подданные ценятся больше, чем старые паровозы, вот наш король и решил, что ты здесь лишний. Но если ты лишний, то и я тоже лишний. Значит, нам нужно вместе уйти.

Кристи шумно вздохнул и собрался уж было снова завывать, как тут в темноте раздался чей-то звонкий голосок:

— Что тут такое случилось?

Это был Джим Пуговка собственной персоной, который, поджидая Лукаса, забрался в тендер и незаметно для себя уснул. Разбудил его голос Лукаса, разговаривавшего с Кристи. Так невольно он оказался свидетелем состоявшегося объяснения.

— Привет, Джим! — воскликнул Лукас, необычайно удивленный появлением своего маленького друга. — Собственно говоря, это не предназначалось для твоих ушей. Но по мне, так лучше, чтоб ты все знал. Мы решили покинуть страну. Кристи и я. Навсегда. Так надо.

— Из-за меня? — спросил испуганно Джим.

— Если разобраться, — сказал Лукас, — король в общем-то прав. Ведь действительно Медландия — маленькая страна. Нам всем здесь не поместиться.

— А когда вы отправляетесь в путь? — Джим даже слегка запнулся, когда задавал этот вопрос.

— Лучше не растягивать этого удовольствия. Раз уж так вышло, то ничего не поделаешь — поедем прямо сегодня ночью, — серьезно ответил Лукас.

Джим на секунду задумался, а потом вдруг решительно заявил:

— Я с вами.

— Что ты, Джим! — воскликнул Лукас. — Это совершенно невозможно! Что скажет госпожа Каакс? Она ни за что не отпустит тебя.

— Лучше всего ее об этом и не спрашивать, — сказал Джим тоном, не терпящим возражений. — Я все объясню ей в письме и оставляю его на кухне. Когда она узнает, что я с тобой, то уже не будет так беспокоиться.

— Нет, все равно будет, — с сомнением в голосе произнес Лукас. — Да к тому же ты не умеешь писать.

— А я нарисую, — тут же нашелся Джим.

Лукас, выглядевший весьма печальным и озабоченным, только покачал на это головой и сказал:

— Нет, Джим, я не могу тебя взять с собой. Конечно, все это очень мило с твоей стороны, и я сам рад бы уехать с тобой вместе, но нельзя, понимаешь, нельзя. Ты ведь еще все-таки маленький, и к тому же ты нам будешь только...

Тут он запнулся, так как в этот момент Джим повернул к нему свое лицо, в котором было столько решимости и столько печали, что у Лукаса слова просто застряли в горле.

— Ну и что, что маленький! — дрожащим голосом проговорил Джим. — Я могу вам очень даже пригодиться!

— Да, конечно, — согласился Лукас, в его голосе слышалось некоторое смущение. — Разумеется, ты очень полезный маленький мальчик, и в некоторых ситуациях даже удобно быть маленьким, тут ты прав...

Он зажег свою трубку и молча принялся раскуривать ее. В душе он уже готов был взять Джима с собой, но все же решил еще раз проверить мальчика.

— Послушай, Джим! — завел он снова разговор. — Подумай сам: ведь Кристи придется уйти, чтобы освободить для тебя место. Но если ты решил уйти, то, значит, Кристи может спокойно оставаться. И я тоже.

Но Джим твердо стоял на своем.

— Нет, — сказал он, — я ведь не могу бросить своего лучшего друга. Либо мы все втроем остаемся здесь, либо мы все втроем уходим. Раз мы тут не помещаемся, значит, нужно уйти — всем нам, втроем.

Лукас просиял.

— Молодец, старина Джим, я рад, — сказал он и обнял своего друга. — Боюсь только, королю наше решение не очень-то придется по нраву. Вряд ли он представлял себе, что дело примет такой оборот.

— Мне все равно, — сказал Джим, — я еду с тобой.

Лукас снова погрузился в раздумья. Он сосредоточенно курил свою трубку, так что скоро из-за клубов дыма его уже совершенно не было видно. Он всегда так делал, когда волновался, так как не хотел, чтобы кто-нибудь видел его в таком состоянии. Но Джим-то хорошо его знал и понимал, в чем тут дело.

— Ну хорошо! — слышался наконец голос Лукаса откуда-то из недр табачного облака. — Встречаемся здесь в полночь.

— По рукам, — отозвался Джим.

Друзья попрощались, и Джим уже побежал было домой, когда Лукас снова окликнул его:

— Пойжди, Джим! Ты действительно малый что надо, — голос его звучал даже как-то торжественно, — таких толковых парней я еще не встречал в своей жизни! — С этими словами он повернулся и быстро пошел прочь.

Джим еще постоял некоторое время, задумчиво глядя вслед уходящему другу. Последняя фраза, сказанная Лукасом, все еще звучала у него в ушах. И тут же он подумал о милой госпоже Каакс, которая всегда была к нему такой доброй и ласковой. И радость и печаль смешались в его душе.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

в которой начинается удивительное морское путешествие на корабле невиданной конструкции, а Лукас убеждается, что на Джима Пуговку можно положиться

Настало время ужина. Джим плотно поел и принялся отчаянно зевать, всем своим видом давая понять, что он прямо-таки с ног валится от усталости и буквально засыпает на ходу. Это несколько удивило госпожу Каакс, которой обычно стоило немалых трудов отправить его в постель, но, глядя на размякшего Джима, она решила, что, может, и вправду мальчик очень устал или просто повзрослел и поумнел. Когда он уже лежал в постели, она, как всегда, зашла к нему в каморку, подоткнула со всех сторон одеяло, поцеловала на ночь, погасила свет и пошла в кухню, где собиралась еще немножко вязать: она вязала Джиму новый свитер.

Джим лежал в постели и терпеливо ждал. В окошко светила полная луна. Было очень тихо. Только слышался легкий шум морского прибоя да постукивание спиц, доносившееся из кухни.

Джим вдруг подумал о том, что никогда ему не придется носить этот новый свитер, а еще он пытался представить себе, что бы делала госпожа Каакс, если бы знала...

И от этих мыслей у него стало так тяжело на душе, что он готов был уже расплакаться или даже побежать в кухню к госпоже Каакс и рассказать ей все как есть. Но тут он вспомнил слова, сказанные ему Лукасом на прощание, и понял, что должен молчать несмотря ни на что. Хотя это было и очень трудно — даже взрослому было бы нелегко, притом что взрослый — все-таки целый подданный; что уж тут говорить о маленьком человеке, который был всего-навсего половинкой подданного.

Собираясь отправиться в ночное путешествие, Джим не учел одного важного обстоятельства — он действительно очень устал. Ни разу в жизни ему еще не приходилось так долго бодрствовать. В темноте глаза его слипались сами собою — прямо хоть спички

вставляй. Вот бы походить, побегать или поиграть! А то лежи в теплой кровати без движения — конечно, тут всякий заснет.

Джим думал о том, как было бы приятно сейчас просто закрыть глаза и спать, но он понимал, что не может себе этого позволить, и потому изо всех сил боролся со сном — тер глаза, щипал себя, ворочался с боку на бок. И все же в конце концов сон сморил его.

Ему снилось, будто он стоит на берегу и видит, как удаляется в ночи паровоз Кристи. Он быстро шел по волнам, как по твердой поверхности. А в кабинке машиниста, в свете фар, Джим увидел Лукаса, который махал ему своим красным носовым платком и кричал:

— Почему ты не пришел?.. Прощай, Джим!.. Будь здоров, Джим!

Голос его казался каким-то чужим, глухим эхом отзывался он в ночной тишине. Но тут вдруг налетел сильный порыв ветра, зашверкали молнии, загрохотал гром, и сквозь рев разбушевавшейся стихии Джим снова различил голос Лукаса:

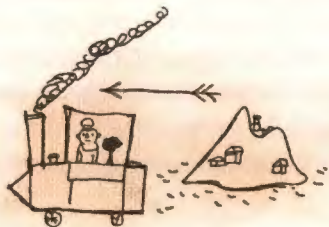
— Почему ты не пришел?.. Прощай, Джим!.. Будь здоров!.. Будь здоров, Джим!

Паровозик становился все меньше и меньше, последний раз мелькнул слабый свет фар, и вот он уже исчез где-то вдаль, за темным горизонтом. В отчаянии Джим хотел броситься следом за паровозом, но ноги его словно приросли к земле. От невероятного напряжения Джим проснулся и тут же вскочил с постели.

Комната была залита лунным светом. Интересно, который сейчас час? А госпожа Каакс? Легла ли она уже спать? Неужели уже поздно и все, что он видел во сне, произошло в самом деле?

В этот самый момент часы на башне королевского дворца пробили полночь.

Джим быстро оделся и собрался уже было вылезти из окна, но тут вспомнил о письме. Он не мог уйти, не оставив записки госпоже Каакс. Иначе она очень огорчится. А он меньше всего хотел ее огорчать. Дрожащими руками он вырвал листок из тетради и нарисовал такую картинку:

Это означало: я уехал вместе с Лукасом и Кристи. А потом он еще пририсовал:

Это означало: не расстраивайся! В конце он сделал такой рисунок:

Это означало: целую тебя, твой Джим. Затем он положил листок на подушку и потихоньку вылез из окна.

Когда он прибежал к назначенному месту, ни Лукаса, ни Кристи там уже не было. Джим помчался к морю. Тут он увидел Кристи, который стоял спущенный на воду. Верхом на паровозе сидел Лукас. Он как раз натягивал парус на мачте, которую установил прямо на кабине машиниста.

— Лукас! — закричал Джим, запыхавшийся от быстрого бега. — Подожди, Лукас! Я пришел.

Лукас обернулся, и удивление на его лице сменилось радостью.

— Смотри-ка, Джим Пуговка! — сказал он, улыбаясь во весь рот. — А я уже решил, что ты не придешь. Часы-то давно пробили полночь.

— Да, я слышал, — ответил Джим, заходя в воду.

Лукас протянул ему руку, и Джим взобрался на паровоз.

— Понимаешь, — продолжал Джим, — я забыл написать письмо. Вот и пришлось вернуться.

— А я боялся, что ты проспидь, — сказал Лукас и выпустил большой клуб дыма.

— Я вообще глаз не смыкал, — ответил на это Джим.

Тут он, конечно, немножко приврал, но ему очень не хотелось выглядеть плохо в глазах Лукаса.

— Неужели ты бы уехал без меня? — спросил Джим.

— Как тебе сказать? — ответил, помедлив, Лукас. — Я бы, конечно, еще немножко подождал, а потом, наверное... Ведь откуда мне знать, может, ты передумал. Всякое бывает, правда?

— Но ведь мы же договорились! — Голос Джима звучал укоризненно.

— Конечно, — согласился Лукас. — Знаешь, я страшно рад, что ты сдержал свое слово. Теперь я твердо уверен, что на тебя можно положиться. А кстати, как тебе нравится наш пароход?

— Здорово! — сказал Джим. — Я почему-то всегда думал, что паровозы тонут в воде.

Лукас, довольный, ухмыльнулся.

— Конечно, они тонут, если не слить воду из котла, не очистить тендер и не задрать двери, — объяснил он и выпустил несколько маленьких облачков дыма. — Это такая маленькая хитрость, которую знает, конечно, не всякий.

— Что-то нужно сделать с дверями? — переспросил Джим, который еще ни разу не слышал такого диковинного слова.

— Задрать, — повторил Лукас. — Это значит заткнуть как следует все щели паклей и замазать смолой, чтобы туда не проникала вода. Если кабина машиниста будет водонепроницаемой, а котел и тендер пустыми, то Кристоф никогда не пойдет ко дну. А так из кабины получается отличная каюта, в которой можно, например, укрыться от дождя.

— А как же в нее попасть, если все двери будут крепко-накрепко заделаны? — поинтересовался Джим.

— Мы можем забираться через тендер, — объяснил Лукас. — Видишь, если знать, как что делать, то и паровоз будет плавать как утка.

— Вот это да! — восхищенно сказал Джим. — Но ведь он весь из железа?

— Ну и что? — ответил Лукас и, довольный, сплюнул в воду — у него получилась отличная двойная петля. — Корабли тоже делают из железа. Или вот канистра — тоже бывает из железа, а не тонет, пока в нее не попадет вода.

— Понятно, — удовлетворенный объяснением, ответил Джим.

Приятно, когда у тебя такой умный друг. С таким не пропадешь. Теперь он был очень рад, что сдержал свое слово.

— Ну что ж, если ты не возражаешь, давай трогаться в путь.

— По рукам, — согласился Джим.

Они отвязали канат, который тянулся от Кристофа к берегу. Ветер надул паруса, мачта тихонько скрипнула, и удивительный корабль двинулся вперед.

На море не было слышно ничего, кроме легкого свиста ветра и плеска небольших волн, что разбивались о нос корабля.

Лукас и Джим молча смотрели, как удаляется от них в тихой ночи освещенный луной берег мирной Медландии, а вместе с ним и домик госпожи Каакс, и дом господина Пиджакера, и крошечная железнодорожная станция, и королевский дворец, примостившийся между двумя горными вершинами.

По черной щеке Джима скатилась крупная слеза.

— Тебе грустно? — тихонько спросил Лукас. Его глаза тоже подозрительно поблескивали.

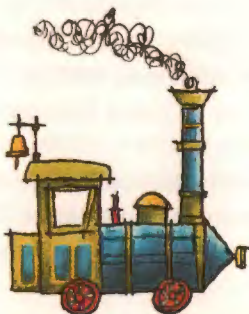
Джим шумно шмыгнул носом, быстро вытер глаза и, сделав над собою некоторое усилие, бодро сказал:

— Нет, все в порядке.

— Знаешь, лучше не будем больше смотреть туда, — решил Лукас и легонько хлопнул Джима по плечу.

Они повернулись и теперь смотрели только вперед.

— Ну вот! — сказал Лукас. — Набью-ка я себе новую трубочку, и мы с тобой немножко поболтаем. — С этими словами Лукас достал свою трубочку, набил ее свежим табачком, как следует раскурил и принялся болтать с Джимом. За разговорами друзья и не заметили, как к ним снова вернулось хорошее настроение — они смеялись и были очень довольны. Так и плыли они себе по морским просторам, залитым лунным светом.

ГЛАВА ПЯТАЯ,

в которой заканчивается морское путешествие,
а Джим видит прозрачные деревья

Путешествие проходило без особых приключений. К счастью, погода стояла хорошая. Дул легкий бриз, и корабль спокойно продвигался вперед.

— Хотел бы я знать, — сказал однажды задумчиво Джим, — куда мы, собственно говоря, плывем.

— Сам не знаю, — честно признался Лукас, — посмотрим, куда нас занесет.

Пока они плыли, вокруг корабля кружились стайки летучих рыб, и друзьям очень нравилось наблюдать за ними. Летучие рыбы оказались большими озорницами. Они все время норовили прошмыгнуть у Джима прямо над головой, а то затевали с ним игру в догонялки. Правда, ему ни разу не удалось поймать ни одной рыбки, ведь они такие шустрые, хотя Джим старался изо всех сил — так старался, что пару раз даже свалился в воду. К счастью, он умел хорошо плавать — научился еще в Медландии, когда был совсем маленьким. И всякий раз, когда Лукас выуживал промокшего до нитки Джима и сажал его для просушки на крышу кабины машиниста, летучие рыбы высывались все, как одна, из воды и широко раскрывали свои рты, так что казалось, будто они беззвучно смеются, ведь по-другому они не умеют, всем известно, что рыбы немые.

Когда путешественникам хотелось есть, они просто собирали морские груши и огурцы с коралловых деревьев. Эти коралловые деревья бывают, кстати сказать, такими высокими, что достают до самой поверхности моря. Морские фрукты очень питательны, в них много витаминов, к тому же они такие сочные, что прекрасно утоляют жажду, — во всяком случае, наши друзья от отсутствия пресной воды не страдали (морскую воду ведь пить нельзя, потому что в ней много соли).

Днем они обычно рассказывали друг другу всякие истории, или насвистывали песенки, или играли в какие-нибудь игры — Лукас

предусмотрительно прихватил с собою целую коробку с играми, чтобы веселее было коротать время в долгом путешествии.

Ночью же, когда нужно было укладываться спать, друзья осторожно отодвигали крышку тендера, которую они обыкновенно держали закрытой, и ныряли через отверстие для подачи угля прямо в кабину. Лукас изнутри водружал крышку тендера на место. Затем они залезали под теплые одеяла и устраивались поудобнее. Конечно, в этой каюте было тесновато, но зато очень уютно, особенно когда снаружи хлюпающие волны с легким шумом разбивались о толстые бока Кристи, который, покачиваясь, как большая люлька, уверенно шел вперед.

Однажды — точнее сказать, на третий день четвертой недели их путешествия — Джим проснулся необычайно рано. Ему показалось, будто бы он ощутил явный толчок.

«Что бы это значило? — подумал он. — И отчего это Кристи не качается, а стоит на месте?»

Поскольку Лукас спал непробудным сном, Джим решил сам посмотреть, в чем там дело. Стараясь не потревожить друга, он осторожно вылез из-под одеяла, встал на цыпочки и выглянул в окошко.

В розоватых предрассветных сумерках его взору открылся невиданный пейзаж, удивительно мягкий и красивый. Никогда ничего подобного он еще не видел, даже на картинках.

— Нет, — сказал он, помолчав некоторое время, — это не может быть правдой. Наверное, мне все это снится.

Джим юркнул под одеяло, закрыл глаза, собираясь досмотреть чудесный сон до конца. Но с закрытыми глазами он ровным счетом ничего не видел. Значит, наверное, это не сон. Он снова поднялся и выглянул в окошко — пейзаж был на месте.

Там стояли фантастические деревья и цветы самых причудливых форм и красок, но, что удивительно, все они казались прозрачными, будто бы сделанными из цветного стекла. Прямо перед окошком, в которое смотрел Джим, высилось гигантское старое дерево с таким толстенным стволом, что его едва ли обхватили бы трое взрослых мужчин. Но сквозь него все было видно, как будто здесь стояло не дерево, а аквариум. Само дерево было нежно-фиолетового цвета, и потому все, что находилось за ним, тоже казалось нежно-фиолетовым.

Над полями и лугами клубился легкий туман, тут и там виднелись извилистые речушки, через которые были переброшены изящные узкие мостики из настоящего фарфора. У некоторых мостов было сделано что-то вроде крыши, по краям которой висело множество серебряных колокольчиков, весело поблескивавших в первых лучах утренней зари. На многих деревьях и цветах тоже висели серебряные колокольчики, которые при малейшем порыве ветра издавали нежнейшие звуки, сливавшиеся в совершенно неземную многоголосую мелодию. Над цветами порхали огромные бабочки с переливчатыми крылышками, а крошечные птички с длинными изогнутыми клювами бесшумно перелетали от цветка к цветку, собирая мед и росу. Эти птички были не больше шмеля. Они называются колибри и считаются самыми маленькими птицами на земле. У них такое красивое оперение, что кажется, будто оно сделано из чистого золота и драгоценных камней.

А вдалеке, у самого горизонта, возвышались громадные горы, уходившие своими вершинами куда-то за облака. Горы эти были раскрашены в красно-белую полоску. С такого расстояния они напоминали чудесную обложку гигантского альбома для рисования, принадлежащего какому-нибудь великанышу школьного возраста.

Джим прямо глаз не мог отвести от всей этой красоты, он все смотрел и смотрел и от изумления даже рот раскрыл.

— Н-да, — услышал он вдруг голос Лукаса, — видок у тебя, прямо скажем... Ты что там, ворон считаешь? Кстати, доброе утро, Джим, — сказал Лукас, отчаянно зевая спросонья.

— Ой, Лукас, — отозвался Джим, даже не поворачивая головы в сторону своего приятеля — настолько он был заворожен открывшейся ему картиной. — Тут такое... все прозрачное, и... и... и...

— Ну и что, что прозрачное? — спросил Лукас и снова зевнул. — Вода, насколько мне известно, всегда прозрачная. Честно говоря, мне уже поднадоело целыми днями паяться на эту воду. Хотелось бы уже чего-нибудь новенького.

— При чем здесь вода?! — От волнения Джим почти кричал. — Я имею в виду деревья.

— Деревья? — вяло переспросил Лукас и как следует потянулся, так что вокруг все затрещало. — Ты, наверное, еще не проснулся,

Джим. На море не растут деревья, малыш, и уж тем более прозрачные.

— Какое море! — Джим уже кричал во весь голос, терпению его приходил конец. — Я вижу сушу, и деревья, и цветы, и горы... — Тут он схватил Лукаса за руку и попытался его поднять.

— Ну что там еще такое? — пробурчал Лукас, нехотя поднимаясь с постели.

А когда он наконец выглянул в окошко, то увидел собственными глазами сказочную картину, которая поразила его настолько, что он даже потерял дар речи. Прошло немало времени, пока он сумел выдать из себя:

— Черт побери! — и снова замолчал. Увиденное потрясло его.

— Интересно, что это за страна? — первым заговорил Джим.

— Такие странные деревья... — в задумчивости бормотал Лукас, — и все эти серебряные колокольчики, и эти изогнутые узкие мостики из фарфора... — Но тут его вдруг осенило: — Да это же Китай! Давай-ка, Джим, вылезай, помоги мне вытащить Кристи на берег.

Они выбрались наружу и с некоторым усилием вытолкнули паровозик на сушу. Справившись с этой задачей, они спокойно позавтракали, истребив все запасы морских огурцов. Затем Лукас набил свою трубку и раскурил ее.

— И куда мы теперь поедem? — полюбопытствовал Джим.

— Лучше всего, наверное, — размышлял Лукас, — сразу же поехать в Пекин — кажется, так называется столица Китая. Посмотрим, может быть, нам удастся побеседовать с его величеством императором.

— А зачем он тебе понадобился? — удивленно спросил Джим.

— Да хочу спросить, не нужен ли ему паровоз и два машиниста. Вдруг он как раз ищет что-нибудь в этом роде? Понимаешь? Странно, кажется, вполне ничего.

Они тут же принялись за работу, чтобы снова переделать Кристи из морского транспорта в сухопутный. Сначала они сняли мачту с парусом, потом раздраили двери, соскоблив тщательнейшим образом всю смолу и вытащив всю паклю. Затем они залили котел водой, а в тендер загрузили сушняк, который в большом количестве валялся на берегу.

Покончив с этим, они разложили костер под самым котлом. Оказалось, что ветки у прозрачных деревьев горят так же хорошо, как и у обыкновенных. Когда вода в котле закипела, они отправились в путь. Кристи чувствовал себя теперь гораздо увереннее, чем на море, — все-таки вода не его стихия.

Вскоре они добрались до широкой дороги, по которой так удобно было катить вперед. Дорога шла все прямо и прямо, и слава богу, что на пути им не попадались фарфоровые мостики.

Так они ехали и ехали, никуда не сворачивая, и правильно делали, ведь широкая дорога вела прямо в Пекин, столицу Китая.

Сначала они видели только полосатые горы на горизонте, но приблизительно через пять с половиной часов езды Джим, сидевший на крыше локомотива, чтобы лучше было обозревать окрестности, вдруг приметил вдалеке нечто, напоминавшее гигантский палаточный лагерь, состоявший из бесчисленного множества громадных палаток. И все эти палатки сверкали на солнце, как будто они были сделаны из чистого железа.

Джим тут же сообщил Лукасу о своем открытии, и Лукас объяснил ему, что это золотые крыши Пекина.

— Стало быть, мы на правильном пути, — добавил он.

И вот не прошло и получаса, как друзья уже прибыли в столицу Китая — город Пекин.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

в которой толстая желтая рожа Чингиза
всяческие препятствия

Пекин оказался очень густонаселенным городом, и населен он был исключительно китайцами. От невообразимой сутолоки и суеты, царивших на улицах Пекина, Джиму, никогда в жизни не видевшему такого столпотворения, сделалось прямо-таки дурно.

У всех китайцев были узкие глаза-щелочки, на головах — большие шляпы, из-под которых выглядывали волосы, заплетенные в косицы. Они крепко держались за руки, причем не как попало, а строго по росту — китаец повыше держал за руку китайца поменьше, а тот в свою очередь прицеплялся к еще более мелкому китайцу и так далее и так далее, до самого последнего китайца, который был уже совсем крошечный — величиной с горошину. Держал ли тот кого-нибудь за руку, за неимением лупы сказать было трудно.

Вся улица была запружена народом — это китайцы гуляли со своими детьми (у них всегда очень много детей, а у детей, в свою очередь, тоже много детей, поэтому у них в одной семье получается сразу много-много поколений — три, четыре, пять, шесть и так далее). Казалось, будто все вокруг кишмя кишело людьми, которые беспорядочно сновали туда-сюда и при этом отчаянно жестикули-

ровали. При виде такой кучи-малы у Джима прямо голова пошла кругом и в глазах зарябило.

Кроме тьмы-тьмущей китайцев, в Пекине было еще несметное количество домов, а каждый дом имел много-премного этажей, и у каждого этажа была сделана своя собственная золоченая крыша с такими обвислыми краями, которые на конце загибались кверху.

На каждом окошке висел пестрый флажок или фонарик, а на всех боковых улочках были натянуты бельевые веревки: сотни веревок тянулись с одной стороны улицы на другую — это чтобы сушить белье. Ведь китайцы — очень чистоплотный народ. Ни один уважающий себя китаец не наденет грязную одежду, даже самый крошечный китаец, тот, что величиной с горошину, каждый божий день стирает свои вещички и вешает их на тонюсенькую веревочку, толщиной в обыкновенную нитку.

Кристи пришлось изрядно попотеть, чтобы протиснуться сквозь толпу и никого не подавить. По тому, как он пыхтел, видно было, что ему это стоит невероятных усилий. Боясь, что кто-нибудь все-таки угодит под колеса, Кристи беспрестанно сигналил, расчищая себе путь среди шныряющих туда-суда китайцев и их детей. Казалось, еще немножко — и он просто сломается от напряжения.

Но вот наконец друзья добрались до главной площади, где как раз и находился императорский дворец. Лукас потянул за рычаг, Кристи остановился и, облегченно вздохнув, выпустил пар. Китайцы от страха прыснули в разные стороны. Они ни разу в жизни не видели паровозов и приняли Кристи за огнедышащее чудовище, которое хочет их всех изжарить себе на завтрак.

Лукас неторопливо раскурил свою трубочку и сказал:

— Ну, Джим, пошли! Посмотрим, дома ли китайский император.

Они слезли с паровоза и отправились ко дворцу.

К воротам императорского дворца вела серебряная лестница из девяноста девяти ступенек, а сами ворота, высотой в десять метров и шириной в шесть с половиной метров, были сделаны из очень ценного эбенового дерева. Это такая особая порода древесины — она черная-пречерная, как уголь, как смоль и как вороново крыло, вместе взятые. На всем белом свете осталось только двести центнеров и семь граммов этой породы. Вот такая она редкая. И не

меньше половины всех запасов эбенового дерева ушло на эти самые императорские ворота.

У ворот была приделана табличка из слоновой кости, а на ней — надпись золотыми буквами:

КИТАЙСКИЙ ИМПЕРАТОР

Под табличкой — звонок с кнопкой из чистейшего бриллианта.

— Черт побери! — сказал Лукас, не найдя от удивления других слов. Джим молча взирает на всю эту роскошь, не в силах оторвать глаз от такой красоты.

Лукас позвонил в звонок, и тут же в эбеновых воротах распахнулось маленькое окошечко и показалась толстая желтая физиономия, которая с любезной улыбкой уставилась на пришельцев. Наверное, эта толстая физиономия прикреплялась к такому же толстому туловищу, но его не было видно из-за дверей.

— Что вам угодно, достопочтенные господа? — тонюсеньким голосом пропищала толстая желтая физиономия.

— Мы машинисты, приехали из-за рубежа вместе с нашим локомотивом, — отвечал Лукас, — и нам бы очень хотелось, если это возможно, побеседовать с китайским императором.

— А по какому поводу вам нужен наш достопочтенный император? — любопытствовала голова, снисходительно улыбаясь.

— Мы объясним это в личной беседе с императором, — ответил на это Лукас.

— К сожалению, это совершенно невозможно, многоуважаемый машинист восхитительнейшего локомотива, — прошелестела физиономия, расплываясь в еще более любезной улыбке, — совсем-совсем невозможно побеседовать с нашим достопочтенным императором. Если только, конечно, у вас нет приглашения. У вас есть приглашение? — спросила странная голова без тела.

— Нет, — озадачился таким вопросом Лукас. — А на что оно нам?

Не вдаваясь в дальнейшие объяснения, толстая голова заявила:

— Прошу искреннейше простить меня, мелкого червя, недостойного ваших высокочтимых взоров, но в таком случае я не вправе вас впустить. Император занят.

— Но может быть, за весь день у него все-таки найдется минутка и для нас? — снова спросил Лукас, проявляя некоторую настойчивость.

— Весьма сожалею, — ответила физиономия со сладчайшей улыбкой, — но у нашего императора не бывает свободных минуток. Мое почтение, господа! — С этими словами голова с треском захлопнула окошечко.

— Черт подери! — процедил Лукас сквозь зубы, и друзья побрели вниз по серебряной лестнице в девяносто девять ступенек.

— Знаешь, — сказал Джим, — у меня такое чувство, что император смог бы выкроить для нас минуточку, просто этот толстый привратник не хочет нас впускать.

— Похоже на то, — пробурчал сердито Лукас.

— Что же нам теперь делать? — спросил Джим.

— Давай-ка погуляем по городу, посмотрим, что тут и как, — предложил Лукас, к которому снова вернулось хорошее расположение духа. Он никогда не мог долго сердиться.

Они пересекли площадь, на которой собралось великое множество народу. Отойдя на почтительное расстояние, китайцы с большим интересом разглядывали паровоз. Кристи чувствовал себя крайне неловко и от смущения даже потупил фары. Когда наконец появился Лукас и дружески похлопал его, Кристи облегченно вздохнул.

— Слушай, Кристи, — сказал Лукас, — мы тут с Джимом пойдем погуляем, а ты останешься здесь, ладно?

Кристи ничего не оставалось делать, как снова вздохнуть.

— Мы недолго, — попытался утешить его Джим.

На этом они попрощались с Кристи и отправились гулять по городу.

Несколько часов подряд друзья бродили по всяким разным узким переулкам-закоулкам, по пестрым широким улицам и площадям и смотрели во все глаза по сторонам — столько здесь было всего диковинного и удивительного. Вот взять хотя бы чистильщиков ушей. Чистильщики ушей у них — вроде наших чистильщиков обуви. Они тоже сидят на улицах, перед каждым стоит стул. Хочешь почистить уши — пожалуйста, садись на стул, и твои уши будут сверкать как новенькие. Только китайцы обходятся с ушами не так, как мы: мокрой тряпкой пыль смахнул, спичечкой поковырял, раз два — и готово! Нет, у них это целая процедура. У каждого чистильщика ушей есть специальный столик с серебряной столешницей, а на ней разложено бесчисленное множество каких-то крошечных ложечек, кисточек, палочек, щеточек, тампончиков, плосечек, чашечек и так далее. И все это им нужно для работы.

Китайцев хлебом не корми, дай уши почистить. И делают они это не только из аккуратности, но и потому, что им очень нравится сам

процесс: ведь так приятно, когда мастер легонько щекочет тебя, пошкрябывая твоё ухо.

А ещё там были, например, волососчеты, которые могли любому сосчитать, сколько у него волос на голове. Потому что в Китае это очень важно, сколько у тебя волос. У всякого порядочного волососчета имелись такие малюсенькие золотые щипчики, которыми он мог легко подцепить каждую волосинку. Сосчитает сто штук, соберёт их в пучок, подвяжет ленточкой и давай дальше считать, и так до тех пор, пока уж и головы не будет видно из-за бантиков. А рядом непременно сидит подмастерье, который пересчитывает все пучки и складывает их вместе. Конечно, на такое дело обыкновенно уходит много часов. Но бывает, конечно, что хватает и нескольких минут, ведь и в Китае попадаются люди, у которых на голове всего-то две-три волосины или и того меньше.

Много ещё всякой всячины увидели друзья на улицах Пекина. Одни только фокусники чего стоили! Особенно их поразили тот фокусник, который на глазах у всех из маленького семечка вырастил крошечное деревце, а на деревце сидели настоящие птички, которые весело щебетали; на ветках висели миниатюрные фрукты, напоминавшие жемчужины, и их можно было попробовать — вкусно-тища необыкновенная!

Ещё они видели жонглеров, которые жонглировали не простыми мячами или шарами, а своими маленькими детьми. И эти отважные крохи, кувыркаясь в воздухе, умудрялись ещё играть на маленьких дудочках!

А магазины, магазинчики, лавки, лавчонки и прочее — чего там только не продавалось! Ни у одного человека не хватит воображения, чтобы представить себе все это, если он сам ни разу не бывал в Китае. Только чтобы перечислить те фрукты, тончайшие ткани, посуду, игрушки, утварь, от которых прямо-таки ломились все прилавки, понадобится в десять раз больше страниц, чем в этой книжке.

Или вот ещё одна чудесная вещь — резьба по слоновой кости. Среди резчиков по кости попадаются иногда совсем уж глубокие старцы — лет под сто или больше, — и, представьте себе, за всю свою долгую жизнь они успевают сделать только одну-единственную вещь. Но зато какую! Таким произведениям просто цены нет. Ну а поскольку они такие дорогие, что их все равно никто купить

не может, то мастера их дарят тому, кого они считают достойным такого подарка. Некоторые из них, например, вырезали из слоновой кости шарик величиною с мяч. И вся поверхность этого шарика состояла из прекраснейших картин, но не нарисованных, а вырезанных, причем настолько искусно, что казалось, будто это тончайшее кружево, а не твердая слоновая кость.

Если заглянуть внутрь такого шарика, то можно увидеть, как сквозь ажурное плетение первого слоя проглядывает второй шарик, тоже весь резной. А в нем — еще шарик и так далее и так далее до самой середины, где лежал последний крошечный шарик. Самое удивительное, что все это сделано из одного цельного куска, а не из разных. Вырезав первый слой, мастер приступал к следующему, просовывая в образовавшиеся отверстия свои инструменты — всякие пилочки, ножички и так далее.

Работать они начинали прямо, можно сказать, с пеленок, когда еще сами были не больше горошины, и продолжали всю жизнь, пока не превращались в дряхлых седовласых старцев. И вся их жизнь отражалась в этих ажурных картинах, как в таинственной книге с чудесными иллюстрациями.

В Китае резчики по слоновой кости пользовались всегда огромным уважением, и люди называли их почтительно: великий мастер слоновой кости.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

в которой Кристи приходится играть в карусель,
а друзья знакомятся с маленьким китайчонком

Целый день друзья бродили по городу. Солнце уже склонялось к горизонту, и золотые крыши поблескивали в его лучах.

Начинало смеркаться, и китайцы зажгли свои фонарики, которые весело светились всеми цветами радуги. Эти фонарики китайцы подвешивали на такие длинные палки вроде удочек и ходили с ними по улицам. У больших китайцев были большие удочки, у маленьких — маленькие. Некоторые крохи выглядели просто как светлячки.

За всеми этими чудесами друзья забыли, что с утра у них во рту и маковой росинки не было.

— Вот так так! — рассмеялся Лукас. — Сейчас что-нибудь придумаем. Пойдем-ка в какое-нибудь кафе и закажем себе настоящий ужин!

— По рукам, — согласился Джим. — А кстати, у тебя есть китайские деньги?

«Черт побери, — ругнулся про себя Лукас и задумчиво почесал за ухом. — Об этом я как-то не подумал».

— Ну ладно, есть деньги, нет денег, но без еды человек не может. Стало быть, надо как-нибудь выкручиваться, — сказал Лукас и погрузился в размышления.

Джим терпеливо ждал. Тут Лукаса осенило.

— Придумал! Если у нас нет денег, то их можно заработать.

— Отличная идея, — поддержал его Джим, — но как?

— Очень просто, — объяснил Лукас, — мы пойдем сейчас к Кристофу на площадь и будем катать китайцев — за плату, конечно: один круг — десять ли.

Друзья поспешили на площадь, где по-прежнему вокруг Кристофа на почтительном расстоянии стояла толпа зевак. Теперь они все держали в руках фонарики.

Лукас и Джим с трудом протиснулись сквозь толпу и забрались на локомотив. Зрители оживились — они явно ждали чего-то необычного.

— Внимание, внимание! — громким голосом сказал Лукас, обращаясь к собравшимся. — Достопочтенная публика! Мы приехали издалека и, вероятно, скоро покинем вашу страну. Не упустите этой единственной возможности покататься на локомотиве. Только сегодня и только для вас — всего десять ли за целый круг! Только десять ли, и вы объедете на паровозе всю эту гигантскую площадь!

Люди зашептались, зашушукались, но никто не сдвинулся с места. Лукас продолжал усердно зазывать публику:

— Подходите, не стесняйтесь! Локомотив не кусается! Не бойтесь! Смелее, вперед!

Толпа с благоговейным почтением взирала на Лукаса и Джима, но никто не отважился выйти первым.

— Боятся, — тихонько проговорил Лукас. — Попробуй-ка теперь ты, — сказал он, обращаясь к Джиму.

Джим набрал побольше воздуха и закричал что было мочи:

— Ребята, давайте кататься! Послушайте меня, не пожалеете — это так здорово! Катание на паровозе — самое веселое занятие в мире, веселее, чем на карусели! Внимание, внимание! Через десять минут мы отправляемся. Просьба занять места. Подходите! Десять ли за круг! Только десять ли!

Но все было без толку — никто даже не шелохнулся.

— Не хотят, — прошептал Джим упавшим голосом.

— Давай сделаем кружочек — может, клюнут, — решил Лукас.

Друзья забрались в кабину машиниста и двинулись по кругу, но это произвело совершенно обратный эффект. Перепуганная насмерть публика кинулась врассыпную, и через секунду на площади не осталось ни единой души, будто всех ветром сдуло.

— Ничего не вышло, — сказал Джим, тяжело вздохнув, когда они наконец остановились.

— Стало быть, надо придумать что-нибудь получше, — пробурчал себе под нос Лукас.

Они вылезли из кабины, сели рядом прямо на мостовую и стали ломать головы, что бы такое еще изобрести. Но дело подвигалось

туго, так как в животах у них отчаянно урчало, и от этого ничего хорошего на ум не приходило. В конце концов Джим не выдержал:

— Ничего мы не придумаем. Если б мы хоть кого-нибудь тут знали, хоть какого-нибудь китайца, он бы нам мог посоветовать, что делать. — Голос Джима звучал очень жалобно.

— Конечно посоветовал бы! — раздался вдруг чей-то тонюсенький голосок. — Чем могу быть вам полезен?

Лукас и Джим стали удивленно озираться по сторонам, пока наконец не заметили внизу крошечного китайчонка: он был такой маленький, что запросто мог бы уместиться на ладонке. Его голова, например, была не больше, чем шарик для пинг-понга. И хотя китайцы все не очень-то крупные, этому смельчаку еще явно не хватало роста, чтобы считаться взрослым. «Он, наверное, из третьего, а может, и четвертого поколения в семье — в общем, малявочка», — подумали друзья, глядя на крошечного китайчонка, который в этот момент снял свою миниатюрную шляпу и склонился в глубочайшем поклоне, так что вместо его лица приятели видели теперь только черную косицу, торчавшую кверху.

— Позвольте представиться, высокочтимые чужеземцы, — сказал он, — Пинг Понг. Я к вашим услугам.

Лукас вынул трубку изо рта и тоже поклонился, стараясь сохранять очень серьезное выражение лица.

— Меня зовут машинист Лукас, — представился он.

Теперь настала очередь Джима.

— Меня зовут Джим Пуговка, — сказал он, почтительно кланяясь новому знакомому.

Когда церемония знакомства завершилась, Пинг Понг снова поклонился и сказал:

— Я слышал, как урчат ваши животы. Для меня было бы высочайшей честью накормить вас, друзья. Подождите меня здесь минуточку!

И он помчался со всех ног ко дворцу. Он бежал с такой скоростью, что казалось, будто это катится маленькое колесико.

Когда он исчез в темноте, ошарашенные друзья посмотрели друг на друга с недоумением.

— Интересно, чем все это кончится, — сказал Джим.

— Поживем — увидим, — ответил Лукас и принялся выбивать свою трубку.

Вскоре появился Пинг Понг, взгромоздивший на голову какой-то гигантский тюк, под тяжестью которого бедняга едва передвигал ноги. Оказалось, что он притащил маленький столик, покрытый лаком (не больше обыкновенного подноса). Столик Пинг Понг поставил рядом с паровозом, а вокруг стола разложил подушки размером с почтовую марку.

— Прошу садиться! — сказал Пинг Понг, широким жестом приглашая своих гостей занять места на подушечках.

Друзья постарались кое-как уместиться на крошечных «сиденьях». Нельзя сказать, что им было очень удобно, но ничего не поделаешь — им не хотелось быть невежливыми по отношению к Пинг Понгу, который и так носился как угорелый между дворцом и площадью. Он притащил, например, чудесный маленький фонарик, на котором была нарисована веселая рожица. Потом он сгонял за палочкой-удочкой для него и ловко вставил ее в колесо паровоза, так что получилось очень красиво — вокруг темным-темно, а у них над столом уютно светит огонек.

— Ну вот, — пропищал Пинг Понг, с явным удовлетворением оглядывая свою работу. — Что же позволите мне предложить вам на ужин, высокочтимые чужеземцы?

— Хороший вопрос, — с некоторой заминкой ответил Лукас, явно не знавший, что и сказать на это. — А что у вас, собственно говоря, есть?

Радужный хозяин принялся старательно перечислять те кушанья, которые он мог доставить к столу своих гостей:

— Могу вам предложить столетние яйца с нежнейшим салатом из беличьих ушек. Или, может быть, желаете засахаренных дождевых червей в сметане? Очень рекомендую пюре из древесной коры с тертой лошадиной подковой. А может, вам больше по вкусу осиное гнездо со змеиной шкурой в уксусе и масле? Или вы предпочли бы муравьиные клецки с пикантным соусом из улиточной слизи? А вот еще можно попробовать печеные стрекозиные яйца в меду или нежнейших шелковичных червей с отварными ежевыми колючками. Или вы остановитесь на хрустящих ножках кузнечика с салатом из внутренностей божьих коровок?

Совершенно ошарашенные от такого меню, друзья только недоуменно переглядывались, пока наконец Лукас не осмелился прервать сей бесконечный список.

— Милый Пинг Понг, — сказал он, — это все, наверное, изысканнейшие деликатесы. Но, знаешь, мы ведь совсем недавно в вашей стране, и нам надо еще немножко привыкнуть к вашей пище. Нет ли у вас чего-нибудь простенького?

— Конечно, конечно, — живо откликнулся Пинг Понг. — Вот, например, конские яблоки, обваленные в сухарях, тушеные в слоновьих сливках.

— Ой, спасибо, не надо, — вмешался тут Джим. — Нет ли у вас нормальной, настоящей еды?

— Нормальной, настоящей еды? — в растерянности переспросил Пинг Понг. Но через секунду лицо его озарилось счастливой улыбкой. — О, я понял! — закричал он. — Вы хотите что-нибудь вроде мышиных хвостов или пудинга из лягушачьей икры. Это самое нормальное из того, что мне известно.

Джима даже передернуло при мысли о мышиных хвостах и пудинге из лягушачьей икры.

— Нет, нет, только не это, — сказал он. — Не найдется ли у вас просто какого-нибудь бутербродика?

— Какого-нибудь чего? — переспросил Пинг Понг.

— Бутербродика, — повторил Джим.

— Нет, никогда даже о таком и не слышал, — ответил растерянно Пинг Понг.

— А может быть, жареной картошечки с яичницей? — поинтересовался Лукас.

— Нет, и это кушанье мне не известно, — ответил Пинг Понг.

— Или вот еще бывает жаркое из свинины, — продолжал Лукас, у которого уже слюнки текли от таких слов.

Теперь настал черед Пинг Понга ужаснуться — при упоминании жаркого из свинины его прямо передернуло, и он уставился на друзей с неподдельным изумлением.

— Простите, высокочтимые чужеземцы, что я так отреагировал на ваши слова, — пропищал малыш, — но неужели вы действительно можете такое есть?

— Можем, можем, еще как! — закричали друзья в один голос.

На некоторое время вся компания погрузилась в глубочайшие размышления, пока наконец Лукаса не осенило.

— Ребята, идея! — закричал он радостно. — Мы ведь в Китае, а в Китае должен быть рис.

— Рис? — озадачился Пинг Понг. — Самый обыкновенный рис?

— Самый обыкновенный, — подтвердил Лукас.

— Знаю, знаю, — завопил Пинг Понг вне себя от счастья, — я принесу вам королевский рис! Сейчас, я мигом, одна нога тут, другая там.

И он собрался уж было лететь, как Лукас удержал его на полдороге, ухватив за рукав.

— Только прошу тебя, Пинг Понг, — сказал он, — если можно, без всяких там жуков и жареных шнурков.

Пинг Понг клятвенно пообещал учесть пожелание гостей и растворился во тьме.

Через некоторое время он появился снова, торжественно неся две малюсенькие плошки величиною с наперсток.

Друзья недоуменно переглянулись и подумали про себя: пожалуй, маловато будет для двух голодных машинистов. Но вслух ничего не сказали, ведь в гостях нехорошо капризничать.

Тут Пинг Понг снова куда-то умчался и скоро вернулся с двумя другими плошками. И так он сновал туда-сюда, пока наконец весь стол не был уставлен посудой, и из всех этих чашечек, плошечек, горшочков пахло чертовски аппетитно. Перед каждым из гостей

Пинг Понг положил по две тоненькие палочки, напоминавшие карандаши.

— Хотел бы я знать, зачем нам эти палочки? — шепотом спросил Джим у Лукаса.

И хотя Джим говорил совсем тихо, Пинг Понг услышал его вопрос и сказал:

— Эти палочки, достопочтенный Пуговиценосец, представляют собою столовый прибор. Ими едят.

— Ага, понятно, — ответил Джим, несколько озадаченный таким объяснением.

— Ну ладно, попробуем, — решил Лукас, — приятного аппетита!

И они стали пробовать. Но всякий раз, когда им удавалось с невероятным усилием водрузить на палочку одну-единственную рисинку, она непременно сваливалась перед самым ртом. Это было очень неприятно, ведь чем дольше они глядели на еду, которая так предательски вкусно пахла, тем больше им хотелось есть.

Пинг Понг, как человек вежливый, делал вид, что не замечает неловкости своих гостей, и даже тень улыбки не промелькнула на его лице. Но в конце концов даже Джим и Лукас не выдержали и принялись хохотать. Тогда и Пинг Понг позволил себе немножко посмеяться.

— Извини нас, Пинг Понг, — сказал Лукас, — но мы, пожалуй, будем лучше есть без палочек. Иначе мы умрем с голоду.

И они прекрасно обошлись без палочек, ведь все плошки-чашки были не больше чайной ложки.

Во всех этих многочисленных мисочках был рис — всевозможных сортов и приготовленный самыми разными способами, один другого лучше — красный рис, зеленый рис, черный рис, сладкий, острый, соленый, рисовая каша, рисовая запеканка, рис на пару, глазированный, голубой и позолоченный. И друзья все ели и ели и никак не могли остановиться.

— Скажи, пожалуйста, Пинг Понг, — спросил Лукас, отрываясь от ужина, — а почему ты не ешь с нами?

— Это невозможно, — ответил Пинг Понг, придав своему лицу очень важное выражение. — Детям моего возраста такая еда совершенно не подходит. Нам следует питаться жидкой пищей.

— То ешь как это? — прошамкал Джим с набитым ртом. — А школько тебе лет?

— Мне триста шестьдесят восемь дней, — ответил гордо Пинг Понг, — но у меня уже целых четыре зуба.

Прямо чудеса какие-то, подумать только — Пинг Понгу было всего год и три дня! Невероятно.

Здесь придется остановиться и кое-что объяснить.

Китайцы — очень умный народ. Можно даже сказать, что они самые умные в мире. К тому же это очень древний народ. Они уже существовали на Земле, когда других народов еще и в помине не было.

Именно поэтому даже самые маленькие китайцы умеют стирать. В один год они запросто бегают где хотят и могут разговаривать как взрослые. В два года они умеют читать и писать. В три — решают сложнейшие задачки, которые не всякий наш профессор одолеет. У нас бы таких детей быстренько определили в вундеркинды, а в Китае все дети такие, так что никто не придает этому никакого значения.

Вот почему Пинг Понг умел так изысканно изъясняться и справлялся с самим собой не хуже родной мамы. Но в остальном он ничем не отличался от прочих младенцев его возраста во всем мире. Скажем, он еще не мог обходиться без пеленок и подгузников. Вместо штанов на нем была обыкновенная пеленка, завязанная сзади бантиком, — почти все как у наших детей, не считая, конечно, того, что он по сравнению с ними был большим умником.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

в которой Лукас и Джим обнаруживают
таинственные надписи

Взошла полная луна, и ее серебристо-белый свет разлился по улицам Пекина. Со стороны дворца слышались глухие гулкие удары гонга.

— Это Яу, час кузнечика, — объяснил Пинг Понг. — Время, когда все маленькие детки в Китае получают свой последний засыпальный рожок. Можно я сбегаю за своим?

— Конечно, конечно, — разрешил Лукас.

Пинг Понг умчался куда-то, но через минуту был уже снова на месте, в руках он держал крошечную бутылку с соской наподобие кукольных бутылочек у нас. Он пристроился на подушечке и сказал:

— Я предпочитаю ящеричное молоко. Оно просто незаменимо для детей моего возраста. Хотя оно, прямо скажем, не слишком-то вкусное, но зато чрезвычайно полезное. — С этими словами он припал к своей бутылочке и принялся усердно сосать.

— Скажи-ка, Пинг Понг, — обратился Лукас к малышу через некоторое время, — а где ты раздобыл нам ужин, да еще так быстро?

Пинг Понг на секунду оторвался от своей трапезы.

— На императорской кухне, — сказал он как бы между прочим, — видите, вон там, рядом с серебряной лестницей, дверь. Она ведет в кухню.

Теперь, при свете луны, эта дверь была хорошо видна. Днем друзья ее совершенно не заметили. Джим прямо-таки рот открыл от удивления.

— И что, ты вот так запросто можешь ходить туда-сюда? — спросил он.

— Почему бы и нет? — ответил Пинг Понг, пожимая плечами, и добавил с очень важной миной: — В конце концов, я тридцать второй ребенок четвертого поколения господина Шу Фу Лу Пи Плун, шеф-повара его императорского величества.

— А разве тебе разрешают брать еду просто так, когда захочешь? — поинтересовался Лукас, несколько озабоченный щекотли-

вым положением, в котором они оказались. — Ведь, наверное, эта еда предназначалась для кого-то?

— Это был ужин его императорского величества, — ответил Пинг Понг, небрежно махнув ручкой, как будто речь шла о каком-то пустяке.

— Что-о-о? — в один голос закричали Джим и Лукас. В ужасе они посмотрели друг на друга.

— А что тут такого? — удивился Пинг Понг, видя, как переполошились его новые друзья. — Достопочтенный император опять не пожелал принять пищу.

— А почему не пожелал? — искренне изумился Джим. — Ведь все такое вкусное!

— Вкусное-то вкусное, да дело не в этом. Разве высокочтимые чужеземцы не знают, что случилось с нашим императором? Об этом знает весь мир!

— Нет, не знаем, — ответил Лукас. — А что с ним стряслось?

Пинг Понг сразу посерьезнел.

— Я все покажу вам, когда закончу свои дела, — пообещал он. — Одну минуточку!

И он снова припал к своей бутылочке.

Лукас с Джимом многозначительно переглянулись. Может быть, Пинг Понг поможет им пройти к императору!

Пока Пинг Понг сосредоточенно занимался своим важным делом, Лукас задумчиво смотрел на палочки, которые лежали на столе.

— Тут какая-то надпись, — сказал он, как следует разглядев обе палочки, — похоже на стихотворение.

— А что там написано? — поинтересовался Джим, ведь сам он читать не умел.

Лукасу понадобилось некоторое время, чтобы разобрать надпись, ведь написано все было китайскими буквами, причем буквы располагались не в ряд, а в столбик, одна под другой. Кстати, именно так и пишут в Китае. Надпись выглядела приблизительно так:

**СОЛНЦЕ, ЛУНА, ВСЕ СВЕТИЛА ЗАШЛИ, НЕТ МОЕЙ ДОЧЕРИ,
МИЛОЙ ЛИ ШИ,** — было написано на одной палочке, а на другой стояло:

ГДЕ ТОТ СМЕЛЬЧАК, ЧТО ПРИНЦЕССУ НАЙДЕТ И ПОД ВЕНЕЦ С НЕЮ СРАЗУ ПОЙДЕТ?

— Звучит не слишком-то весело, — сказал Джим после того, как Лукас прочитал все до конца.

— Да, кто-то горюет по своему ребенку, если я правильно понял. Наверное, ребенок умер или болен. Или он где-то далеко-далеко, и некто горюет оттого, что разлучен с ним. Может, даже насильно. Если ребенка, например, похитили.

— Хорошо бы узнать, кто сочинил эти стихи, — сказал Лукас, раскуривая свою трубку.

Пинг Понг тем временем разделался со своей бутылочкой и теперь внимательно прислушивался к разговору друзей.

— Это стихотворение, высокочтимые чужестранцы, — решил он вмешаться в их беседу, — сочинил сам достопочтенный император. Он велел на всех палочках в Китае начертать эти слова, дабы мы ни на минуту не забывали об этом.

— О чем? — хором спросили Лукас и Джим.

— Подождите минуточку, — вместо ответа сказал Пинг Понг и принялся быстро убирать со стола.

Затем он отнес все во дворец: грязную посуду, столик, подушки, — только фонарик он оставил при себе.

— Ну вот, высокочтимые чужеземцы, теперь мы можем отправляться в путь, — с важной миной произнес Пинг Понг.

Но не успели они сделать и нескольких шагов, как маленький провожатый остановился и, смущенно улыбаясь, сказал:

— У меня есть просьба. Мне бы очень-очень хотелось прокатиться на вашем локомотиве. Нельзя ли это как-нибудь устроить?

— Конечно можно, — ответил Лукас. — Только тебе придется указывать нам дорогу.

Джим взял на руки малютку Пинг Понга, друзья забрались в кабину, и паровоз тронулся в путь.

Конечно, Пинг Понгу было немножко страшно, хотя он держался как настоящий смельчак и старался все время вежливо улыбаться.

— Ух, быстро катим! — пищал он. — Следующая улица, пожалуйста, налево — ой, мне кажется... — Пинг Понг с опаской поглядывал на свой круглый животик. — Теперь, пожалуйста, направо... мне кажется... теперь прямо... наверное, я слишком быстро выпил свое молочко... теперь через мост... это вредно для детей моего возраста... все время прямо... очень вредно... еще раз направо... даже противопоказано... ох, как быстро едем, однако!

Через несколько минут они уже доехали до другой площади, совершенно круглой. Посередине возвышался огромный темно-красный фонарь, такой огромный, как тумба для афиш. На фоне совер-

шенно пустынной площади, залитой голубоватым лунным светом, это выглядело довольно мрачно и таинственно.

— Все, приехали, — сказал Пинг Понг каким-то сдавленным голосом. — Это самый центр Китая. А там, где стоит фонарь, — самый центр мира. Вычислено с абсолютной точностью нашими величайшими мудрецами. Поэтому площадь называется просто Центр.

Паровоз остановился, и друзья вышли на площадь. Подойдя к фонарю, они увидели, что и на нем что-то написано. Опять китайскими буквами в столбик:

**Я, ПУНГ ГИНГ, ИМПЕРАТОР КИТАЙСКИЙ, ТОРЖЕСТВЕННО
ОБЕЩАЮ ОТДАТЬ СВОЮ ДОЧЬ, ПРИНЦЕССУ ЛИ ШИ,
В ЖЕНЫ ТОМУ, КТО ОСВОБОДИТ ЕЕ ИЗ ПЛЕНА И ПРИВЕЗЕТ ЕЕ
ИЗ ДРАКОНЬЕГО ГОРОДА ДОМОЙ.**

Прочтя эту надпись, Лукас от удивления присвистнул.

— А что там написано? — спросил Джим.

Лукас прочитал ему текст. Все это время малыш Пинг Понг как-то ерзал на месте, проявляя признаки явного беспокойства.

— Вот уж действительно не надо было так быстро пить молоко, — озабоченно повторял он себе под нос. — Ой-ой-ой! — неожиданно пискнул он.

— Что случилось? — участливо спросил Джим.

— Ах, высокочтимые чужеземцы, — ответил Пинг Понг, в голосе его слышалась тревога. — Вы ведь хорошо знаете, что случается с грудными младенцами: стоит немножко вечером поволноваться — и вот тебе пожалуйста! К сожалению, неприятности избежать не удалось, и теперь я должен срочно перепеленаться.

На всех парах они снова покатили ко дворцу, и Пинг Понг поспешил распрощаться с друзьями.

— Мне уже давным-давно пора спать, — сказал он. — Ну ладно, до завтра! Спокойной ночи, высокочтимые чужеземцы! Мне было очень приятно познакомиться с вами.

Поклонившись, Пинг Понг исчез в тени дворца. Лишь на минутку мелькнул огонек — это с легким скрипом отворилась дверь в кух-

ню, а потом быстро захлопнулась. И снова все стихло в крошечной тьме.

Друзья с улыбкой проводили взглядом нового знакомого.

— Мне кажется, молоко тут ни при чем, — сказал Джим, — наверное, подействовало катание на Кристофе, как ты думаешь?

— Вполне возможно, — ответил Лукас. — Ведь для него это первая поездка в жизни, а он все-таки еще маленький. Ну ладно, Джим, пойдем-ка прикормим на часок-другой. День-то выдался не из легких.

Они забрались в кабинку, устроились поудобнее, насколько это, конечно, было возможно. Хотя они-то и не видели тут никаких неудобств, уже привыкли за время своего морского путешествия.

— Ты думаешь, нам надо попытаться освободить принцессу? — спросил тихонько Джим, закутываясь в одеяло.

— Я думаю, что да, — ответил Лукас, выбивая свою трубочку. — Понимаешь, Джим, если бы мы сумели это сделать, то тогда император наверняка разрешил бы нам провести железную дорогу по всему Китаю. И тогда наш старичок Кристоф снова встал бы на нормальные рельсы, а мы могли бы остаться здесь.

Джим подумал про себя, что он, честно говоря, не слишком-то горит желанием остаться здесь. Конечно, Китай — красивая страна и здесь все прекрасно, но ему хотелось бы жить в стране, где нет такого столпотворения людей, которых он к тому же плохо различал — они казались ему все на одно лицо. Вот Медландия, например, в этом смысле — прекрасная страна. Но Джим не стал делиться своими сомнениями с Лукасом, чтобы тот не подумал, будто Джим скучает. Поэтому он ограничился только одним вопросом:

— А ты когда-нибудь имел дело с драконами? Мне кажется, с ними не так все просто.

Лукас радостно ответил:

— Нет, представь себе — в жизни не видел ни одного дракона, даже в зоопарке. Но я думаю, уж Кристи с драконом как-нибудь столкнется.

— Да-а, с одним драконом-то, может, и столкнется, но там ведь будет целая куча драконов, раз это драконий город, — возразил Джим, и в его голосе послышались тревожные нотки.

— Ничего страшного, поживем — увидим, старина, — утешил его Лукас. — Давай-ка лучше спать. Спокойной ночи, Джим, и выкинь все из головы!

— Попробую, — отозвался Джим. — Спокойной ночи, Лукас!

Некоторое время Джим лежал и думал о госпоже Каакс, стараясь представить себе, что она там поделявает. А потом он попросил доброго Боженьку утешить госпожу Каакс, если она там очень огорчается. И еще он попросил все объяснить ей как следует. Джим никак не мог заснуть и все прислушивался к мирному дыханию Кристи, который уже давно сладко посапывал во сне, но потом и Джим закрыл глаза и незаметно для себя погрузился в сон.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

в которой состоится цирковое представление,
а Некто замышляет против Джима и Лукаса
что-то недоброе

Когда на следующее утро друзья проснулись, солнце стояло уже довольно высоко. Как и вчера, вокруг локомотива снова собрались люди, с почтительного расстояния глазевшие на диковинную машину.

Лукас и Джим вылезли наружу и как следует потянулись.

— Отличный денек сегодня! — сказал Лукас. — Самый подходящий для того, чтобы нанести визит императору и объявить ему о нашем решении заняться спасением его дочери.

— А может, лучше сначала позавтракать? — робко спросил Джим.

— Зачем? Я думаю, император нас пригласит позавтракать с ним.

Друзья снова направились ко дворцу, поднялись по девяноста девяти ступенькам и нажали на алмазный звонок. Снова распахнулось окошко и в эбеновых воротах показалась толстая рожа.

— Что вам угодно, достопочтенные господа? — пропищала рожа тоненьким голоском, расплываясь в своей слащавой улыбке.

— Мы хотели бы побеседовать с китайским императором, — ответил Лукас.

— К сожалению, у императора и сегодня нет времени, — ответила толстая желтая физиономия, собираясь уже захлопнуть окошко.

— Эй, дружище, стой, — попытался задержать привратника Лукас. — Доложите императору, что двое друзей готовы спасти его дочь.

— О-о-о! — выдавила из себя толстая физиономия. — Это, конечно, совсем другое дело. Будьте добры, подождите минуточку! — С этими словами привратник захлопнул окошко.

Друзья остались ждать под дверью.

Они ждали и ждали.

А потом еще ждали и ждали.

И еще ждали и ждали. Минуточка уже давным-давно прошла. Потом прошло еще много-много минуточек, а толстая рожа так и не появлялась.

Видя, что ждать больше не имеет смысла, Лукас сердито пробурчал:

— Ты прав, малыш, давай-ка лучше позаботимся о завтраке. Может быть, удастся хотя бы пообедать у императора.

Джим стал озираться в надежде обнаружить где-нибудь Пинг Понга, но Лукас, заметив это, сказал:

— Нет, дружок, мы, два здоровых лба, не можем позволить себе сидеть на шее у грудного младенца. Это смешно! Сами справимся как-нибудь.

— Ты хочешь снова поиграть в карусель? — осторожно спросил Джим.

Лукас пыхтел своей трубкой.

— Я придумал кое-что получше. Смотри сюда, Джим! — сказал он и легонько сплюнул — это была его знаменитая двойная петля, точнее, не петля, а петелька, чтобы видно было только Джиму.

— Понял? — спросил довольный собой Лукас и хитро подмигнул Джиму.

— Нет, — честно признался тот.

— Помнишь вчерашних акробатов? Мы ведь тоже кое-что умеем. Так что дадим цирковое представление!

— Вот здорово! — радостно закричал Джим, но тут же вспомнил, что он-то ничего особенного делать не умеет. — А как же я? — спросил он совершенно упавшим голосом.

— А ты можешь разыгрывать простака и будешь на подхвате, — нашелся тут Лукас. — Вот видишь, Джим, как полезно быть разносторонним человеком — всякое искусство может, оказывается, пригодиться.

Друзья забрались на крышу Кристофа и снова, как вчера, принялись попеременно зазывать публику:

— Дistinguished публика! Мы бродячие циркачи из Медландии! Сегодня для вас невиданное гала-представление! Спешите видеть, подходите поближе! Мы начинаем!

Толпа с явным интересом стала осторожненько продвигаться вперед. Для начала Лукас изобразил «самого сильного человека

в мире», которому ничего не стоит скрутить в бараний рог любой железный предмет. Лукас продемонстрировал зрителям толстенную длинную кочергу, которую он предварительно достал из тендера. Страсть к цирку, которой одержимы все китайцы, заставила их позабыть об опасности, и они, оставив всякий страх, окружили друзей плотным кольцом.

Под удивленные возгласы публики Лукас ловко завязал кочергу бантиком и в награду получил бурные аплодисменты.

Во втором отделении Джим зажег спичку и поднял ее высоко над головой, а Лукас, как высококлассный мастер по художественным плевкам, погасил ее с расстояния трех с половиной метров. Джим строил из себя такого простофилю, который все боится, что плевков попадет прямо в него, и этим очень веселил публику.

В заключение Лукас вместе с Кристи просвистели на два голоса песенку. Когда представление закончилось, на артистов обрушился целый шквал аплодисментов, потому что китайцы никогда в жизни ничего подобного не слыхивали и не видавали. Свой коронный номер Лукас припас под самый конец, он решил его исполнить на бис. Джим попросил тишины и объяснил, что сейчас зрители увидят нечто совершенно необыкновенное и удивительное. Все замерли от волнения и, затаив дыхание, смотрели во все глаза. И тут Лукас продемонстрировал свою знаменитую двойную петлю — чудесную петлю гигантских размеров, такую и Джиму еще ни разу не доводилось видеть.

Китайцы разразились настоящей овацией, требуя, чтобы им показали замечательный номер еще раз. Но прежде чем продолжать представление, друзья решили собрать деньги. Джим обошел всех зрителей, число которых заметно увеличилось, так как все время подходили новые и новые люди, привлеченные удивительным зрелищем. Так что Джим собрал целую кучу денег. В основном давали мелкие монетки с дырочкой посередине, сделанной для того, чтобы удобнее было подвешивать их на веревочку. Джим убедился, что это очень удобно, иначе ему бы нипочем не справиться с таким количеством монет.

Так прошло несколько часов, а толстая рожа все не появлялась.

А не появлялась она по следующей причине.

За эбеновыми воротами размещалась императорская канцелярия. А в канцеляриях, известное дело, никогда ничего быстро не делается. Сначала привратник передал поступившее известие главному привратнику, тот в свою очередь передал его верховному привратнику. Верховный привратник поспешил сообщить новость писцу, писец — младшему секретарю, младший — старшему, старший — главному, главный — верховному, а уже тот обратился в канцелярский совет и так далее и так далее, пока сообщение не прошло все инстанции. Можно себе представить,

сколько времени нужно, чтобы то или иное известие достигло бонз. Бонзами в Китае называют министров. А самый главный министр носит титул верховного бонзы. Того верховного бонзу, который как раз занимал сей пост при императоре Пунг Гинге, звали Пи Па По.

О господине Пи Па По, к сожалению, нельзя сказать ничего хорошего. Он был страшно честолюбив и завистлив. Когда до него дошла весть о том, что двое каких-то чужеземцев собираются освободить принцессу Ли Ши, он чуть не задохнулся от злости и ядовито-зеленая зависть разлилась в его душе.

— Если кому-нибудь в мире и суждено взять в жены принцессу Ли Ши, то этим человеком буду я, ибо нет другого более достойного! — сказал он в сердцах.

При этом на самом-то деле он пальцем о палец не ударил, чтобы хотя бы попытаться спасти принцессу. Просто он умирал от зависти. Понятно, что ему не хватало смелости отправиться самому в драконий город и спасти принцессу. Но если тебе, верховному бонзе Пи Па По, такое дело не по плечу, то нечего мешать, по крайней мере, тем, кто готов совершить сей достопадный подвиг. И все же бонза собирался заняться именно этим — во что бы то ни стало ему нужно было расстроить планы своих противников.

— Я им покажу, где раки зимуют, — злорадствовал бонза. — Вот возьму и арестую их как иностранных шпионов и велю посадить в темницу. Будут у меня знать. Только бы император ни о чем не слышал, а то несдобровать мне.

Приняв коварное решение, верховный бонза велел позвать к себе начальника императорской стражи, каковой не замедлил явиться.

Вытянувшись в струнку, начальник стражи, как положено, поприветствовал верховного бонзу, подняв кверху свою огромную кривую саблю. Надо сказать, что главный стражник был здоровенным верзилой с довольно мрачной физиономией, покрытой многочисленными шрамами. Однако при всей его свирепой наружности законченным злодеем его нельзя было назвать, просто он был немножко туповат.

Единственное, что он умел делать, — подчиняться. Получая тот или иной приказ от бонзы, он честно выполнял его, нисколько не задумываясь над тем, что и зачем он делает. Так его приучили, и он к этому давно привык.

— Начальник стражи, — обратился к нему верховный бонза, — приказываю вам доставить ко мне двух чужеземцев, что стоят у ворот дворца. Но никому ни слова, понятно?!

— Так точно, — ответил начальник стражи, отдал честь и пошел за охраной, чтобы выполнить полученный приказ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,

в которой Лукас и Джим попадают в беду

Цирк из Медландии как раз закончил очередное выступление, и вся площадь гремела от рукоплесканий.

— Ну вот, — сказал Лукас, — самое время спокойно позавтракать. Денег у нас теперь достаточно. А теперь небольшой антракт, — объявил он, обращаясь к публике.

Но в это самое время эбеновые ворота дворца распахнулись, и тридцать стражников колонной спустились по лестнице. Все они были в одинаковой форме, на голове — островерхие шлемы, в руках — огромные изогнутые сабли.

Зрители притихли и в страхе расступились перед ними. Тридцать стражников, чеканя шаг, подошли к Лукасу и Джиму. Когда они окружили друзей плотным кольцом, начальник подошел к Лукасу и сказал грубым лающим голосом:

— Прошу вас, достопочтенные чужеземцы, без промедления следовать за мной во дворец, если вы не имеете ничего против.

— Очень даже имеем, — возразил Лукас, — мы как раз собирались позавтракать, вы не слишком-то торопились, а теперь мы сами заняты.

Главный стражник соорудил довольно страшную рожу, которая должна была означать, что он вежливо улыбается, и пролаял:

— Я прибыл по высочайшему указу, и мне поручено вас доставить во дворец. Приказ есть приказ. Прошу вас следовать за мной.

— Еще чего, — решительно отверг это предложение Лукас и выпустил несколько кудрявых клубов дыма. — И вообще, кто вы такой?

— Я начальник императорской стражи, — прохрипел верзила и отсалютовал своей саблей.

— Вас что, послал китайский император? — допытывался Лукас.

— Не совсем, — уклончиво ответил начальник стражи, — нас послал верховный бонза, господин Пи Па По.

— Ну что, — спросил Лукас, решив сначала посоветоваться с Джимом, — позавтракаем или сразу пойдем к этому Пи Па Пе?

— Не знаю даже, — ответил Джим, которому все это не слишком нравилось.

— Ладно, — сказал Лукас, — не будем такими невежливыми, как он сам. Нехорошо заставлять себя ждать. Пойдем, Джим!

Стража препроводила друзей во дворец. Они поднялись по девяти ступенькам и вошли в эбеновые ворота, которые за ними с шумом захлопнулись.

Теперь они очутились в каком-то длинном коридоре с высокими потолками. Толстые колонны из зеленого нефрита подпирали чудесный потолок из переливчатого перламутра. Повсюду висели прекрасные занавеси из красного бархата или дорогого цветастого шелка. От этого коридора отходили в разные стороны другие коридоры. Лукас и Джим успели заметить, что в каждом из них полным-полно дверей. Казалось, что кругом сплошные двери, потому что от каждого коридора ответвлялось еще несколько коридоров и так далее и так далее до бесконечности.

— Это, достопочтенные чужеземцы, — объяснил начальник каким-то сдавленным голосом, — императорская канцелярия. И если вы сообразовали последовать за мной, я провожу вас к верховному бонзе, господину Пи Па По.

— Собственно говоря, нам нужен император, а не господин Пи Па По, — пробурчал Лукас.

— Высокочитимый господин Пи Па По непременно проводит вас к его величеству императору, — постарался успокоить друзей начальник, состроивший в этот момент очень вежливую гримасу.

Идти пришлось довольно долго, так как нужно было миновать тысячи переходов, коридоров, коридорчиков, прежде чем добратсья наконец до заветной двери.

— Здесь, — с благоговейным почтением выдохнул начальник.

Лукас без лишних церемоний постучался в дверь, и друзья, оставив стражу караулить вход, вошли в комнату, где они увидели трех толстых-претолстых бонз, сидевших на высоких стульях. У того, что сидел в центре, стул был выше других. Кроме того, он отличался богатой одеждой, расшитой золотом. Это и был господин Пи Па По. Все трое держали в руках шелковые веера, которыми они усердно обмахивались. Перед каждым бонзой сидел на полу писец с тушью, кисточкой и бумагой — в Китае ведь пишут кисточками.

— Доброе утро, господа, — приветливо поздоровался Лукас и слегка приподнял фуражку. — Вы верховный бонза, господин Пи Па По? Мы хотели бы попасть на прием к императору.

— Доброе утро, — с улыбкой ответил им верховный бонза. — К императору вы попадете немножко позже.

— Может быть, попадете, — вкрадчиво добавил второй бонза и покосился на верховного.

— Не исключено, что и так, — послушался голос третьего бонзы.

Все трое переглянулись и принялись согласно кивать головами, а писцы, соорудив подобострастные улыбки, принялись усердно записывать глубокомысленные изречения владык, дабы увековечить их бессмертные мысли для потомков.

— Позвольте для начала задать вам несколько вопросов, — сказал верховный бонза. — Кто вы такие?

— И откуда вы, собственно говоря, пришли? — поинтересовался второй бонза.

— И что вам здесь нужно? — любопытствовал третий.

— Я Лукас, машинист паровоза, а это мой друг — Джим Пуговка, — представился Лукас. — Мы прибыли из Медландии и хотим попасть к китайскому императору, чтобы сообщить ему о нашем решении освободить его дочь Ли Ши.

— Весьма похвальное решение! — с улыбкой произнес верховный бонза. — Но так может всякий заявить.

— У вас есть доказательства? — спросил второй бонза.

— Или разрешение? — добавил третий.

И снова писцы подобострастно захихикали и увековечили для потомков речи владык, а те все обмахивались веерами и улыбались друг другу, без передышки кивая головами.

— Послушайте-ка, любезнейшие, — сказал Лукас, сдвинув на затылок свою фуражку и вынув трубку изо рта, — что это за допрос? Думаю, императору не очень-то понравится, когда он узнает, что вы тут себе позволяете.

— Надеемся, — возразил верховный бонза с гнусной улыбкой, — что этого-то он как раз никогда и не узнает.

— Без нас, достопочтенные чужеземцы, вам ни за что не попасть к императору, — добавил второй бонза, самодовольно ухмыляясь.

— И мы допустим вас к нему только после того, как допросим по всем правилам, — заключил третий бонза.

И снова министры закивали головами, приветливо улыбаясь друг другу, и снова писцы, подобострастно хихикая, тщательно записали их речи.

— Ну ладно! — сказал Лукас со вздохом. — Только давайте поскорее с вашим допросом, а то мы еще не завтракали.

— Скажите, господин Лукас, — начал верховный бонза, — есть ли у вас паспорт?

— Нет, — признался Лукас.

Бонзы изобразили на своих физиономиях неподдельное удивление и многозначительно переглянулись.

— Без паспорта у вас даже нет доказательств, что вы в самом деле существуете, — вмешался тут второй бонза.

— Без паспорта вы пустое место, вас нет в природе — с официальной точки зрения, разумеется, — добавил третий бонза. — Без паспорта, таким образом, — продолжал он, — вы, стало быть, не можете идти к императору, ибо человек, который не существует в природе, не может никуда идти. Ведь это логично.

И довольные бонзы закивали головами, и писцы захихикали, записывая их высказывания для потомков.

— Но ведь мы стоим здесь, перед вами, — осторожно заметил Джим, не участвовавший до сих пор в разговоре. — Значит, мы все-таки существуем.

— Ну, так всякий может сказать, — ответил на это верховный бонза, снисходительно улыбаясь.

— Это еще ничего не доказывает, — добавил второй.

— Во всяком случае, с официальной точки зрения, — заключил третий.

— В лучшем случае мы могли бы вам выписать временные удостоверения личности, — заявил верховный бонза, демонстрируя свое необычайное великодушие. — Большого, к сожалению, мы для вас сделать не в состоянии.

— Хорошо, — согласился Лукас. — И с этими документами мы уже сможем пойти к императору?

— Нет, — ответил второй бонза. — Разумеется, к императору с такими документами вы идти не можете.

— А что мы можем с этими документами? — полюбопытствовал Лукас.

— А ничего, — с улыбкой произнес третий бонза.

И снова бонзы принялись обмахиваться веерами и кивать друг другу, а писцы захихикали подобострастно и поспешили записать глубокомысленнейшие изречения своих начальников.

— Ну вот что, любезнейшие господа, — сказал Лукас, делая ударение на каждом слове. — Если вы сейчас же, немедленно не ответите нас к императору, то мы найдем способ доказать вам, что мы действительно существуем. Даже с официальной точки зрения! — При этом он как бы ненароком показал им свой огромный черный кулак, и Джим сделал то же самое (хотя его кулачок был, конечно, значительно меньше).

— Советую попридержать язык! — произнес верховный бонза с коварной усмешкой. — Это оскорбление министра! За это я могу вас быстренько упрятать за решетку!

— Ну это уж ни в какие ворота не лезет! — возмутился Лукас, который уже начинал терять терпение. — Вы что, сговорились и специально не хотите нас пускать к императору или как?

— Нет, — возразил верховный бонза.

— Ни в коем случае! — завопили в один голос писцы, искоса поглядывая на своих начальников.

— Почему же вы нас не пускаете? — спросил Лукас.

— А потому, что вы шпионы, — ответил верховный бонза, победоносно улыбаясь. — Вы арестованы!

— Вот оно как. — В спокойном голосе Лукаса послышалась глухая угроза. — Долго вы нам головы морочить будете?! Ишь, расселись тут, жирные безмозглые бонзы! Не на тех напали! — С этими словами он решительно подошел к писцам, отобрал у них кисточки и надавал им как следует этими самыми кисточками по ушам. Писцы со страху повалились на пол и принялись душераздирающе завывать.

После этого Лукас, не вынимая трубки изо рта, сгреб в охапку господина Пи Па По, встряхнул его легонько и заткнул поглубже в корзину для бумаг (конечно же, головой вниз). Верховный бонза вне себя от ярости голосил как резаный, отчаянно болтая в воздухе ножками, силясь выкарабкаться из корзины, но безуспешно. Он безнадежно застрял.

Покончив с верховным бонзой, Лукас взял за шкурку второго и третьего бонз, подошел к окну, пнул его ногой и на вытянутых руках выставил обоих министров, так сказать, на улицу. Бонзы тихонько скулили, но не дергались, так как боялись, что Лукас их просто выбросит. А ведь они висели довольно высоко. Так что они при-
смирели как мыши и, побледнев от страха, безропотно болтались между небом и землей, время от времени с опаской поглядывая на разверзшуюся под ними бездну.

— Ну что? — процедил сквозь зубы Лукас (трубку он так и не вынул изо рта). — Как вам это нравится? — поинтересовался он, легонько встряхивая министров, у которых от испуга даже челюсти заклацали. — Отведете нас сейчас же к императору или нет?

— Да, да, — жалобными голосами пропищали бонзы.

Лукас втащил трясущихся министров в комнату и поставил их на пол.

Но в эту самую минуту на пороге комнаты появилась стража. Заслышав истошные вопли верховного бонзы, они подняли тревогу, и теперь все тридцать верзил ввалились в комнату и, сабли наголо, медленно двинулись на Лукаса и Джима. Друзья быстро отскочили в угол, чтобы иметь защищенный тыл. Джим спрятался за спиной у Лукаса, который довольно ловко отражал удары противника, используя ножку от стула в качестве меча, а писарский столик в качестве щита. Но скоро ему пришлось взять другую ножку и другой столик, так как деревянное оружие быстро разлеталось в щепки под ударами железных сабель. Джим едва успевал подавать ему новые ножки от стульев и новые писарские столики. При этом было очевидно, что друзья не смогут слишком долго сдерживать натиск противника, потому что в комнате всего было три столика и три стула. Запасы оружия стремительно таяли. Что же делать?

Поглощенные схваткой, друзья не заметили испуганной мордашки, которая мелькнула в дверях, — она просунулась в щель и тут же исчезла. Это был Пинг Понг!

Он проспал все утро — ведь вчера он так поздно лег в постель. Именно поэтому он опоздал на площадь. Люди рассказали ему, что дворцовая стража увела обоих машинистов. Услышав это, Пинг Понг заподозрил тут что-то неладное. Он обежал все углы и закоул-

ки императорской канцелярии, пока наконец не услышал странный шум, доносившийся из дальнего конца коридора. Заглянув в щелку, он в одну минуту оценил положение и понял: тут может помочь только один человек — сам император! Как вихрь понесся Пинг Понг по коридорам, лестницам, покоем. Иногда на пути ему попадались стражники, пытавшиеся преградить ему дорогу скрещенными алебардами, но тогда он недолго думая подныривал снизу и мчался со всех ног дальше. Ему приходилось обходить стороною опасные места, а то он просто падал, поскользнувшись на гладком мраморном полу, и терял драгоценные секунды. Но он стремительно вскакивал и снова очертя голову бежал и бежал, оставляя позади себя только маленькое облачко пыли. И вот он уже вприпрыжку скачет по мраморной лестнице, теперь будет длинный-предлинный красный ковер, и он все мчится, и мчится, и мчится... и вот уже остаются последние две комнаты, а там уже виден тронный зал... Последняя комната... Огромные двери, ведущие в тронный зал... Но что это? О ужас!.. Двое слуг медленно закрывают створки. Еще секунда — и все будет кончено. Остается малюсенькая щелочка, но все же Пинг Понгу удастся прошмыгнуть в последний момент — все, он в тронном зале.

С гулким стуком позади него сомкнулись створки тяжелой двери.

Тронный зал был таким огромным, что Пинг Понг не сразу заметил достопочтенного императора, сидевшего под балдахином из голубого шелка на серебряном троне, украшенном бриллиантами. Рядом с троном стоял маленький столик, а на нем — телефон, тоже с бриллиантами.

В зале было полным-полно народу. Все важные персоны Китая собрались здесь — и князья, и мандарины, и камергеры, и сановники, и мудрецы, и астрологи, и великие художники, и поэты. Императору они нужны были для решения важных государственных дел. Тут же находились и приглашенные музыканты с хрустальными скрипками и серебряными флейтами, чуть в стороне стоял китайский рояль, весь инкрустированный жемчугом.

Музыканты только-только начали играть. Полилась торжественная мелодия. Все притихли и слушали с величайшим благоговением. Но Пинг Понгу некогда было ждать, пока музыканты доиграют

до конца, тем более что в Китае концерты обыкновенно длятся гораздо дольше, чем где бы то ни было на свете.

Он протиснулся сквозь ряды придворных, а когда до императорского трона оставалось метров двадцать, плюхнулся со всего размаху на пол — так в Китае принято приветствовать императоров — и пополз, извиваясь, как дождевой червяк, прямо к серебряным ступенькам трона.

Придворные забеспокоились, музыканты прервали игру, так как теперь они сбились с такта, и в зале поднялся ропот недовольства.

Император Китая, очень высокий старец с жидкой седенькой бородкой, доходившей до самого пола, удивленно, но совершенно не сердито посмотрел на карапуза, распластавшегося у самых его ног.

— Что тебе надобно, малыш? — спросил он спокойно. — Почему ты прервал мой концерт?

Он говорил тихо-тихо, но таким особенным голосом, что его слышно было даже в самом дальнем конце зала.

— Джифф... Луфф... Локомотифф... Он... Они... В опасности!!! — только и сумел выдать из себя Пинг Понг, запыхавшийся от быстрого бега.

— Не торопись, малыш, — мягким голосом попытался успокоить его император. — Что случилось? Расскажи все по порядку!

— Они ведь хотят спасти Ли Ши! — пропищал Пинг Понг.

Император стремительно вскочил.

— Кто? — закричал он. — Где они?

— В канцелярии! — ответил Пинг Понг. — У господина Пи Па По!.. Скорее!.. Двор... Дворцовая стража!

— При чем тут стража? Говори! — кричал взволнованный император.

— Стража хочет убить их! — выдохнул наконец Пинг Понг.

Что тут началось! Все ринулись к выходу. Музыканты побросали свои инструменты и кинулись вслед за придворными. Впереди всех как вихрь несли император, окрыленный надеждой на спасение своей любимой дочери. А за ним гурьбой бежали сановники, министры и прочие придворные, среди которых был и маленький Пинг Понг. Ему стоило немалого труда поспевать за всей этой летящей сломя голову толпой, которая запросто могла раздавить кого-

нибудь на своем пути. Во всяком случае, Пинг Понга было раздавить не слишком трудно.

А тем временем положение Лукаса и Джима становилось все хуже и хуже.

В комнате не осталось более ни единого стула, ни единого стола, ни какой-либо другой мебели. Теперь друзья оказались совершенно беззащитными перед наступающим противником. Вооруженная до зубов стража медленно окружала строптивых гостей.

— В цепи их! В кандалы! — кричал верховный бонза, которому все же как-то удалось встать на ноги.

Только вот от корзины ему никак было не избавиться, уж больно крепко она сидела у него на голове. Рядом стояли другие бонзы и писцы, которые хором вопили как резаные:

— Да, да, в цепи их! В кандалы! Это опасные шпионы!

Стража схватила Лукаса и Джима, заковала их в кандалы и надела наручники, после чего подвела арестантов к верховному бонзе, стоявшему в компании двух других министров.

— Ну, как вы теперь себя чувствуете? — спросил верховный бонза, демонстрируя сквозь прутья плетеной корзины свою злобную улыбку. — Самое лучшее будет, пожалуй, отрубить вам сейчас же головы.

Лукас молчал. Он собрал последние силы и попытался избавиться от цепей. Но они были сделаны из прочнейшей китайской стали — хоть слона заковывай, ни за что не разорвет.

Глядя на старания Лукаса, министры ехидно ухмылялись, а писцы злорадно хихикали.

Лукас не обращал на них никакого внимания. Видя, что все его усилия напрасны, он прекратил сопротивление.

— Джим, старина! — сказал он, обращаясь к своему маленькому другу. — Недолго мы с тобой путешествовали. Прости, что я втянул тебя в эту историю. — Голос Лукаса звучал глухо, чувствовалось, что говорить ему было трудно.

У Джима комок подступил к горлу.

— Мы ведь друзья, — еле слышно ответил он. Губы его дрожали, но он изо всех сил старался держать себя в руках.

Писцы снова захихикали, а бонзы, со своими обычными ухмылками, принялись перемигиваться.

— Джим Пуговка, — сказал Лукас, — ты действительно парень что надо!

— Отведите их к месту казни! — приказал верховный бонза, и солдаты бросились исполнять приказание.

— Назад! — неожиданно раздался чей-то негромкий, но властный голос.

Все замерли. На пороге стоял император в окружении своей свиты.

— Сложить оружие! — приказал император.

Начальник стражи побелел от ужаса и опустил меч. Другие стражники последовали его примеру.

— Освободить чужеземцев и заковать в цепи верховного бонзу и его министров!

В мгновение ока приказ императора был приведен в исполнение.

Едва только Лукас почувствовал себя свободным, он первым делом раскурил свою трубку, которая уже успела погаснуть.

— Ну что, Джим, пойдем поблагодарим нашего освободителя, — тихонько сказал он, после того как выпустил несколько клубов дыма.

Друзья приблизились к императору. Лукас снял фуражку, вынул трубку изо рта и поприветствовал верховного правителя Китая:

— Добрый день, ваше величество! Я очень рад, что наконец могу познакомиться с вами лично.

После этого гости обменялись с императором рукопожатиями.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,

в которой Джим неожиданно-негаданно узнает тайну своего появления в Медландии

Сопровождаемые свитой, император, Лукас и Джим неторопливо прошествовали в тронный зал.

— Вы появились как нельзя кстати, ваше величество, — сказал Лукас, обращаясь к императору, когда они поднимались по мраморной лестнице. — Все могло бы кончиться очень скверно. Кто вам сообщил о нас?

— Какой-то малыш влетел в мои покои, — объяснил император, — и от него я все узнал. Я не имею ни малейшего представления, кто он такой, но, судя по всему, это очень смелый и умный мальчик.

— Это Пинг Понг! — в один голос закричали Лукас и Джим.

— Сын вашего главного повара, у которого еще такое длинное-предлинное имя, — добавил Джим.

— А, вы, наверное, имеете в виду Шу Фу Лу Пи Плу? — с улыбкой спросил император.

— Да, да, — радостно подтвердил Джим. — А кстати, где же сам Пинг Понг? — вдруг спохватился он.

Никто ничего не знал, и все кинулись на поиски.

Вскоре пропавший обнаружился — малыш закутался в край длинной шелковой шторы и теперь спал самым сладчайшим образом. Все-таки он был еще грудным ребенком и здорово устал от всех треволнений дня. Видя, что друзьям уже больше ничего не грозит, он тут же прилег отдохнуть. Сам император склонился над ним, взял на руки и с величайшей осторожностью понес к себе в опочивальню. Там он уложил его на свою просторную императорскую постель с балдахином.

С нежностью смотрели Лукас и Джим на своего маленького спасителя, который теперь тихонько посапывал и похрапывал на необъятной кровати. Его легкий храп напоминал стрекотание сверчка за печкой.

— Он получит от меня достойную награду, — тихо промолвил император, — а что касается верховного бонзы Пи Па По и его приспешников, то не беспокойтесь, они получают по заслугам.

Само собой разумеется, с этого момента у друзей началась райская жизнь. Их осыпали всеми мыслимыми и немыслимыми почестями. Всякий, кто попадался им навстречу, обязательно приветствовал их глубочайшим поклоном.

С самого утра в императорской библиотеке царил страшный переполох. Здесь было довольно много книг — семь миллионов девятьсот восемьдесят три тысячи пятьсот две. Все ученые мужи Китая собрались тут, дабы в срочном порядке изучить все эти сочинения и выяснить, что же едят на обед жители Медландии и как это нужно готовить.

В конце концов им удалось собрать кое-какие сведения, каковые они незамедлительно отправили на императорскую кухню главному повару господину Шу Фу Лу Пи Плу и его многочисленным детям и детям детей (общим количеством тридцать один), которые все, как один, были тоже поварами. В этот день обед готовил сам господин Шу Фу Лу Пи Плу. Он и его семейство первыми узнали обо всем случившемся, и теперь их прямо-таки распирало от гордости за Пинг Понга — ведь он был самым маленьким членом семьи. Все они пребывали от этого в необычайном возбуждении, и потому на кухне царила полная неразбериха.

Когда обед был готов, господин Шу Фу Лу Пи Плу нацепил свой самый большой поварской колпак — такой огромный, как пуховая перина, — и торжественно понес еду в императорскую столовую.

Обед очень понравился друзьям (Пинг Понг еще спал и потому не принимал участия в трапезе). Пожалуй, за всю свою жизнь они ни разу не ели такой вкуснятины — земляничное мороженое госпожи Каакс, конечно же, не в счет.

Они рассыпались в похвалах кулинарному искусству господина Шу Фу Лу Пи Плу, а тот от радости покраснел как помидор.

Кстати, на сей раз им не пришлось мучиться с палочками. Были поданы настоящие вилки, ножи и ложки. Это ученые мужи вычитали в своих книжках, как едят жители Медландии, и быстро заказали придворному ювелиру два серебряных столовых прибора.

После обеда император с друзьями вышел прогуляться на террасу. Отсюда открывался чудесный вид на весь город с его бесчисленными золотыми крышами.

Они уселись под тентом и принялись болтать о том о сем. Потом Джим сбегал вниз к локомотиву и принес игру «Мельница». Друзья объяснили императору правила, и они принялись играть. Император, хотя и старался изо всех сил, все же почему-то частенько проигрывал. Это его несколько не огорчало и даже наоборот — очень радовало, потому что в душе он думал: «Если эти чужестранцы так

удачливы в игре, то, может быть, они так же удачливы в жизни? А вдруг они действительно сумеют освободить мою Ли Ши!»

Чуть позже к компании присоединился Пинг Понг, который наконец выпался. А потом подали какао с пирожками, как это принято в Медландии. Император и Пинг Понг впервые в жизни пробовали какао с пирожками, и надо сказать, им все очень понравилось.

— Когда вы думаете отправиться в драконий город? — спросил император, когда с едой было покончено.

— Хоть сейчас, — ответил Лукас. — Надо только собрать кое-какие сведения: что это за драконий город такой, где он находится и все в таком роде.

Император одобрительно кивнул:

— Сегодня вечером, друзья, вы узнаете все, что известно об этом городе в Китае.

Затем император и Пинг Понг повели друзей в императорский парк, так как до вечера еще было много времени. Они показали гостям разнообразные достопримечательности, например китайские каскады и фонтаны. Вокруг прогуливались горделивые павлины с длинными хвостами, переливавшимися зеленым и фиолетовым цветом, голубые олени с серебристыми рогами доверчиво подходили к незнакомцам, они были настолько ручными, что на них даже можно было прокатиться верхом; попадались здесь и китайские единороги, гладкие шкуры которых отливали мягким лунным светом, и могучие буйволы, покрытые длинной волнистой шерстью, и белые слоны с белоснежными бивнями, украшенными алмазами, и миниатюрные обезьянки с забавными мордочками, и много-много еще разных диких животных.

К вечеру все вернулись на террасу, а после ужина, когда уже совсем стемнело, перешли в тронный зал. Здесь уже все было готово к торжественной встрече.

Тысячи фонариков из пестрых драгоценных камней освещали тронный зал, где в ожидании Лукаса и Джима уже собрались самые ученые из всех ученых мужей Китая. Всего их было двадцать три. Они принесли с собою книги и древние свитки, в которых содержались разнообразные сведения о драконьем городе.

Можно себе представить, какими учеными были эти мужи, если даже в такой стране, как Китай, где самые малые дети по своей

смышлености и разумности любого нормального взрослого за пояс заткнут, они удостоились звания учнейших из ученых. Их можно было спросить о чем угодно, например о том, сколько капель в море, или какое расстояние отделяет Луну от Земли, или почему Красное море называется Красным, или где водится какое-нибудь самое экзотическое животное, или когда произойдет солнечное затмение. На все эти вопросы им ничего не стоило ответить прямо с ходу. Эти ученые мужи были удостоены звания «Цвет Учености». Правда, на цветы они, честно говоря, смахивали очень мало. От усердных занятий и постоянной зубрежки да долбежки одни из них превратились в сморщенных, скукоженных стариков с огромными лбами, другие же от долгого сидения непомерно растолстели и стали такими пузанами с маленькими пухлыми ножками и огромными сплюснутыми попами. А некоторые из-за того, что им все время приходилось тянуться за книжками, которые, как назло, стояли на самых верхних полках, скорее напоминали макароны, чем «Цвет Учености», — настолько они были тощими и длинными. У каждого из них на носу красовались огромные очки в золотой оправе, по которым легко было узнать важную персону.

Выждав, пока все двадцать три Цвета Учености поприветствуют императора и его гостей (а приветствие состояло в том, что каждый из Цветов поочередно бухался на пол), Лукас приступил к своим вопросам.

— Прежде всего мне бы хотелось узнать следующее, — начал он, раскуривая свою трубочку. — Откуда, собственно говоря, стало известно, что принцесса находится в драконьем городе?

Отвечать вызвался ученый из разряда макароноподобных. Он поправил очки на носу и сказал:

— Дело обстояло так, достопочтенный чужеземец: год тому назад наша любезная принцесса Ли Ши, чья красота может сравниться с красотой утренней росы, проводила свои каникулы на взморье. Однажды она бесследно исчезла. Никто не знал, что с нею случилось. Эта страшная неизвестность продолжалась до тех пор, пока один рыбак не выловил случайно в бурных водах Желтой реки бутылку с запиской. Это произошло две недели тому назад. Желтая река вытекает из Полосатых Красно-белых гор и огибает наш город со стороны главных ворот. Найденная бутылка представляла

собою игрушечный рожок для игрушечных пупсов, какими обыкновенно играют маленькие девочки. В этом самом рожке и было обнаружено письмо, написанное нежнейшей ручкой нашей розоподобной принцессы.

— Не позволите ли нам взглянуть на это письмо? — попросил Лукас.

Ученый муж покопался в своих бумагах и наконец извлек крошечную записку, свернутую в трубочку. Лукас развернул записку и прочитал вслух:

Дорогой незнакомец, нашедший эту бутылку, кто бы ты ни был, прошу тебя, отнеси как можно скорее эту записку моему отцу Пунг Гунгу, достопочтенному императору китайскому. „13“ поймали меня и продали госпоже Зубпер. Здесь еще много других детей. Пожалуйста, спасите нас, потому что нам очень плохо здесь. Госпожа Зубпер — это драконша. Мой теперешний адрес:

БЕДЛАНДИЯ
Старая улица, 133.
Третий этаж налево.
Госпоже Зубпер
для принцессы Ли Ши.

Прочтя письмо, Лукас погрузился в размышления.

— Зубпер... Зубпер... — бормотал он. — Бедландия... Где-то я уже все это слышал...

— Бедландия — это название драконьего города, — пояснил ученый. — Мы нашли упоминание о нем в одной из древних книг.

Лукас вынул трубку изо рта. Вид у него был озадаченный.

— Вот оно что... Интересная получается картина, — сказал он, присвистнув от удивления.

— В каком смысле? — полюбопытствовал Джим.

— Слушай, что я тебе расскажу, Джим, — необычайно серьезно начал Лукас. — Настал момент, когда ты должен узнать одну боль-

шую тайну — тайну твоего появления в Медландии. Ты был тогда еще совсем маленьким и потому ничего не помнишь. Тебя прислали в Медландию в посылке.

И Лукас рассказал Джиму все как было, а у того от изумления глаза становились все шире и шире. Под конец Лукас взял листок бумаги, на котором он изобразил, как выглядел адрес на посылке.

— А там, где обычно пишут адрес отправителя, стояла только цифра тринадцать. — На этом Лукас закончил свой рассказ.

Император, Пинг Понг и все ученые мужи выслушали его с величайшим вниманием, а потом сравнили адрес, который стоял в письме Ли Ши, с тем, который нарисовал Лукас.

— Нет никакого сомнения, что в данном случае мы имеем дело с одним и тем же адресом, — заявил один из ученых (из породы толстопузых, пухлоногих и плоскопопых). — Разница заключается лишь в том, что у принцессы Ли Ши адрес написан, по всей вероятности, правильно, а на посылке адрес писал некто, не слишком владеющий грамотой.

— Значит, госпожа Каакс мне не мама? — вдруг спросил Джим.

— Да, — ответил Лукас. — Это ее и саму очень огорчало.

— Но кто же тогда моя мама? Госпожа Зубпер? Как ты думаешь? — осторожно спросил Джим через некоторое время.

Лукас задумчиво покачал головой.

— Едва ли, — ответил он. — Ведь госпожа Зубпер из драконов, судя по тому, что пишет принцесса. Надо было бы сначала докопаться до того, кто такие эти «13». Ведь это они запихали тебя в посылку.

Но кто такие «13», не знала ни одна душа, даже Цветы Учености!

Вполне понятно, что Джим страшно разволновался из-за всей этой истории. Еще бы, как же тут не разволноваться, если на тебя вот так, с бухты-баряхты, сваливаются такие важные новости.

— Как бы то ни было, но теперь у нас есть еще один не менее важный повод отправиться в драконий город. Мы должны не только освободить принцессу Ли Ши, но и узнать тайну Джима Пуговки. — Погрузившись в раздумья, Лукас выпустил несколько клубов дыма, а потом сказал: — Вот ведь как странно! Если бы мы не приплыли в Китай, мы бы никогда не напали на след этих злодеев, что засунули Джима в посылку.

— Да, — согласился император. — За всем этим кроется какая-то страшная тайна.

— Мы с Джимом обязательно раскроем ее, — сказал Лукас тоном, не терпящим возражений. — Где же находится этот драконий город, эта Бедландия?

Теперь выступил вперед еще один ученый, из разряда скукоженных и крупнолобых. Это был главный придворный географ, и он знал наизусть все карты мира.

— Достопочтенные чужеземцы, — начал он с довольно-таки унылым видом. — Местоположение драконьего города, к сожалению, никому не известно. Ни один смертный не знает, где он находится.

— Это понятно, — ответил Лукас, — иначе почтальоны его уже давно нашли бы.

— Мы можем только предположить, — продолжал ученый, — что он находится где-то за Полосатыми Красно-белыми горами. Ведь бутылочка с письмом от принцессы была найдена в Желтой реке. Если исходить из того, что бутылка плыла вниз по течению, то драконий город должен находиться где-то в верховьях Желтой реки. К сожалению, мы совершенно не представляем себе, где берет свое начало Желтая река. Нам только известно, что она вытекает из глубокой пещеры Полосатых гор.

Лукас сидел, погруженный в свои мысли, и только все пыхтел трубкой, так что огромные клубы дыма постепенно заволокли весь потолок тронного зала.

— Можно ли как-нибудь попасть в эту пещеру? — спросил он наконец.

— Нет, — ответили ученые, — это совершенно невозможно. Там очень сильное течение.

— Но ведь река должна откуда-то вытекать! — воскликнул Лукас. — Как можно попасть на ту сторону Полосатых гор, чтобы поискать там истоки Желтой реки?

Ученый-географ разложил перед Лукасом и Джимом гигантскую карту.

— Это карта Китая, — принялся объяснять ученый. — Границу Китайской империи, как это хорошо видно по карте, образует всемирно известная Великая Китайская стена, каковая тянется по всей территории Китая, за исключением побережья. В стене име-

ется пять ворот: северные, северо-западные, западные, юго-западные и южные. Если ехать через западные ворота, то сначала можно попасть в Лес Тысячи Чудес, а за ним уже начинаются Полосатые Красно-белые горы, которые еще называют Венец Мира. К сожалению, преодолеть эти горы нет никакой возможности. Но вот здесь, несколько южнее, есть небольшое ущелье под названием Долина Сумерек. Это единственный путь, позволяющий пройти через Полосатые горы. Долина Сумерек славится тем, что в ней раздаются какие-то жуткие голоса и душераздирающие звуки, которые не может вынести ни один человек. За Долиной Сумерек, по всей видимости, располагается бесконечная пустыня. Мы называем ее Край Света. Больше, к сожалению, я ничего не могу вам рассказать, ибо за пустыней начинаются уже неизведанные земли.

Лукас внимательно изучил карту, а потом снова задумался.

— Если ехать через Долину Сумерек и постоянно держать курс на север, — сказал он наконец, — то рано или поздно мы обязательно выйдем где-нибудь к Желтой реке. И тогда нужно будет только идти все время по течению, пока не обнаружится драконий город. Если только он, конечно, в самом деле стоит на Желтой реке.

— Мы не можем это утверждать со всей определенностью, — осторожно заметил ученый, — но мы предполагаем, что это так.

— Ну что ж, в любом случае мы должны попытаться счастья. Хорошо бы нам, конечно, иметь на всякий случай карту. У тебя еще есть вопросы, Джим?

— Да, — ответил Джим. — Я хотел узнать, а как вообще выглядят драконы?

На этот раз вперед выступил еще один ученый из разряда пухлоногих-плоскопопых:

— Я придворный профессор зоологии и могу вам предоставить наиточнейшие сведения о любых животных мира. Что же касается вида драконов, то тут, должен признаться, науке еще очень многое неясно. Все описания, которые доступны нам, страдают неточностью и противоречивостью. Вот перед вами несколько рисунков, но насколько они соответствуют действительному облику этих животных, мне судить очень трудно. — С этими словами он развернул перед Лукасом и Джимом плакат с изображением драконов.

— Ну что ж, — весело сказал Лукас, — когда вернемся, мы вам сможем дать более точное описание этих зверюг. А пока — главное мы узнали. Благодарим вас, господа ученые!

Двадцать три учнейших мужа Китая снова распластались на полу в знак глубочайшего почтения к императору и его гостям. Затем они собрали свои бумаги и удалились.

— Когда же вы намерены отправиться в путь? — поинтересовался император, когда они остались одни.

— Я думаю, завтра утром, — ответил Лукас, — лучше всего до восхода солнца. Дорога нам предстоит долгая, так что мешкать

нельзя. — Затем он обратился к Пинг Понгу: — Будь столь любезен и приготовь мне, пожалуйста, лист бумаги и конверт с маркой. Карандаш у меня есть. Мы хотели бы написать письмо в Медландию, прежде чем отправимся в драконий город. Кто его знает, что с нами может случиться.

Когда Пинг Понг принес все необходимые письменные принадлежности, Лукас и Джим написали длинное письмо. Они объяснили госпоже Каакс и королю Альфонсу Без Четверти Двенадцатому, почему они покинули Медландию. Потом они рассказали, что теперь Джим все знает о посылке. И что они отправляются в драконий город Бедландию, чтобы освободить принцессу Ли Ши и узнать тайну Джима. В конце они просили передать привет господину Пиджаке-ру. Лукас подписал письмо, а Джим пририсовал рядом черную рожицу.

Затем они положили письмо в конверт, надписали адрес и отправились все вчетвером на площадь, где висел ящик для писем.

На залитой лунным светом площади одиноко стоял паровоз Кристи.

— Хорошо, что я вспомнил! — сказал Лукас, обращаясь к королю и Пинг Понгу. — Кристи нужна свежая вода. Да и углем неплохо бы запастись, ведь, когда отправляешься в неведомые края, никогда не знаешь, удастся ли раздобыть подходящее топливо.

В этот самый момент на пороге кухни появился господин Шу Фу Лу Пи Плун. Он вышел полюбоваться на луну. Заметив чужеземцев в обществе императора и Пинг Понга, шеф-повар сердечно поприветствовал их.

— Любезный господин Шу Фу Лу Пи Плун, — обратился к нему император, — вам ведь, наверное, будет не трудно дать нашим гостям воды и угля из кухни?

Шеф-повар с готовностью бросился выполнять поручение императора, а вся компания поспешила ему на подмогу. Лукас, Джим, шеф-повар и даже сам император принялись таскать ведрами воду и уголь для паровоза. Пинг Понг тоже не сидел сложа руки, хотя его ведро было совсем крошечным, не больше наперстка.

Скоро уже тендер был до самого верха наполнен углем, а котел — водой.

— Ну вот, — довольный, сказал Лукас, — большое спасибо! Теперь пора на боковую.

— Разве вы не будете спать во дворце? — удивленно спросил император.

Но Лукас и Джим решили спать у себя в паровозе. Во-первых, в нем очень уютно, объяснили они, а во-вторых, они уже так привыкли.

На том все пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись кто куда. Император, шеф-повар и Пинг Понг пообещали прийти рано-рано утром, чтобы попрощаться с друзьями и проводить их в долгий путь.

Лукас и Джим забрались в кабину машиниста, Пинг Понг со своим отцом отправились к себе в кухню, а император скрылся за воротами дворца.

Скоро они все уже крепко спали.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,

в которой начинается путешествие в неведомые края
и друзья впервые видят Венец, Мира

— Эй, Джим, пора вставать!
Джим потянулся, протер глаза и, еще не очнувшись как следует ото сна, спросил:

— Что случилось?

— Пора, пора, — ответил Лукас, — нам уже нужно ехать.

Сон тут же как рукой сняло. Джим бодро вскочил и выглянул в окошко. На площади не видно было ни души. Стояли предрассветные сумерки. До восхода солнца было еще далеко.

Вот открылась дверь кухни, и на пороге показался господин Шу Фу Лу Пи Плу. Держа в руках большой пакет, он направился к локомотиву. За ним семенил Пинг Понг, по его мордашке было видно, что он чем-то озабочен. Но он явно старался держаться с достоинством, как подобает настоящему мужчине.

— Вот здесь я приготовил несколько бутербродов для уважаемых чужеземцев, — сказал главный повар, протягивая пакет. — Они сделаны по медландскому рецепту. Надеюсь, что они вам понравятся.

— Спасибо, — поблагодарил Лукас. — Здорово, что вы об этом позаботились!

Тут Пинг Понг не выдержал и горько заплакал.

— Вы уж... извините... уважаемый машинист... — заговорил Пинг Понг, громко всхлипывая, — простите, что я плачу... Но с детьми моего возраста такое случается, вот так вдруг начинаешь... плакать... неизвестно с чего...

Лукас и Джим растерянно улыбнулись, глядя на заревавшего малыша, который старательно растирал слезы по щекам.

— Мы понимаем, Пинг Понг, всякое бывает! Всего тебе хорошего, наш маленький спаситель и большой друг, — сказал Лукас, протягивая руку на прощание.

Джим тоже пожал Пинг Понгу руку.

Наконец пришел и сам император. Он выглядел еще бледнее, чем всегда, и казался необычно серьезным.

— Друзья мои, — сказал он, — да хранит вас небо, вас и мою маленькую дочурку. Отныне мысли мои будут обращены не только к ней, но и к вам, дорогие мои. Потому что вы теперь очень много значите для меня.

Лукас выпустил несколько клубов дыма и, с трудом преодолевая волнение, пробормотал:

— Ну-ну, ничего, ваше величество, все будет хорошо.

— Здесь немного горячего чая для вас, — сказал император, протягивая друзьям золотой термос. — Горячий чай никогда не помешает в путешествии.

Лукас и Джим поблагодарили всех, поднялись в кабину машиниста и закрыли двери. Джим опустил окошко и закричал:

— До свидания!

— До свидания! До свидания! — кричали в ответ провожавшие их друзья.

Кристи тронулся в путь, и все махали друг другу до тех пор, пока уже никто никого не мог различить.

Так началось путешествие в драконий город.

Сперва они ехали по пустынным улицам, а потом выбрались из города и покатали по полям и лугам, оставляя за собою золотые крыши Пекина.

Взошло солнце, стояла чудесная погода — о такой можно было только мечтать. Друзья мчались весь день без передышки, держа курс на таинственную Долину Сумерек.

На второй день они уже были довольно далеко от Пекина. Вокруг простирались бесконечные сады и пашни, мелькали села и деревеньки, жители которых выбегали поприветствовать знаменитых путешественников. Крестьяне со своими женами и целые ватаги ребятишек — все выходили на дорогу, чтобы помахать им вслед, и уже никто не боялся Кристи, все знали, что два отважных чужеземца на паровозе отправляются спасать Ли Ши, — такие новости распространяются с быстротою молнии.

На третий день путешествия друзьям посчастливилось увидеть один из тех знаменитых китайских замков, что делаются из белого мрамора. Он стоял прямо посередине озера на четырех изящных

колоннах, так что казалось, будто он парит над водой. В этом замке жили барышни из благородных семей. Лукас и Джим заметили, что они все сгрудились у окошек и машут им шелковыми платочками, тогда и друзья достали свои носовые платки и помахали им в ответ.

Где бы они ни останавливались, к ним тут же стекались люди, которые приносили им целые корзины фруктов и всевозможных сладостей, а еще воду и уголь для паровоза.

На седьмой день путешествия друзья добрались наконец до западных ворот Великой Китайской стены. Двенадцать солдат, охранявших эти ворота, были очень похожи на стражников из дворца. Трое солдат отправились за ключом от ворот — он был таких гигантских размеров, что эти трое дюжих молодцов с трудом приволокли его. А каких усилий стоило им вставить этот ключ в замочную скважину и повернуть его! И вот тяжеленные ворота распахнулись с громким скрипом, впервые за много-много-много лет — во всяком случае, ни одна живая душа не помнила, когда же эти ворота открывали в последний раз.

Когда паровоз Кристи подъехал к воротам, стражники взяли на караул и дружно грянули:

— Ура! Ура! Ура героям из Медландии!

Через несколько минут друзья уже стояли в самой чаще Леса Тысячи Чудес.

Найти в таких буйных зарослях дорогу, хоть мало-мальски пригодную для паровоза, было, прямо скажем, делом нелегким, и, будь на месте Лукаса какой-нибудь менее опытный машинист, он ни за что бы отсюда не выбрался. Лес Тысячи Чудес представлял собою непроходимые джунгли, где росли пестрые стеклянные деревья, выющиеся растения и всякие экзотические цветы. Из-за прозрачных деревьев хорошо были видны разные дикие звери и насекомые, обитавшие в этих лесах.

Здесь, например, порхали гигантские бабочки, напоминавшие по своим размерам зонтик от солнца. На ветках деревьев тут и там кувыркались попугаи с яркими клювами. В траве шуршали огромные черепахи, за которыми тянулись длинные-предлинные усы — непременное украшение этих мудрых животных, по листьям ползли красные и голубые улитки, тащившие на спине свои домики, причем домики эти были многоэтажными и очень напоминали дома в Пекине

с их золотыми крышами, только в уменьшенном виде, конечно. Время от времени прошмыгивали изящные полосатые белочки с невероятно большими ушами, которые днем служили им чем-то вроде паруса, а ночью — удобной теплой подстилкой и одеялом одновременно. Гигантские змеи, отливающие медью, обвивали кольцами толстые стволы деревьев. При всем своем устрашающем виде они едва ли могли кому-нибудь причинить вред, потому что им было просто не до того: в отличие от обыкновенных змей у этих было две головы — одна спереди, другая сзади, — и от этого возникали постоянные споры, поскольку головы никак не могли договориться, куда же нужно ползти. Где уж тут охотиться на диких зверей или на людей. Приходилось довольствоваться фруктами. Они, по крайней мере, не убегут.

Один раз Лукасу и Джиму даже посчастливилось увидеть стайку розовых газелей, которые резвились на лужайке.

Все это, конечно, было очень интересно, и Джим с удовольствием остановился бы здесь, чтобы как следует все разглядеть, но Лукас покачал головой.

— Отложим до лучших времен, — сказал он. — Сейчас у нас на это нет времени. Главное — как можно скорее освободить принцессу Ли Ши.

Целых три дня им пришлось продираться сквозь джунгли. Дорога была не из легких. На третий день лес неожиданно кончился, как будто чья-то невидимая рука подняла занавес, и друзья увидели перед собою Полосатые Красно-белые горы — Венец Мира.

Можно себе представить, какими высоченными были эти горы, если Лукас и Джим видели их еще с моря, когда только подплывали к берегам Китая.

Друзья стояли как замороженные, глядя на это величественное зрелище.

Весь массив представлял собою нагромождение отдельных гор, которые так тесно прилепились друг к другу, что и думать было нечего пробраться через них. За первой грядой поднималась вторая, за второй — третья, а там еще одна, и еще, и еще, до бесконечности. Верхушки гор скрывались где-то за облаками, а сам массив растянулся по всей территории Китая, с юга на север.

Все горы, как одна, были в красно-белую полоску, только у каждой из них эти полосочки шли по-разному: у одной вдоль, у другой

поперек, у третьей по диагонали, или волной, или зигзагом, а у некоторых встречались даже клеточка или еще какой-нибудь другой замысловатый узор.

Вдоволь налюбовавшись на всю эту красоту — и Лукасу, и Джиму особенно понравились узорчатые горы, — друзья достали карту и разложили ее перед собою.

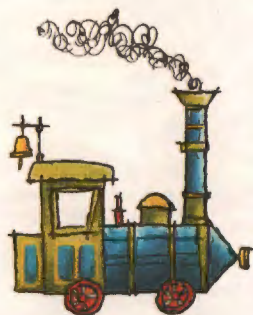
— Так, — сказал Лукас, — посмотрим, где же тут у нас эта самая Долина Сумерек.

Довольно скоро Лукас уже разобрался, где что находится, а Джим только диву давался, как это его друг так ловко разбирается во всех этих точечках, крючках, закорючках и пестрых линиях.

— Посмотри сюда, — принялся объяснять Лукас, — мы стоим вот здесь, а здесь находится Долина Сумерек, — показал он, водя пальцем по карте. — Видишь, мы вышли из леса немножко не там. Нам нужно южнее. Теперь придется проехать немного вот в этом направлении.

— Как скажешь, — согласился Джим, почтительно глядя на своего мудрого друга.

Друзья покатали на юг, все время держась Полосатых Красно-белых гор, пока наконец не увидели узкое ущелье, врезающееся в недра горного массива. Тут-то они и остановились.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ,

в которой звучат голоса Долины Сумерек

Долина Сумерек представляла собою довольно мрачное ущелье шириною примерно с обыкновенную улицу. Все здесь было каменное: снизу — сплошной красный камень, гладкий как асфальт, сверху нависали неприступные скалы, а в самом конце ущелья виднелся пылающий шар предзакатного солнца, которое освещало пурпурным цветом уходящие ввысь жутковатые каменные стены, готовые вот-вот сомкнуться.

Лукас притормозил у самого входа в ущелье, и друзья решили немножко пройти пешком, чтобы осмотреться и разобраться с загадочными голосами.

Не слышно было ни единого звука. Вокруг царила торжественная тишина. Джиму стало как-то не по себе, и он взял Лукаса за руку.

Так они стояли молча некоторое время.

— Все тихо, — сказал наконец Джим.

Лукас кивнул и хотел уже было что-то ответить, как вдруг голос Джима раздался откуда-то справа:

«Все тихо!»

А потом слева:

«Все тихо!»

И понеслось, покатилося по всему ущелью:

«Все тихо... все тихо... все тихо... все тихо!»

— Что это такое? — испуганно спросил Джим и сильнее сжал руку Лукаса.

«Что это такое?.. Что это такое?.. Что это такое?..» — раздалось в ответ.

— Не бойся, — попытался успокоить его Лукас. — Это всего-навсего эхо.

«Всего-навсего эхо... всего-навсего эхо... всего-навсего эхо», — отозвалось в ущелье.

Друзья вернулись к паровозу и уже хотели садиться, как Джим зашептал:

— Тсс, Лукас! Послушай!

Лукас прислушался. И тут до них донеслось эхо, которое как будто возвращалось с другого конца ущелья. Сначала это был только тихий отголосок, но постепенно он становился все громче и громче:

— Все тихо... все тихо... все тихо!

И что удивительно, теперь слышался не один голос Джима, а несколько, словно тысячи Джимов говорили одновременно. Конечно, тысячи Джимов говорили в тысячу раз громче, чем один. Дойдя до того места, где стоял паровоз, эхо снова стало удаляться по направлению к противоположному концу ущелья.

— Ну и дела! — удивился Лукас. — Эхо возвращается и всякий раз, по-видимому, становится еще сильнее.

В этот момент вернулось второе эхо:

«Что это такое?.. Что это такое?.. Что это такое?..»

Теперь уже казалось, будто говорит целая толпа Джимов. Второе эхо тоже добралось до паровоза, а потом повернулось и стало удаляться.

— Н-да, — прошептал Лукас, — веселенькая получается история. Если так дальше пойдет...

— А что случилось? — с опаской тихонько спросил Джим.

Нельзя сказать, что ему очень нравилось наблюдать за тем, как его собственный голос носится туда-сюда как очумелый, да еще и размножается по ходу дела.

— Представь себе, — сказал Лукас, стараясь говорить совсем беззвучно, — что будет, когда наш Кристи покатится по этому ущелью. Грохоту будет, как в паровозном депо.

Тут вернулось третье эхо, которое зигзагом мчалось по ущелью, отскакивая от стенки к стенке.

«Всего-навсего эхо... всего-навсего эхо... всего-навсего эхо», — голосили на все лады тысячи Лукасов.

Как и предыдущие, это эхо тоже повернулось и понеслось в обратную сторону.

— Как так получается? — шепотом спросил Джим.

— Трудно сказать, — ответил Лукас. — Здесь много неясного.

— Ой, эхо возвращается! — в страхе заметил Джим. Теперь вернулось первое эхо, которое тем временем уже успело изрядно размножиться.

«Все тихо... все тихо... все тихо!» — вопили десять тысяч Джимов с такой невообразимой силой, что у друзей даже уши заложило.

— Что же нам делать, Лукас, ведь дальше будет только хуже? — еле слышно спросил Джим.

Лукас решил двигаться вперед.

— Боюсь, что мы тут ничего не придумаем. Делать нечего, попытаемся как-нибудь проскочить, — сказал он.

Тем временем вернулось эхо Джима «Что это такое?». Сотни тысяч Джимов вопили как оглашенные, так что даже земля задрожала. Другьям пришлось заткнуть уши.

Когда эхо откатилось прочь, Лукас быстро достал свечу, которая от долгого лежания рядом с паровым котлом стала совсем мягкой. Он ловко отделил от нее два кусочка, скатал два маленьких шарика и протянул их Джиму.

— На, заткни ими уши, чтобы не лопнули барабанные перепонки! Только не закрывай рот!

Джим засунул катышки в уши, и Лукас сделал то же самое. Знаками он спросил у Джима, слышно ли ему что-нибудь. Другья прислушались, но от третьего эха, которое обрушилось на ущелье с жутким грохотом, до них донеслись лишь слабые отголоски.

Лукас, довольный, подмигнул Джиму, поддал угля в топку, и они на всех парах понеслись по мрачному ущелью. Дорога была гладкой из-за отполированных красных камней, покрывавших здесь землю, так что они стремительно продвигались вперед, производя при этом невообразимый шум.

Для того чтобы понять, что ожидало бы друзей, не прими они соответствующие меры предосторожности, нужно рассказать немного о том, в чем заключался секрет Долины Сумерек.

Горы здесь стояли так, что звук отскакивал от одной стенки к другой и никак не мог выбраться из этой ловушки. Когда эхо докатывалось до конца ущелья, оно не могло выйти из него и вынуждено было возвращаться назад, откуда ему тоже было не выскочить, и тогда оно опять устремлялось к другому концу. Вот так и сновало оно туда-сюда без передышки. Каждое эхо, в свою очередь, рождало другое эхо, а из него опять получалось новое эхо и так далее и так далее. Вот откуда происходило все это многоголосие. И чем больше становилось голосов, тем больше соответственно был грохот.

И все бы ничего, если бы к голосам друзей не присоединился шум, производимый паровозом. Это значительно ухудшило и без того сложную ситуацию.

Тут можно было бы задать вопрос: а почему в ущелье было так тихо, когда Лукас и Джим только вошли в него? Ведь самый мельчайший звук, попадающий в долину, должен был бы вроде как оставаться там навеки и к тому же невероятно размножаться.

Это очень хороший вопрос, настоящий вопрос настоящего естествоиспытателя. Все верно, так оно и было каких-нибудь два дня до того, как друзья появились в ущелье. Приди они сюда два дня тому назад, они услышали бы здесь адский шум. Он возник всего-навсего из нескольких звуков, которые поначалу были совсем тихими, но потом, с течением времени, сделались очень громкими. Вот, например, мяукнула тут кошка, и еле слышное «мяу» превратилось в зычный рык, состоящий из целых ста тысяч «мяу», или пролетел воробышек, чирикнул разок, а глядишь — уже миллион «чик-чириков» понеслось по ущелью, а то вдруг «трах-тара-рах» — скатилось два крошечных камушка, и семьсот миллионов «трах-тара-рахов» загрохотало вокруг. Можно себе представить, какой невообразимый шум стоял здесь еще совсем недавно.

Но куда же подевались теперь все эти звуки?

Все очень просто. Дело в том, что незадолго до того, как друзья появились в ущелье, здесь прошел дождь! Всякий раз во время дождя эхо как бы оседало в капельках воды и вместе с ними уходило в почву. Таким образом Долина Сумерек время от времени очищалась от шума, а поскольку после дождя в долину еще не залетело ни одного звука, то Лукас с Джимом и застали здесь полную тишину.

Ну а теперь самое время вернуться к нашим друзьям, которые на всех парах неслись по ущелью.

Дорога оказалась несколько длиннее, чем думали друзья сначала. Когда они были приблизительно на середине, Джим совершенно случайно посмотрел назад. И то, что он увидел, заставило его буквально похолодеть от ужаса, — тут и взрослому бы стало худо, не то что такому маленькому мальчику!

Если бы они задержались у входа в ущелье, то теперь от них бы осталось мокрое место — их просто задавило бы под гигантскими обломками скал. Слева и справа рушились горные стены. Джим ви-

дел, как разлетались вдребезги несокрушимые громады, словно их взрывала чья-то невидимая рука, как начинали качаться высоченные вершины, а потом оседали, будто они были не из камня, а из песка. Долина Сумерек на глазах исчезала под грудой камней. Еще немножко — и паровоз окажется погребен под горными обломками.

Джим закричал и потянул Лукаса за рукав. Лукас обернулся и тут же понял, какая им грозит опасность. Не тратя времени на размышления, он рванул маленький красный рычаг, на котором было написано:

АВАРИЙНЫЙ РЫЧАГ!

ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ТОЛЬКО В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ!

Много лет он не пользовался этим рычагом и теперь не мог поручиться, что старина Кристоф выдержит такую нагрузку. Но выбора не было.

Кристи понял, что нужно поднапрячься, и громко свистнул. Это означало: все ясно.

Стрелка на спидометре начала клониться вправо, она неудержимо приближалась к отметке «максимальная скорость». Кристи мчался все быстрее и быстрее, и вот уже стрелка перешла за красную черту и застряла на белом поле. Секунда — и спидометр разлетелся вдребезги на тысячи мельчайших кусочков.

Вспоминая потом эту поездочку, Лукас и Джим сами не могли понять, каким чудом им удалось избежать смертельной опасности. Кристоф буквально пулей пронесся по ущелью и вылетел из него как пробка в тот самый момент, когда с жутким грохотом рухнула последняя вершина.

Лукас отпустил красный рычаг. Кристоф постепенно замедлил ход, а потом вдруг выпустил пар и застыл на месте. Он не пыхтел, не сопел и вообще не подавал никаких признаков жизни.

Лукас и Джим сошли с паровоза, вытащили затычки из ушей и посмотрели туда, откуда они только что выскочили как угорелые.

Перед их взором предстали могущественные горы Венец Мира, а на месте Долины Сумерек теперь клубилось лишь мутно-красное облако пыли. Это все, что осталось от мрачной долины.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ,

в которой Лукас убеждается в том,
что без Джима он был бы как без рук

— Да, ловко мы проскочили, — пробормотал Лукас, сдвигая фуражку на затылок и отирая пот со лба.

— Наверное, теперь никто никогда не сможет пройти через Долину Сумерек, — сказал Джим, который все еще не мог избавиться от дрожи в теле.

— Это точно, — откликнулся Лукас. Его голос звучал очень серьезно. — Долины Сумерек больше не существует. — Лукас набил себе трубочку, раскурил ее и задумчиво продолжал: — Дурацкое положение, прямо скажем. Ведь и мы теперь не сможем вернуться обратно этим же путем.

Об этом Джим даже и не подумал.

— Ой, батюшки мои! — жалобно пискнул он. — Что же нам делать? Ведь нам нужно обязательно потом попасть обратно!

— Да, да, — согласился с ним Лукас. — Но ничего не поделаешь, придется поискать другую дорогу.

— А где же, собственно говоря, мы находимся? — робко спросил Джим.

— В пустыне, — ответил Лукас. — Я думаю, что это и есть пустыня Край Света.

Солнце зашло, но было еще достаточно светло, чтобы разглядеть, что они находятся уже не в горах, а на равнине, ровной-преровой, как поверхность стола.

Вокруг только песок, камни и какой-то гул. Где-то на горизонте на фоне сумеречного неба чернел силуэт гигантского кактуса, растопыренные отростки которого издали напоминали пятерню, поднятую вверх в знак приветствия.

Друзья еще раз посмотрели на Полосатые Красно-белые горы. Облако уже немножко рассеялось, и теперь можно было видеть то, что осталось от Долины Сумерек.

— И отчего так все получилось? — сокрушенно спросил Джим.

— Наверное, от грохота колес образовалось такое мощное эхо, что горы не выдержали и рухнули, — объяснил Лукас. Потом он повернулся к паровозу и, похлопав его по котлу, с нежностью сказал: — Здорово ты нас выручил, старина Кристи!

Но Кристи не отзывался и по-прежнему не подавал никаких признаков жизни.

Только теперь Лукас понял, что с Кристофом что-то неладно.

— Кристи! — закричал он испуганно. — Старина, что с тобой?

Но локомотив не двигался. Не слышно было ни звука.

Лукас и Джим, ничего не понимая, переглянулись.

— Ой, батюшки мои! Что же это будет?! — запричитал Джим. — Если Кристи теперь... — Слова застряли у него в горле — так ему стало страшно при мысли о том, что они отсюда никогда не выберутся.

Лукас сдвинул фуражку на затылок и пробормотал:

— Да уж, только этого нам не хватало!

Они быстро достали ящик с инструментами. Там у них лежали всевозможные плоскогубцы, молотки, щипцы, кусачки и все-все-все, что нужно для ремонта паровозов.

Долго-долго Лукас со всей осторожностью простукивал каждое колесико, каждый винтик и все прислушивался, не отзовется ли где какая трещина. За все время он не проронил ни звука. Джим стоял с широко раскрытыми глазами, в которых застыло выражение ужаса, и тоже молчал, боясь задать лишний вопрос. Лукас работал так сосредоточенно, что даже не заметил, как у него погасла трубка. Это было плохим знаком. Наконец он выпрямился и пробурчал сквозь зубы:

— Черт подери!

— Что, так все плохо? — спросил Джим.

Лукас нехотя кивнул.

— Скорее всего, разлетелся поршень, — мрачно сказал он. — К счастью, у меня есть запасной. — Он достал свернутый клочок кожи, в котором лежал стальной поршень. По размеру он был такой же, как большой палец Джима. — Вот он, — сказал Лукас, осторожно держа поршень двумя пальцами. — Маленькая, но очень важная деталь! С его помощью Кристоф снова заработает.

— Ты думаешь, тебе удастся починить его? — тихонько спросил Джим.

Лукас пожал плечами и сказал:

— Во всяком случае, попробовать мы должны. — В его голосе слышалась озабоченность. — Я не знаю, как перенесет Кристи этот сложный ремонт. Может, вынесет, а может, и нет... Мы не имеем права допустить ни малейшей ошибки... Иначе... Тебе придется мне помочь, Джим, — одному мне ни за что не справиться!

— Конечно, о чем разговор, — решительно ответил Джим.

Джим не задавал лишних вопросов. Да и Лукас, казалось, был не слишком расположен к разговорам.

Молча они принялись за дело.

Тем временем уже настала ночь, и вокруг стояла кромешная тьма. Джим должен был светить Лукасу фонариком. Молча, стиснув зубы, друзья боролись за жизнь своего славного Кристи. Прошел уже не один час. Двигательные поршни помещаются в самой глубокой не механизма, а потому пришлось медленно и методично разобрать весь локомотив по частям. Прямо скажем, эта работенка не для слабовервных.

Перевалило за полночь. Взошла луна и скрылась в тумане. Только тусклый призрачный свет разливался над пустыней Край Света.

— Клещи, — раздался откуда-то из-под колес голос Лукаса.

Джим подал клещи. В этот момент в небе послышался какой-то странный шум. Потом раздалось отвратительное карканье. И снова странный шум. Теперь где-то совсем рядом. Что бы это значило?

Джим изо всех сил вглядывался в темноту. Он ничего не мог различить, кроме каких-то странных фигур, которые по своим смутным очертаниям напоминали огромные кульки с горящими глазами.

Снова какое-то шуршание. Гигантская неуклюжая птица спикировала прямо на кабину машиниста и нагло уставилась своими зелеными горящими глазищами на мальчика.

Джим с трудом удержался от того, чтобы не закричать во весь голос, настолько он испугался. Не спуская глаз с чудовища, Джим тихонько позвал своего друга:

— Эй, Лукас! Лукас!

— Что там такое? — отозвался Лукас из-под паровоза.

— Знаешь, здесь поналетели какие-то здоровенные птицы, — объяснил Джим. — Целая стая. Сидят тут и, кажется, чего-то хотят.

— Как они выглядят? — поинтересовался Лукас.

— Довольно противно, — ответил Джим. — Голые шеи, кривые клювы, зеленые глаза. На крыше уже сидит одна такая и не спускает с меня глаз.

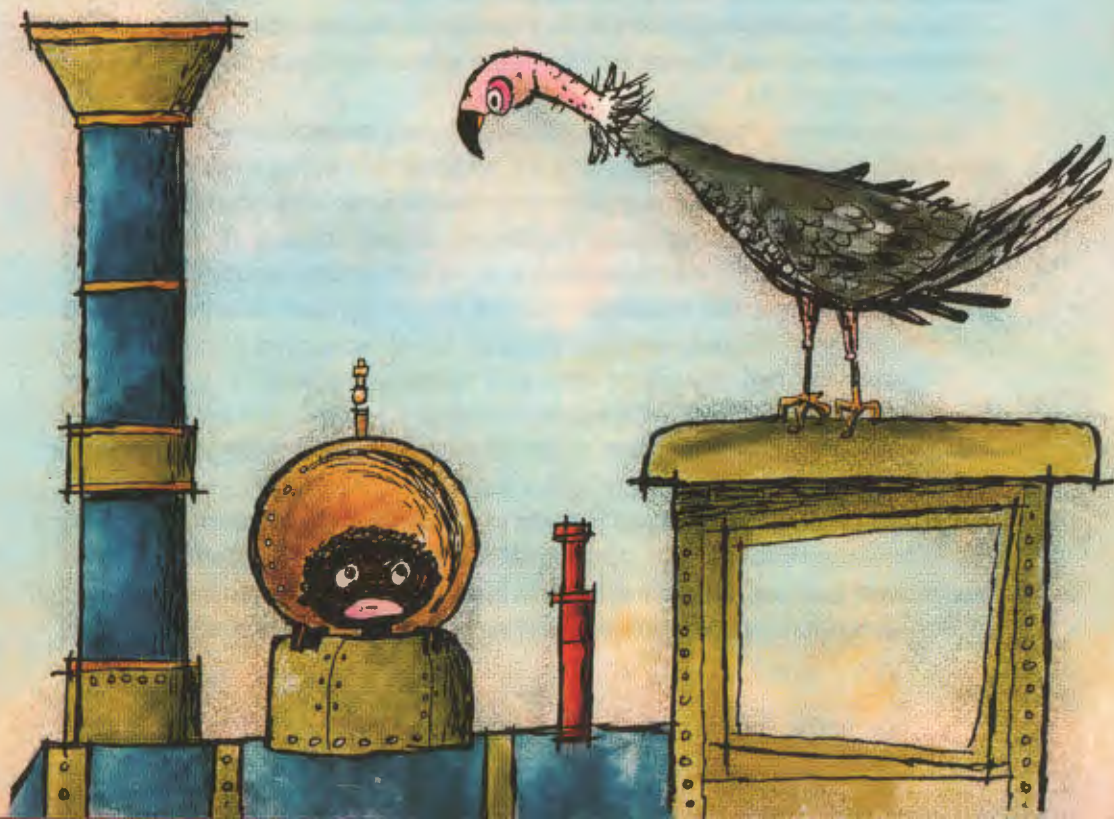
— Это всего-навсего грифы, — спокойно сказал Лукас.

— Понятно, — отозвался Джим без особой радости в голосе. Потом он немножко подумал и решил все-таки уточнить: — Интересно, а грифы — хищные птицы или нет? Как ты думаешь, Лукас?

— Они, конечно, хищные, — пояснил Лукас, — но пока человек жив, ему нечего их опасаться. Грифы живых не трогают, только мертвых, так как они питаются падалью.

— Ах вот оно что, — протянул Джим задумчиво. — А ты уверен в этом? — спросил он через несколько минут.

— В чем? — любопытствовал Лукас.

— Ты уверен в том, что эти зверюги не делают исключения для маленьких черных мальчиков? Может быть, маленьких черных мальчиков они предпочитают есть живьем? — уточнил Джим.

— Тебе нечего бояться, — постарался успокоить Джима Лукас. — Грифов еще называют могильщиками пустыни именно потому, что они питаются падалью.

— Ну тогда ладно, — пробормотал Джим и посмотрел с опаской на грифа, сидящего на паровозе.

Особого доверия все же хмурые гости не вызывали. У Джима было такое чувство, что эти злюки вполне могут отказаться от своей привычки есть падаль ради удовольствия полакомиться свеженьким черненьким мальчиком.

А вдруг так и не удастся починить Кристи? Как тогда? Тогда им придется остаться здесь, в этой страшной пустыне, среди этих омерзительных могильщиков, которые уже расселись тут в ожидании своего ужина. И ни одна душа не сможет помочь путешественникам, ведь люди остались так далеко, не говоря уже о Медландии, которая и вовсе на другом конце земли. Значит, это конец! И никогда больше они не увидят Медландию, никогда!

Стоило Джиму подумать об этом, как он почувствовал себя страшно одиноким. Он не мог больше сдерживаться. Слезы брызнули у него из глаз.

В этот момент Лукас как раз вылез из-под паровоза и стал обтирать тряпкой грязные руки.

— Что стряслось, дружище? — спросил он, тактично глядя в сторону. Лукас, конечно же, сразу понял, что стряслось.

— Нет, нет, ничего, — поспешил с ответом Джим, — просто... просто... на меня... икота... напала.

— Ах вот что, — пробормотал Лукас.

— Скажи честно, Лукас, — спросил тихонько Джим, — у нас есть надежда?

Лукас задумчиво смотрел куда-то вдаль, потом перевел взгляд на Джима и серьезно сказал:

— Послушай меня, Джим Пуговка! Ты мой друг, и потому я обязан говорить тебе только правду. Я в общем-то разобрался, в чем там дело, и сделал все, что мог. Осталось только открутить одну гайку. Это можно сделать только изнутри — если забраться в котел. Но

я туда не пролезу, так как я слишком большой и толстый. Вот какая дурацкая история получается.

Джим посмотрел на грифа, восседавшего на кабине машиниста, и на тех грифов, что маячили неподалеку. Видя, как они потихоньку начали подвигаться ближе, вытянув от любопытства свои тощие морщинистые шеи, Джим собрался с духом и сказал:

— Я полезу в котел.

Лукас одобрительно кивнул:

— В сущности, другого выхода у нас нет. Но это довольно опасно. Тебе придется работать под водой. Мы не можем спустить из котла воду, потому что здесь, в пустыне, нам будет больше негде заправиться. И еще: тебе придется работать впотьмах, практически на ощупь. Подумай как следует, готов ли ты пойти на это. Я пойму тебя, если ты скажешь «нет».

Джим подумал немножко. Плавать и нырять он умеет. К тому же ведь Лукас сказал, что другого выхода у них нет. Стало быть, делать нечего.

— Я готов, — заявил Джим.

— Ну хорошо, — помедлив, сказал Лукас. — Возьми разводной ключ, я думаю, он подойдет. Винт находится приблизительно здесь.

Лукас показал снаружи то место, где должен был располагаться винт.

Джим постарался хорошенько все запомнить и полез в котел.

Гриф с интересом наблюдал за его перемещениями. В этот момент луна неожиданно вышла из-за туч, и стало немножко светлее.

Всякий, кто хоть сколько-нибудь разбирается в локомотивах, знает, что рядом с трубой есть такая круглая блямбочка, которая выглядит тоже как труба, но только немного поуже и пониже. Эту штуку можно открыть. И тогда будет виден проход, ведущий в котел.

Джим снял башмаки и бросил их Лукасу. Затем он полез в котел через трубу-блямбочку. Труба была довольно узкой. У Джима отчаянно билось сердце. Но он, сжав зубы, упорно протискивался вниз. Когда осталось только втянуть голову, Джим напоследок помахал Лукасу и постарался поскорее спуститься в котел. Через секунду его пятки уже коснулись воды. Она была еще довольно теплой. Джим набрал побольше воздуха и нырнул вниз.

Лукас остался ждать возле локомотива. Он страшно побледнел, насколько это, конечно, было возможно при его коже, вечно вымазанной в саже и масле. Что он будет делать, если с Джимом что-нибудь случится?

Ничего. Ведь ему самому не залезть в котел. От напряжения на лбу у него выступили капельки пота.

Теперь он услышал, как Джим орудует в недрах котла. И вдруг что-то звякнуло и упало на землю.

— Это гайка! — закричал Лукас. — Джим, вылезай!

Но Джим как в воду канул — ни слуху ни духу. Секунды мучительно тянулись одна за другой.

От страха за своего юного друга Лукас уже совершенно потерял голову. Он забрался на паровоз, заглянул в маленькую трубу и стал кричать как сумасшедший:

— Джим! Джим! Выходи! Джим, ты где?

Но вот наконец появилась совершенно мокрая черная мордашка Джима, который отчаянно хватал ртом воздух. Потом показалась одна рука. Лукас тут же подхватил Джима и вытащил его из котла. Затем они осторожно спустились вниз.

— Джим, старина Джим, — все твердил Лукас.

Мальчик тяжело дышал. Слабая улыбка блуждала по его лицу. Время от времени он сплевывал воду.

Наконец он прошептал:

— Вот видишь, Лукас, как хорошо, что ты взял меня с собою!

— Джим Пуговка! — сказал на это Лукас. — Ты самый замечательный парень на свете, и без тебя я бы сейчас просто пропал!

— Ох, знал бы ты, как я там себя чувствовал, — со вздохом признался Джим. — Сначала все вроде шло хорошо. Гайку я нашел сразу и открутил ее довольно легко. А вот когда мне уже надо было возвращаться наверх, я никак не мог найти дыру. Но потом вроде как все обошлось.

Лукас снял с Джима мокрые вещички и закутал его получше в теплые одеяла. Потом дал ему горячего чая из императорского термоса.

— Ну вот, — сказал он, — теперь тебе нужно отдыхать. С остальным я уже сам как-нибудь справлюсь. — Тут он вдруг стукнул себя

по лбу и испуганно закричал: — Черт побери! Ведь из дыры, где была гайка, теперь вытекает вода!

Так оно и было. Но к счастью, за это время вытекло не так уж много воды, не больше чем пол-литра.

Лукас довольно быстро заменил поршень и все снова как следует свинтил-привинтил. Ту гайку, которую откручивал Джим, теперь он завинтил снаружи. Получилось ничем не хуже. Ну а после этого он методично собрал весь паровоз снова. Затянув потуже последнюю гайку, Лукас радостно воскликнул:

— Ну, Джим! Что ты на это скажешь?

— А что я должен на это сказать? — поинтересовался Джим.

— Послушай как следует! — весело сказал Лукас.

Джим прислушался. И действительно, Кристи снова дышал. Правда, еще совсем слабо, еле-еле, но ошибиться тут было невозможно — Кристи дышал!

— Лукас! — вне себя от счастья заорал Джим. — Наш Кристи в порядке! Мы спасены!

И друзья рассмеялись на радостях и пожали друг другу руки.

Зато грифы выглядели слегка разочарованными. Правда, они еще не теряли надежды. Только на всякий случай отошли немножко подальше.

— Так, — сказал Лукас довольным голосом, — теперь Кристи нужно как следует выспаться, чтобы набраться сил, да и нам, пожалуй, не помешает вздремнуть часок-другой.

Друзья забрались в кабину машиниста и закрыли поплотнее дверь. Потом они немного перекусили — поели фруктов и сладостей из корзины, приготовленной главным поваром, и запили чаем из золотого термоса. Ну а после ужина Лукас выкурил еще трубочку.

Джим к этому времени уже давно сладко спал. Во сне он улыбался, и видно было, что это улыбка гордости: так может улыбаться только человек, который, рискуя собственной жизнью, производит самый сложный ремонт и превращает груды металла в действующий паровоз.

Лукас хорошенько накрыл его одеялом и убрал со лба разметавшиеся мокрые пряди волос.

— Ты большой молодчина, мой маленький Джим, — сказал он тихо, с нежностью глядя на своего помощника.

Потом Лукас выбил трубку и еще раз выглянул в окошко. В ярком лунном свете он увидел грифов, сидевших на почтительном расстоянии. Они сомкнулись плотным кольцом и дружно вытянули шеи, так что со стороны казалось, будто у них идет необычайно важное заседание.

— Не дождетесь, — пробормотал Лукас, — нас-то вам не видеть как собственных ушей.

Потом он наконец лег, устроился поудобнее, вздохнул, зевнул и сразу же заснул.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ,

в которой путешественники попадают
в фантастическую местность и обнаруживают
таинственные следы

На следующее утро Джим и Лукас поднялись довольно поздно. Оно и понятно, ведь легли-то друзья далеко за полночь. Солнце уже стояло высоко и палило нещадно. В пустыне, где не найдешь ни деревца, ни кустика, под которым можно было бы укрыться от жары, воздух довольно быстро нагревается и становится таким же горячим, как в печке.

Друзья наскоро позавтракали и не мешкая отправились в путь. Они весело катили вперед, держа курс на север. Правда, компаса у них не было, поэтому они решили, что будут ориентироваться по Полосатым горам: нужно ехать так, чтобы горы оставались все время справа.

По их расчетам, если двигаться строго на север, то рано или поздно попадется Желтая река, и тогда нужно будет идти вверх по течению до самого драконьего города. Карта им теперь все равно ничего не давала, так что приходилось полагаться только на собственную смекалку.

Кристи чувствовал себя превосходно. Тяжелый ремонт уже закончился. Несмотря на свой почтенный возраст и некоторую склонность к полноте, Кристи был еще паровозом хоть куда.

Солнце поднималось все выше и выше. Из-за жары воздух так нагрелся, что даже стал немного дрожать. Лукас и Джим наглухо закрыли все окна. Правда, и в кабине из-за топки было довольно тепло, но все равно это не шло ни в какое сравнение с тем пеклом, которое было снаружи.

На пути им попадались останки диких животных: там мелькнет торчащий из-под песка череп, там — побелевшие на ветру кости или чей-то скелет. Друзья задумчиво смотрели на это грустное зрелище.

Было, наверное, около полудня, когда Лукас вдруг закричал:

— Вот так штука!

— Что случилось? — ошарашенно спросил Джим, очнувшись ото сна. От жары его разморило, и он уже даже слегка задремал.

— Кажется, мы сбились с пути, — ответил Лукас.

— Ты уверен?

— Посмотри направо! Горы до сих пор были от нас по правую руку. А теперь они совсем с другой стороны.

И действительно, все было так, как говорил Лукас. Справа виднелась бескрайняя пустыня, слева — Полосатые Красно-белые горы.

Конечно, тут что-то было не в порядке, но что еще удивительнее — сами горы выглядели как-то подозрительно. Казалось, что они не стоят на земле, а вроде как парят над нею.

— Что это с ними? — спросил с тревогой Джим.

— Сам не знаю, — ответил Лукас, — но, как бы там ни было, нам нужно развернуться.

Но не успел он это сказать, как горы и вовсе исчезли из виду. Теперь их не было ни слева, ни справа, нигде. Зато друзья явственно различали невдалеке берег моря с высоченными пальмами, которые раскачивались на ветру.

— Ничего себе дела, ты только посмотри! — пробормотал Лукас, совершенно уже сбитый с толку. — Ты что-нибудь понимаешь, Джим?

— Нет, — честно признался Джим.

— Веселенькое местечко, ничего не скажешь. Ну и влипли мы.

Джим обернулся, чтобы посмотреть, а как там обстановка сзади. К своему необычайному изумлению, он обнаружил, что Полосатые Красно-белые горы преспокойно стоят себе позади паровоза, только вот почему-то вверх тормашками! Они, так сказать, вырастали прямо из неба.

— Что-то тут неладно! — процедил сквозь зубы Лукас, не вынимая трубку из рта.

— А что же нам делать? — робко спросил Джим. — Если так и дальше все тут будет кувыркаться, мы никогда не выберемся отсюда.

— Это ж черт знает что, а не пустыня. Самое разумное будет, наверное, ехать дальше, все прямо и прямо, до тех пор пока мы не выберемся из этой проклятой дыры.

И друзья поехали прямо. Только лучше от того не стало. Наоборот. Вокруг творилось что-то совершенно невообразимое. То вдруг огромные айсберги неторопливо проплыли по небу. Это выглядело совершенно дико и нелепо. Ведь в действительности при такой жаре айсберги обязательно должны были бы растаять. Потом неизвестно откуда возникла Эйфелева башня, которой положено стоять в Париже, а не прогуливаться по неведомым пустыням. Слева как из-под земли вырос целый лагерь индейцев — посередине был разведен огромный костер, вокруг которого воины в головных уборах из перьев и с боевой раскраской на теле исполняли свои дикие воинственные пляски. Справа же почему-то возвышался Пекин с его золотыми крышами. Прошло какое-то время, и вдруг все исчезло таким же загадочным и непостижимым образом, как и появилось. Вокруг была только бескрайняя голая пустыня. Не прошло и нескольких минут, как на горизонте снова замаячили какие-то новые видения.

Лукас очень надеялся, что после полудня, когда солнце уже начнет клониться к закату, он сумеет как-нибудь определить, где север. Но не тут-то было. Солнце как обезумевшее скакало по небу, появляясь то слева, то справа, а то и сразу с двух сторон. Кажется, оно научилось размножаться. Мир попросту сошел с ума.

Под конец все видения настолько перемешались, что получилась полная ерунда. Ну куда это годится, если церковь вдруг оказывается вверх тормашками и где-то над нею повисает озеро, по которому мирно прогуливаются коровы, как будто это пастбище?

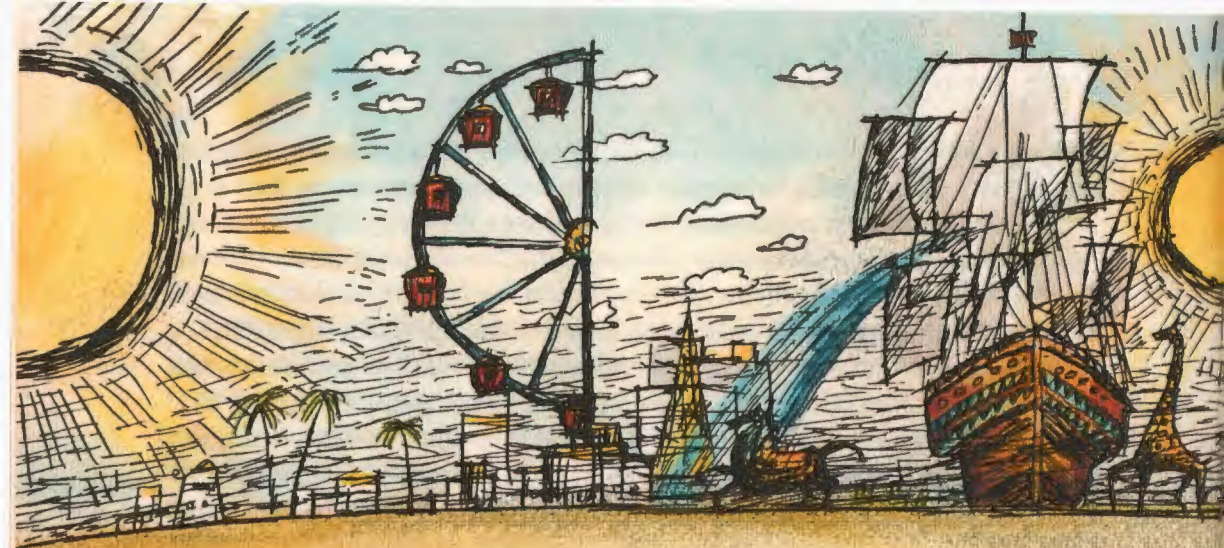
— Да, такой кутерьмы я еще ни разу в жизни не видел! — озадаченно пробормотал Лукас, которого вся эта неразбериха даже немножко забавляла.

В этот момент в воздухе появилась ветряная мельница, уместившаяся на спинах двух белых слонов.

— Со стороны смотреть, так вроде как даже и весело. А подумаешь, что выбираться надо из этого сумасшедшего дома, сразу же все веселье пропадает.

Теперь по небу пронесся гигантский парусник, из которого изливался на землю мощный водопад.

— Ничего не понимаю... — пробормотал Джим и потряс головой, надеясь избавиться таким образом от навязчивых картин. — Зна-

ешь, мне это все здорово не нравится... Как бы нам поскорее выбраться отсюда.

Прямо перед ними проскакала бешеным галопом половинка от чертова колеса, какое обыкновенно бывает на ярмарках и аттракционах. Эти полколеса неслись как угорелые, словно хотели догнать где-то в пустыне свою вторую половинку. Но она нигде не обнаруживалась.

— Я бы тоже не прочь поскорее отсюда выскочить, — признался Лукас, задумчиво почесывая за ухом. — Будем надеяться, что рано или поздно нам это удастся. Не век же нам болтаться в этой дурацкой пустыне. По моим подсчетам, за полдня мы сегодня отмахали добрых сто километров. Вот уж действительно глупо, что мы не взяли с собой компаса.

Некоторое время друзья молча ехали вперед, с любопытством наблюдая за разнообразными картинами, которые то появлялись, то исчезали. И только Лукас собрался было показать своему маленькому другу три солнца, которые одновременно появились на небе, как его прервал радостный крик Джима.

— Лукас! — заорал он что было сил. — Лукас, смотри! Ведь там... там... Медландия!

Действительно! Вдалеке показалась Медландия, окруженная со всех сторон морем. Отчетливо виднелись Медландские горы — одна побольше, другая поменьше, а между ними — замок короля Аль-

фонса Без Четверти Двенадцатого. В лучах солнца поблескивали извилистые рельсы, и все пять туннелей благополучно стояли на месте, и домик госпожи Каакс. А у причала качался на волнах почтовый корабль.

— Скорее, — закричал Джим, потеряв голову от счастья, — скорее, Лукас! Поехали туда!

Но Кристи уже и сам сообразил, куда надо ехать, потому что, видимо, и он заметил знакомые очертания родной Медландии.

Они мчали на полной скорости. Медландия становилась все ближе и ближе. Вот им уже хорошо видно, как король выглянул в окошко. А внизу стоит госпожа Каакс с письмом в руке, а рядом почтальон и господин Пиджакер. Все они выглядели очень грустными. Госпожа Каакс все время вытирала глаза фартуком.

— Госпожа Ка-а-акс! — закричал что было мочи Джим, который, забыв обо всякой жаре, открыл окошко и высунулся настоль-

ко, насколько позволял его малый рост. — Госпожа Каакс, я здесь! Вы меня видите? Это я, Джим Пуговка! Я иду к вам!

Он кричал и махал так отчаянно, что, того и гляди, вывалился бы из окна, если бы Лукас не держал его за пуговицы на штанишках.

Когда до Медландии оставалось метров десять, не больше, все вдруг исчезло — так же загадочно, как и другие видения. И снова вокруг не было ничего, кроме унылой, раскаленной от солнца пустыни.

Джим глазам своим не верил. Но как ни крути, как ни верти, а Медландии и след простыл. Две крупные слезинки скатились по черным щекам. Он ничего не мог с этим поделать.

Глаза Лукаса тоже подозрительно блеснули, он поспешил раскурить свою трубку и спрятался за пеленою табачного дыма.

Молча они ехали дальше. Но на этом чудеса не кончились. Впереди их ждал еще один удивительный сюрприз. Нежданно-негаданно они увидели перед собою еще один паровоз, который как две капли воды был похож на Кристи. Ехал он параллельно, метрах в ста от них. И скорость у него была точно такая же.

Не веря собственным глазам, Лукас высунулся в окошко, и на другом паровозе машинист тоже высунулся в окошко. Лукас помахал рукой, и другой машинист помахал в ответ.

— Что за ерунда такая?! — сказал Лукас. — Может, мы спим? И нам все это снится?

— Да нет, сна ни в одном глазу, — заверил его Джим.

— Ну ладно, надо попробовать подъехать поближе к этим ребятам, — решил Лукас.

Они развернулись и поехали прямо ко второму паровозу. Но в ту же минуту этот второй паровоз тоже развернулся и поехал им навстречу.

Кристи остановился первым. Другой локомотив тоже остановился. Лукас и Джим сошли вниз. Из другого локомотива тоже вышел машинист с маленьким черным мальчиком.

— Что бы это значило? — проговорил ошарашенный Лукас.

И вот они двинулись друг к другу — первый Лукас шел навстречу второму Лукасу, а первый Джим — навстречу второму Джиму. Лукасы и Джимы уже хотели пожать друг другу руки, как подул легкий

ветерок, и второй Лукас, второй Джим, второй Кристи стали таять на глазах, пока окончательно не растворились в воздухе.

Джим, ничего не понимая, уставился круглыми от удивления глазами на то место, где только что стоял другой Джим.

И тут Лукас присвистнул и радостно сказал:

— Ну конечно, как же я раньше не догадался!

— Ты о чем? — спросил Джим.

— Это же фата-моргана! Знаешь, что это такое?

— Нет, не знаю, — признался Джим. — А при чем тут какая-то фата какого-то Моргана? И вообще зачем дяде фата?

— Да ни за чем, — рассмеялся Лукас, — свадебная фата здесь совершенно ни при чем. Пойдем-ка в кабину, там я тебе все объясню, а то тут можно поджариться.

Друзья снова забрались в кабину машиниста и тронулись в путь, а по дороге Лукас объяснил Джиму, что такое фата-моргана и почему она такая проказливая.

Все, кто бывал на аттракционах, знают, что такое зеркальная комната. Это особая комната, в которой все стенки сделаны из сплошных зеркал. Заходишь туда и не знаешь, где отражение, а где реальность. Получается страшная путаница. Но на аттракционах это смешно, ведь в крайнем случае тебя всегда кто-нибудь выведет, если ты совсем запутаешься и не сумеешь выбраться из этого зеркального лабиринта. Другое дело, когда нечто подобное происходит в пустыне.

Фата-моргана, разумеется, не имеет никакого отношения к зеркалам. Сами подумайте, откуда в пустыне взяться такому количеству зеркал? Просто о зеркалах мы заговорили потому, что здесь происходит нечто похожее. Фата-моргана — это особое явление природы. Когда солнце нагревает песчаную поверхность, то воздух становится очень горячим. И чем сильнее светит солнце, тем горячее становится воздух. В конце концов он нагревается настолько, что начинает от жары колебаться. А если он совсем уж раскалится, то тогда он вдруг начинает отражать разнообразные картины, как какое-нибудь настоящее зеркало у нас в ванной комнате. При чем этот колеблющийся раскаленный воздух отражает не только те предметы, которые находятся поблизости, но и те, что расположены где-нибудь далеко-далеко — чем дальше, тем лучше. Тогда мож-

но увидеть какие-нибудь вещи, которые удалены на много-много-много километров. Случается, например, что путешественники, чей путь протекает через пустыню, ни с того ни с сего видят перед собой кафе, в окошке которого выставлена табличка:

СВЕЖИЙ ЛИМОНАД
Стакан — 10 пфеннигов

А когда они устремляются туда, чтобы утолить мучающую их жажду, перед самым их носом кафе растворяется в пространстве. Это совершенно сбивает с толку, отчего они, видимо, теряют дорогу.

Конечно, когда долго идешь по пустыне, то картины часто все перепутываются и получается невообразимая каша. Вроде той, которую видели наши друзья.

— И вот дошло до того, что мы столкнулись со своим собственным отражением, — сказал Лукас, заканчивая свое объяснение. — А когда подул ветер, то воздух сразу охладился и отражение исчезло.

Джим молча обдумывал сказанное, а потом восхищенно сказал:

— Наверное, нет на свете ничего такого, чего бы ты не знал.

— Ну уж ты хватил, — рассмеялся Лукас. — Нет, есть много вещей, о которых я ничего не знаю. Например, я не знаю, что это там виднеется впереди.

Друзья стали напряженно вглядываться.

— По-моему, это какой-то след, — решил Джим.

— Точно, — откликнулся Лукас. — Похоже на след от колес.

— Если это, конечно, не проделки фаты, — озабоченно сказал Джим. — В такой пустыне никогда не знаешь, с чем имеешь дело — с природным явлением или с чем-нибудь еще.

Они подъехали поближе, но то, что они видели издали, никуда не исчезло. Это были самые настоящие следы, следы от колес.

— Кажется, до нас тут кто-то уже побывал. — Лукас остановил Кристи, сошел вниз и стал пристально разглядывать следы. — Вот те на! — сказал он наконец и почесал за ухом. — Здесь действительно кто-то уже побывал. И знаешь кто?

— Нет. А кто?

— Мы. Это след Кристи. Похоже, мы сделали здоровенный круг и вернулись к тому самому месту, откуда выехали утром.

— Ох, батюшки мои! — ужаснулся Джим. — Хорошо бы нам поскорее выбраться из этой жуткой пустыни!

— Хорошо-то хорошо, — согласился Лукас. — Но как?

Лукас огляделся по сторонам, пытаясь оценить обстановку.

Справа по небу неся паровоз, из трубы которого вылетали огромные пестрые мыльные пузыри. Слева возвышался старинный маяк. На его самой верхней площадке как раз пристроился кит, приготовившийся сделать стойку на голове. А сзади Лукас увидел универмаг, из окон и дверей которого во все стороны торчали разнообразных деревьев. Прямо перед друзьями растянулись чередой телеграфные столбы с проводами, по которым неспешно прогуливалось целое семейство бегемотов.

Лукас посмотрел вверх. Три солнца аккуратно разместились на небосклоне. Поди разберись, какое из них настоящее.

Лукас потряс головой.

— Бесполезно, — буркнул он. — Надо подождать, пока фата-моргана уgomонится, и дожидаться захода солнца.

От страшной жары друзей разморило, и Лукас уже закемарил, когда Джим вдруг спросил:

— А почему у них такой грустный вид?

— У кого? — зевая, поинтересовался Лукас.

— У них у всех, — тихонько ответил Джим. — Ну, когда мы видели Медландию.

— Вполне возможно, что мы увидели их в тот самый момент, когда они получили наше письмо, — высказал свое мнение Лукас.

Джим тяжело вздохнул. Помолчав немножко, он серьезно спросил:

— Лукас, как ты думаешь, мы когда-нибудь еще увидим Медландию?

Лукас по-дружески обнял Джима и попытался утешить его:

— Я уверен, что в один прекрасный день мы непременно вернемся в Медландию, все втроем: ты, Кристи и я.

Джим посмотрел на Лукаса широко раскрытыми глазами.

— Ты правда так думаешь? — спросил он с надеждой в голосе.

— Могу даже тебе пообещать, что так оно и будет, — ответил Лукас.

У Джима сразу как-то отлегло от сердца, он повеселел, как будто они и впрямь уже отправляются домой. Он знал, что если уж Лукас даст слово, то он его никогда не нарушит.

— А как ты думаешь, это будет скоро? — решил уточнить Джим.

— Не знаю, может быть, да, а может, и нет, — уклончиво ответил Лукас. — Я точно не могу сказать. Просто у меня есть чувство, что это непременно произойдет. — Через некоторое время он добавил: — Знаешь, попробуй-ка лучше заснуть. Вдруг нам придется ехать всю ночь, кто знает?

— Постараюсь, — ответил Джим, и уже через секунду он крепко спал.

Но Лукас не стал ложиться. Ему нужно было обдумать сложившееся положение, которое его очень тревожило. Раскуривая новую трубку, он выглянул в окошко и посмотрел на раскаленную пустыню под палящими лучами послеполуденного солнца. Тут он заметил, что грифы снова осмелели и подошли уже совсем близко. Они окружили Кристи плотным кольцом и терпеливо ждали, когда пробьет их час. Они явно были уверены в том, что путешественникам ни за что не выбраться из этой проклятой пустыни.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ,

в которой Джим Пуговка делает для себя
важное открытие

Всякий, кому довелось побывать в пустыне, знает, какие там бывают закаты. Красотища неопишная! Небо переливается невиданными красками — от ярко-ярко-оранжевого до нежно-розового, светло-зеленого и фиолетового.

Лукас и Джим сидели на крыше паровоза и болтали ногами. Они доели остатки провизии и допили чай из золотого термоса.

— Ну вот, теперь у нас нет никаких запасов. Кто знает, когда еще мы раздобудем себе еды, — с тревогой в голосе сказал Лукас.

Жара немного спала. Откуда-то потянуло ветерком, который принес с собой прохладу. Миражи почти все исчезли, остались только самые упрямые, которые все никак не хотели растворяться и упорно продолжали висеть в воздухе. Но это уже были не серьезные миражи, а так себе, мелочевка. Дольше всех оставалась половинка велосипеда, на котором, скукожившись, сидел еж. Минут пятнадцать этот чудо-велосипед покрутился еще по пустыне, но одному, наверное, шалить было скучно, так что скоро и он скрылся из виду.

Теперь друзья могли быть более или менее уверены в том, что то солнце, которое они видят на горизонте, всамделишное, а не очередной фокус фата-морганы. Ну а поскольку всякое нормальное солнце, как известно, заходит на западе, то Лукасу не стоило особого труда определить, где находится север и куда им теперь надо ехать. По его расчетам, нужно было двигаться так, чтобы заходящее солнце светило в левое окошко.

Когда они уже проделали часть пути и солнце вот-вот должно было скрыться за горизонтом, Джим вдруг обратил внимание на странное явление. Все время, пока они ехали, грифы не отставали от них и всей стаей летели следом, а тут вдруг ни с того ни с сего они, как по команде, резко повернули в другую сторону и улетели прочь. Казалось, что они куда-то очень торопятся. Джим поделился своим наблюдением с Лукасом.

— Может, они просто решили наконец отстать от нас, — высказал свое мнение Лукас, весьма довольный таким оборотом дела. Но не успел он закончить свою мысль, как Кристи вдруг отчаянно засвистел, будто испугался чего-то, потом сам по себе взял развернулся и помчался как угорелый в обратном направлении. — Эй, Кристи! — закричал Лукас. — Что это за новости такие?!

Джим хотел было что-то сказать, но в этот момент он случайно обернулся, и слова застряли у него в горле.

— Там! — только и смог выдать у него из себя.

Лукас снова повернул паровоз на север. Но то, что открылось его взору, не шло ни в какое сравнение с тем, что он когда бы то ни было видел. Такого он еще не встречал в своей жизни.

На горизонте стоял огромный великан, настоящий гигант, рядом с которым Полосатые горы, которые как-никак маленькими не назовешь, казались просто жалкой кучкой спичечных коробков. Великан, очевидно, был уже в возрасте — судя по длинной седой бороде, достоящей ему до колен, почему-то заплетенной в толстую косу. Вероятно, так легче содержать ее в порядке. Ведь это немисливо — каждый день расчесывать такие буйные заросли! На голове у великана красовалась старая соломенная шляпа. Интересно, где он откопал такую шляпищу? Могучее тело великана прикрывала потрепанная длинная рубаха, которая, наверное, была больше, чем самый большой парус в мире.

— Ой! — вырвалось у Джима. — Скорее бежим, Лукас! Может, он нас еще не заметил!

— Спокойствие, только спокойствие! — ответил Лукас и выпустил из трубки несколько колечек дыма. Он пристально всматривался в великана. — Знаешь, мне кажется, в нем нет ничего страшного. Вот только что рост. А так он производит вполне приятное впечатление, — сказал Лукас спокойным голосом.

— Ч-т-т-то? — запинаясь, спросил Джим с нескрываемым ужасом.

— А что тут особенного? — продолжал рассуждать Лукас. — Эка невидаль, подумаешь! Ну и что из того, что человек немножко выше обычного? Так теперь его сразу в чудища записывать?!

— Да, но... а вдруг он все-таки из этих, из чудищ? — осторожно спросил Джим.

Теперь великан поднял руку, будто хотел помахать им, но потом опустил ее и как будто даже тяжело вздохнул. Правда, на таком расстоянии различить было трудно, тяжело он вздыхает или нет. Было удивительно тихо.

— Если бы он хотел нам сделать что-нибудь плохое, он бы давно это уже сделал, — сказал Лукас, не вынимая трубки изо рта. — По-моему, он довольно мирный. Интересно только, почему он не идет к нам? Может, он нас попросту боится?

— Ох, Лукас! — жалобно простонал Джим, у которого от страха зуб на зуб не попадал. — Мы пропали!

— Не думаю, — уверенным голосом возразил Лукас. — Может, наоборот, он нам даже подскажет, как выбраться из этой чертовой пустыни.

Джим онемел от ужаса. Он не знал, что и думать. Тут великан вдруг поднял руки и, сложив ладони рупором, прокричал удивительно тонким писклявым голосом:

— Подождите, незнакомцы, подождите! Я прошу вас, не уходите! Я не причиню вам зла!

У такого верзилы голос мог бы быть и пострашнее. А тут вместо громовых раскатов какое-то слабенькое чириканье. Интересно почему?

— Мне кажется, — сказал Лукас, — это совершенно безобидный великан. Он мне даже чем-то нравится. Только вот с его голосом что-то не в порядке.

— А может, он просто притворяется! — заплетающимся от страха языком проговорил Джим. — Он, наверное, хочет заманить нас и сварить живьем. Я слышал об одном таком кровожадном великане. Точно, Лукас!

— Ты его боишься только потому, что он такой большой, — попытался урезонить друга Лукас. — Но это еще не повод. Он ведь не виноват, что вымахал таким огромным.

Теперь великан опустился на колени и, умоляюще протягивая руки, снова принялся уговаривать друзей не уходить:

— Прошу вас, поверьте мне! Я ничего вам не сделаю, я хочу только поговорить с вами. Я так одинок, так страшно одинок! — Его тоненький голосок звучал очень жалобно.

— Бедняга, все-таки жаль его, — сказал Лукас. — Я сейчас помашу ему рукой, пусть знает, что у нас нет никаких дурных мыслей в голове.

С затаенным дыханием наблюдал Джим за тем, как Лукас высунулся из окошка, снял фуражку, как подобает вежливому человеку, достал из кармана носовой платок и помахал им. Сейчас страшное чудовище набросится на них и сожрет со всеми потрохами!

Великан медленно поднялся. Вид у него был настолько растерянный, как будто он не знал, что же ему теперь делать.

— Означает ли это, что я могу подойти к вам? — спросил он своим жиденьким голосом.

— Конечно! — прокричал в ответ Лукас и снова приветливо помахал платком.

Великан сделал шаг, но потом в нерешительности остановился.

— Он нам не доверяет, — пробормотал Лукас. — С этими словами Лукас недолго думая вылез из паровоза и твердым шагом направился к великану, знаками давая ему понять, что намерения у него самые дружественные.

Джим прямо обмер от страха, все потемнело у него перед глазами. Может быть, Лукаса хватил солнечный удар?

Как бы то ни было, он не мог бросить друга в беде! Собравшись с духом, он тоже спустился вниз и побежал следом, хотя коленки у него при этом изрядно дрожали.

— Подожди, Лукас! — срывающимся голосом кричал Джим на ходу. — Я с тобой!

— Вот и отлично! — сказал Лукас, хлопнув его по плечу. — Так-то оно лучше. Бояться — последнее дело. У страха, как говорится, глаза велики. На самом-то деле все не так страшно.

Когда великан увидел, что мужчина с мальчиком слезли с паровоза и теперь направляются к нему с явно миролюбивыми намерениями, он понял — бояться ему действительно нечего, все будет хорошо. Его печальное лицо сразу просветлело.

— Друзья мои, — крикнул он, обращаясь к путешественникам, — я иду к вам навстречу!

И он тоже двинулся вперед. Друзья смотрели на шагающего великана и глазам своим не верили. Такого они еще никогда не видели! У Джима прямо рот открылся от изумления, а глаза чуть не выскочили из орбит. Лукас буквально остолбенел и даже забыл про свою трубку, которая от этого быстро погасла.

По мере приближения великан с каждым шагом становился все меньше и меньше. Осталось пройти метров сто. С этого расстояния великан казался не выше обыкновенной колокольни. Потом он сравнялся по высоте с домом. А когда он наконец дошел до Кристи, оказалось, что он такого же роста, как Лукас, даже, пожалуй, на полголовы ниже. Перед друзьями стоял худощавый старичок с очень славным, добрым лицом.

— Добрый день! — поприветствовал он Лукаса и Джима и снял соломенную шляпу. — Я не знаю, как мне выразить свою признатель-

ность за то, что вы не убежали от меня. Сколько лет я мечтал о том, чтобы встретить какого-нибудь храбреца, который не испугался бы меня. Но никто не отваживался приблизиться ко мне. Я ведь только издалека кажусь таким ужасно большим. Ой, я ведь забыл представиться! Меня зовут Ка Лань Ча. Или просто господин Лань.

— Добрый день, господин Ка Лань Ча, — вежливо ответил Лукас и снял фуражку. — Меня зовут Лукас, машинист.

Лукас держался очень спокойно, так, словно он всю свою жизнь только и делал, что общался с великанами. Уж кто-кто, а Лукас умеет себя держать как надо в любой ситуации!

Тут и Джим, который до сих пор стоял столбом и, открыв рот, пялился на великана, вышел из оцепенения и представился новому знакомому:

— Джим Пуговка.

— Я необычайно рад познакомиться с вами, — сказал господин Ка Лань Ча, обращаясь на этот раз к Джиму. — И особенно радует меня то обстоятельство, что, несмотря на свой юный возраст, вы, господин Пуговка, сумели проявить столько мужества и отваги. Вы оказали мне неоценимую услугу.

— Ой, да что вы... да я... на самом-то деле... — запинаясь, начал что-то лепетать Джим, покраснев до ушей, хотя из-за черной кожи это не бросилось в глаза.

Ему стало вдруг страшно стыдно, ведь в действительности он не был никаким храбрецом. Про себя он решил, что впредь никого и ничего не будет бояться, прежде чем не посмотрит на этого кого-то или что-то вблизи. А то получится как с господином Ланем. Он дал себе слово никогда не забывать об этом.

— Знаете ли, — сказал господин Лань, обращаясь теперь к Лукасу, — я ведь на самом деле никакой не великан. Я, так сказать, мнимый великан. Но в этом-то и состоит мое несчастье. Вот отчего я так одинок.

— Господин Лань, не могли бы вы нам объяснить, что значит мнимый великан? — попросил Лукас. — Честно говоря, вы первый мнимый великан, которого мы видим в своей жизни.

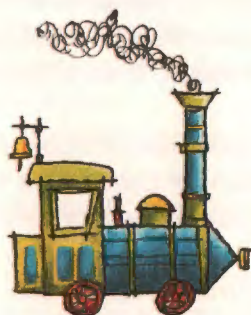
— Конечно, я постараюсь вам все объяснить, — согласился господин Лань, — но не здесь. Позвольте мне, любезные друзья, пригласить вас ко мне в гости, в мою скромную хижину.

— А вы здесь живете? — удивился Лукас. — Прямо в пустыне?
— Да, прямо в пустыне, именуемой Край Света. Точнее, у оазиса.
— А что такое оазис? — осторожно спросил Джим. Он уже боялся всяких неожиданностей.

— Оазис, — объяснил господин Ка Лань Ча, — это родник или иной источник воды, расположенный в пустыне. Я провожу вас туда.

Но Лукас решил, что лучше будет проехать на паровозе. Ведь Кристи нужно заправить водой. А это можно сделать только у оазиса. Но господин Лань наотрез отказался залезать в паровоз. Другьям пришлось довольно долго убеждать его в том, что Кристи — совершенно безопасное существо и ездить на нем не страшно. В конце концов они уговорили его рискнуть.

Великан забрался в кабину, и паровоз покатил к оазису.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ,

в которой мнимый великан рассказывает о том, что представляют собой мнимые великаны, а потом выражает свою признательность

Оазис господина Ланя оказался крошечным прудом с прозрачной водой, посередине которого бил родничок наподобие маленького фонтанчика. Вокруг зеленела свежая сочная трава и росли высоченные пальмы и всякие фруктовые деревья. Под деревьями примостился невысокий чистенький домик белого цвета с ярко-зелеными ставенками. В саду перед домом росли цветы и овощи.

Лукас, Джим и господин Ка Лань Ча вошли в дом, сели за круглый деревянный стол и как следует подкрепились. На ужин были поданы всякие вкусные овощи, а на сладкое — чудесный фруктовый салат.

Господин Ка Лань Ча был, между прочим, еще и вегетарианцем. Так называют людей, которые совсем не едят мяса. Господин Ка Лань Ча очень любил животных и поэтому не мог ни убивать зверей, ни тем более есть их. И его огорчало то обстоятельство, что его огромный рост всегда отпугивал животных.

Вот так и сидели они втроем за столом, а Кристи тем временем отдыхал на улице у фонтанчика. Лукас открыл крышку, теперь прохладная вода, весело булькая, наливалась в котел, что было как нельзя кстати, поскольку Кристоф совершенно изнемог уже от жары и жажды. После ужина Лукас, как всегда, набил трубочку, сел поудобнее, а потом, поблагодарив за угощение, решил все же попросить великана продолжить прерванный рассказ.

— Я прямо сгораю от любопытства! — сказал он.

— Да, да, расскажите, пожалуйста! — подхватил Джим.

— Собственно говоря, — начал господин Лань, — здесь не о чем особенно рассказывать. Ведь у всех людей есть какие-то свои индивидуальные особенности. У господина Пуговки, например, черная

кожа. Он таким родился, и в этом нет ничего странного, не правда ли? Почему бы и нет, черный так черный, какая разница? Правда, к сожалению, встречаются такие люди, которые считают иначе. Если у них, к примеру, белая кожа, то почему-то они убеждены, что именно у них правильный цвет кожи, а у других — неправильный.

— Хотя в некоторых случаях иметь черную кожу очень удобно, — вставил тут Джим, — например, если ты машинист паровоза.

Господин Лань кивнул в знак согласия и продолжал:

— Видите ли, мои друзья, у каждого человека есть одно свойство. Вот, например, если кто-нибудь из вас сейчас встанет и пойдет, то он по мере удаления будет все уменьшаться и уменьшаться до тех пор, пока не превратится совсем уж в микроскопическую точку на горизонте. А если он решит вернуться, то по мере приближения он будет становиться все больше и больше, пока не дойдет до нас и не станет, как прежде, нормальным человеком нормального роста. Вы не будете при этом отрицать, что сам-то человек, который ходил туда-сюда, в действительности совершенно не менялся. Это только кажется, что он становится то больше, то меньше.

— Верно! — воскликнул Лукас.

— Ну вот, — объяснял дальше господин Лань. — А у меня все наоборот. Вот и весь секрет. Чем дальше я ухожу, тем выше я кажусь тому, кто видит меня издалека. И чем ближе я подхожу, тем меньше кажется мой рост.

— Вы хотите сказать, что на самом деле вы не уменьшаетесь и не увеличиваетесь, а просто это нам кажется? — переспросил Лукас.

— Совершенно верно, — подтвердил господин Ка Лань Ча. — Поэтому я и говорю, что я мнимый великан. С таким же успехом всех людей можно было бы назвать мнимыми карликами, поскольку на большом расстоянии они ведь действительно выглядят как карлики, хотя таковыми и не являются.

— Как интересно! — пробормотал Лукас и выпустил несколько высокохудожественных колец дыма. — А скажите, пожалуйста, господин Лань, как же так получилось? Или вы таким были всегда, от рождения?

— Да, так было всегда, — грустно ответил господин Лань. — И я ничего не могу с этим поделать. В детстве это, правда, было не так заметно. То есть, конечно, заметно, но не так сильно, как сейчас. Но

уже и тогда со мной никто не дружил, потому что дети просто боялись меня. Можете себе представить, как меня это огорчало. Ведь я очень общительный человек, и характер у меня довольно спокойный. Но где бы я ни появлялся, люди в ужасе разбегались.

— А почему вы поселились здесь, в пустыне Край Света? — участливо спросил Джим. Ему было очень жаль старика.

— Сейчас объясню, — сказал господин Лань. — Я родился на Ларипури. Это большой остров в Нарландии. Единственными людьми, которые совершенно не боялись меня, были мои родители. И вообще мои родители были славными людьми. Но когда они умерли, я решил покинуть свою страну и отправиться на поиски нового пристанища, где люди бы не испытывали страха при виде меня. Я обошел весь свет вдоль и поперек, но везде повторялось одно и то же. Вот почему я в конце концов укрылся в пустыне. Я не хотел больше никого пугать. Вы оба, любезные друзья, — первые люди в моей жизни (не считая, конечно, родителей), которые не испугались меня. Если б вы знали, как страстно я мечтал о том, чтобы хоть раз в жизни побеседовать с кем-нибудь. И вот теперь благодаря вам моя мечта наконец исполнилась. Отныне, когда мне станет одиноко, я буду вспоминать о вас, и мысль о том, что я все же не один на этом белом свете, что у меня где-то далеко-далеко есть добрые друзья, — эта мысль будет мне великим утешением. Я вам необычайно благодарен за это и в знак моей признательности хотел бы для вас что-нибудь сделать.

Лукас немножко помолчал, обдумывая рассказ господина Ланя. Джим тоже был занят своими мыслями. Он долго про себя подбирал слова — что бы такое сказать господину Ланю ободряющее.

Наконец Лукас прервал затянувшуюся паузу:

— Дорогой господин Лань, если вы действительно решили нам сделать что-нибудь хорошее, то я знаю, как вы можете нам помочь в одном очень важном деле.

И Лукас рассказал все с начала до конца: о том, что они выходцы из Медландии и что теперь держат путь в драконий город, где хотят освободить принцессу Ли Ши и раскрыть тайну Джима.

Когда Лукас закончил свой рассказ, господин Ка Лань Ча посмотрел на друзей с нескрываемым почтением и сказал:

— Вы действительно настоящие храбрецы. Я не сомневаюсь в том, что вам удастся спасти принцессу, хотя, наверное, это очень смелая затея — попасть в драконий город.

— Так вот, — приступил Лукас к изложению своей просьбы, — не могли бы вы нам рассказать, где находится этот город и как туда быстрее добраться?

— Что там рассказывать? Я лучше сам вас выведу из пустыни, иначе вы тут заплутаете. Правда, дальше я вас уже не смогу проводить. Там начинаются Черные Скалы, оттуда вам придется идти одним. — Великан задумался на минутку, а потом продолжал: — Есть, правда, еще одна сложность. Я живу здесь уже много-много лет и знаю всю пустыню как свои пять пальцев. Но днем даже я тут плутаю, как в диком лесу. Последние годы фата-моргана что-то уж совсем разгулялась.

— Все-таки нам здорово повезло, что мы встретили вас, господин Ка Лань Ча. Без вас мы бы наверняка пропали, — сказал Лукас.

— О да! — согласился господин Лань и нахмурился. — Одни вы бы тут определенно заблудились. И уже завтра, самое позднее послезавтра вы бы стали добычей грифов.

Джим содрогнулся при этой мысли.

— Тогда давайте не будем мешкать, — предложил Лукас.

Господин Ка Лань Ча сделал на скорую руку несколько бутербродов и налил в золотой термос свежего чая, после чего вся троица поспешила к паровозу.

Но прежде чем отправиться в путь, Джим попросил господина Ланя, если это возможно, продемонстрировать еще разочек свои поразительные уменьшительно-увеличительные способности. Господин Лань с радостью согласился выполнить просьбу Джима.

Большая луна освещала пустыню ярким светом, от которого вокруг было светло как днем. Джим и Лукас остались стоять у паровоза, а господин Лань немного прошел в сторону, прямо на глазах у друзей становясь все выше и выше, а когда он повернул назад, то рост постепенно начал уменьшаться, пока не дошел до нормальных размеров.

Потом Лукас остался стоять у паровоза, а Джим и господин Лань пошли вместе, чтобы убедиться, действительно ли все эти фокусы

с увеличением и уменьшением лишь обман зрения. Отойдя подальше, Джим прокричал Лукасу:

— Ну как? Что ты видишь?

Лукас ответил:

— Ты теперь кажешься совсем маленьким, как мой мизинец, а господин Лань — большим, ростом с телеграфный столб.

Джим теперь сам мог легко убедиться, что господин Лань, с которым он стоял рядом, ни на миллиметр не вытянулся, а остался таким, каким был всегда.

Потом друзья поменялись, и Джим остался у паровоза, а Лукас пошел вместе с господином Ланем. Теперь Джиму было хорошо видно, как уменьшается Лукас и как растет господин Лань. Когда все снова собрались у паровоза, Джим, довольный, сказал:

— Вы действительно никакой не великан. Это все обман зрения.

— Совершенно точно, — согласился Лукас. — Ну а теперь пора в путь, друзья!

Они забрались в кабину машиниста, закрыли двери и двинулись вперед. Из трубы паровоза вылетали клубы дыма, которые устремились в ночное небо, все выше и выше, пока не исчезали без следа в заоблачных высотах, там, где горделиво и спокойно сияла огромная серебристая луна.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ,

в которой путешественники прощаются
с мнимым великаном и застревают перед входом
в Пасть Смерти

Пустыня, по которой ехали теперь путешественники, не отличалась большим разнообразием — куда ни кинешь взгляд, повсюду только пески, пески, сплошная гладкая поверхность, напоминающая доску для раскатывания теста.

Странно было видеть, как ловко ориентируется в этой тоскливой местности господин Лань, который будто носом чуял, когда куда надо поворачивать. Другим понадобилось не больше трех часов, чтобы добраться до северной границы пустыни.

Вокруг все было залито лунным светом, но там, где кончалась пустыня, почему-то ничего не было видно. Ни тебе земли, ни неба. Просто-напросто ничегошеньки.

Издалека это выглядело как сплошная беспросветно-кромешная темень, которая вставала стеной от земли до неба.

— Странно! — воскликнул Лукас. — А что это такое?

— Эта местность носит название Черные Скалы, — объяснил господин Лань.

Путешественники подъехали вплотную к тому месту, где начиналась чернота. Лукас притормозил, и все вышли.

— Город драконов, — продолжил свои объяснения господин Лань, — находится где-то в Стране Тысячи Вулканов. Это обширное плоскогорье, на котором расположены сотни тысяч больших и малых гор, извергающих огонь. Более точными сведениями о том, где нужно искать город драконов, я, к сожалению, не располагаю. Но, я думаю, на месте вы как-нибудь сориентируетесь.

— С этим все ясно, — сказал Лукас. — А что это здесь за темнотища такая?

— Не хотите ли вы сказать, что нам нужно туда? — осторожно поинтересовался Джим.

— К сожалению, другого пути нет, — ответил господин Лань. — Видите ли, дорогие друзья, Страна Тысячи Вулканов, как я уже говорил, представляет собою плоскогорье, которое относительно уровня моря лежит на семьсот метров выше, чем пустыня Край Света. Единственный путь, по которому можно добраться туда, проходит через Черные Скалы.

— Путь? — удивился Джим. — Но я не вижу здесь никакого пути.

— Все верно, — серьезно ответил господин Лань. — Его и нельзя увидеть. В этом как раз и состоит секрет Черных Скал. Они настолько черные, что поглощают всякий свет. Туда не проникает ни один лучик. Только в особо ясные дни, когда солнце светит уж очень сильно, темнота чуть-чуть рассеивается, да и то лишь вокруг солнца, от которого остается на небе всего-навсего сиреневатое мутное пятно. А так здесь царит беспросветная мгла.

— Да, но если тут ничегошеньки не видно, — задумчиво сказал Лукас, — то как же можно найти дорогу?

— Дорога здесь идет прямо-прямо, — пояснил господин Лань. — Длина ее сто метров, не больше. Если вы будете строго придерживаться нужного направления, то ничего с вами не случится. Но ни в коем случае нельзя ни на сантиметр сворачивать с пути. Потому что по обе стороны дороги идут сплошные пропасти. Малейшая ошибка — и вы погибли.

— Веселенькая перспектива! — пробурчал Лукас и задумчиво поскреб за ухом.

Джим только выдавил из себя:

— Ой, батюшки мои!

— Когда вы доберетесь до самой высокой точки Черных Скал, дорога приведет вас к огромным скальным воротам. Это Пасть Смерти. Здесь самое темное место, даже в ясные солнечные дни в Пасти Смерти царит кромешная тьма. Вы сразу поймете, что вошли в Пасть Смерти, по жутким завываниям и стенаниям, которые раздаются там день и ночь.

— А чего она, эта пасть, воеет? — спросил Джим, которому стало как-то не по себе от рассказов господина Ланя.

— Все дело в ветре, который продувает насквозь эти скальные ворота, — объяснил господин Лань. — Кстати, я советовал бы вам поплотнее закрыть окна и двери локомотива. Ведь в этой местно-

сти стоит вечная ночь, и поэтому ветер здесь настолько холодный, что капли воды превращаются в ледышки, еще не успев долететь до земли. И еще ни в коем случае не вылезайте из локомотива, иначе вы моментально окоченеете и станете как сосульки.

— Благодарим вас за добрые советы, — сказал Лукас. — Я думаю, мы подождем, пока взойдет солнце. Хоть от него и не слишком много проку, но все же это лучше, чем ничего. Как ты считаешь, Джим?

— Я думаю, ты прав, — отозвался Джим.

— Тогда, друзья мои, я полагаю, нам лучше сейчас попрощаться, — сказал господин Ка Лань Ча. — Я рассказал вам все, что знал. Мне бы хотелось добраться до дому, пока еще не рассвело и фата-моргана не принялась за свои проделки.

Они пожали друг другу руки и пожелали всего наилучшего. Господин Лань пригласил друзей к себе в гости в случае, если им доведется еще раз проезжать через пустыню. Джим и Лукас пообещали, что непременно зайдут. На этом они расстались, и мнимый великан поспешил домой, к своему оазису. Долго смотрели друзья вслед. С каждым шагом его фигура становилась все выше и выше, а когда он уже был совсем далеко, то стало казаться, что голова его достает до самого неба. Где-то у горизонта он обернулся и приветливо помахал друзьям на прощание. Лукас и Джим помахали в ответ. Господин Лань пошагал дальше, и чем дальше он уходил, тем больше вытягивался; правда, при этом его очертания выглядели все более и более расплывчатыми, пока наконец и вовсе не растворились в темноте ночного неба.

— Какой славный человек! — сказал Лукас и усиленно запыхтел трубкой. — Действительно, очень жаль его.

— Да, — согласился Джим, погруженный в какие-то свои мысли. — Как грустно, что он такой одинокий.

На этом друзья пожелали друг другу спокойной ночи и улеглись спать, чтобы набраться сил для предстоящей поездки в Черные Скалы.

Когда друзья проснулись, над пустыней сияло ослепительное солнышко. Джим и Лукас позавтракали, затем крепко-накрепко закрыли все окна и двери и двинулись прямехонько в кромешную тьму.

Все было так, как предсказывал господин Лань. От ослепительного солнца не осталось и следа. Только слабое фиолетовое пятно

прорывалось порой сквозь густую черную пелену, которой заволокло все небо. Вокруг же было темным-темно, хоть глаз выколи.

Лукас нащупал на щитке нужную кнопку и зажег фары. Но лучше от этого не стало. Черные Скалы полностью поглощали свет, и поэтому хоть с фарами, хоть без фар — все равно ничего не было видно.

Чем дальше они продвигались вглубь Черных Скал, тем сильнее забирал мороз. Джим и Лукас завесили окна одеялами, но и это скоро перестало спасать. И хотя Лукас не жалел угля и топил как следует, мороз пробирался во все щели и с каждой минутой становился все крепче и крепче. Джим совершенно околел от холода, так что у него уже зуб на зуб не попадал.

Паровоз продвигался вперед очень медленно. Уже несколько часов они были в пути, а, по расчетам Лукаса, одолели не больше половины — метров этак пятьдесят. Джим взялся теперь помогать Лукасу, потому что ему одному уже было не справиться. Они не успевали подбрасывать уголь в топку, ведь без хорошего жару вода в котле не будет кипеть и паровоз не сможет двигаться. Лопаты только так и мелькали. Но Кристи с каждой минутой катился все медленнее и медленнее. На трубе и клапанах уже висели толстые сосульки.

Лукас озабоченно посматривал на кучу угля, которая буквально таяла на глазах.

— Будем надеяться, что нам этого хватит, — пробормотал он.

— Сколько мы еще протянем? — спросил Джим, растирая околелые пальцы.

— Минут пятнадцать, — ответил Лукас, — а может, и того меньше. Трудно сказать при таком расходе.

— А мы успеем проскочить за это время? — забеспокоился Джим, которого уже прямо трясло от холода. У него даже губы посинели.

— Ну, если ничего не случится непредвиденного, наверное, успеем, — не слишком уверенно ответил Лукас, раскуривая трубку, которая хоть немного согревала заледенелые пальцы.

Теперь уже и бледно-фиолетового пятна было не видно. Значит, они где-то на подходе к Пасти Смерти. Прошло еще несколько минут, и вдруг до них донесся душераздирающий вой:

— У-у-у-у!

Этот вой был настолько жутким, что его нельзя передать никакими словами. Тому, кто не слышал его, даже трудно себе представить, насколько чудовищно он звучал. Нельзя сказать, что вой был очень громким. Но в черной пустоте он звучал так пронзительно-уныло, так жалостливо, что ни одна человеческая душа не могла этого вынести.

— Ой, батюшки мои! — снова вырвалось у Джима. — Я, пожалуй, лучше снова заткну уши.

Но огарок свечи от холода совершенно окаменел, и из него ничего уже нельзя было сделать. Другим пришлось смириться с душевнораздирающими воплями.

— Ааааууууууу! — завывало где-то уже совсем рядом.

Лукас и Джим стиснули зубы. В этот момент Кристи остановился как вкопанный и издал протяжный гудок, в котором слышалось невыразимое отчаяние. Каким-то образом он все же сбился с пути и теперь вдруг почувствовал, что колеса его повисли прямо над пропастью.

— Чертовщина какая-то! — пробурчал Лукас и стал по очереди нажимать на все рычаги. Кристи только вздрагивал, но с места не двигался.

— Что это с ним? — спросил Джим. В его широко раскрытых глазах застыл ужас.

— Понятия не имею, — ответил Лукас. — Он не хочет ехать дальше. Наверное, мы сбились с пути.

— И что теперь? — прошептал Джим.

Лукас ничего не ответил. Но Джим мог легко определить по выражению его лица, когда дело принимало серьезный оборот. Плот-

но сжатые губы, выступающие скулы, прищуренные глаза — все это говорило о том, что Лукасу не до шуток.

— В любом случае нужно поддерживать огонь в топке. Иначе мы пропали, — сказал он наконец.

— Что же, мы так и будем здесь стоять? — спросил Джим с тревогой.

Лукас только пожал плечами. Джим больше ни о чем не спрашивал. Если уж и Лукас не знает, что делать, значит, дело совсем плохо.

В завывании ветра слышались теперь злорадные нотки. Казалось, что Пасть Смерти разразилась неистовым смехом.

— Ох-хо-хо-хо-о-о-хо-хо-хо-о!

— Не вешай носа, старина! Как-нибудь выкрутимся! — постарался утешить друга Лукас. Но звучало это как-то не слишком убедительно.

Они все ждали и ждали, лихорадочно думая при этом, что же делать. Вылезти они не могут из-за мороза, да к тому же от этого не будет никакого проку. Назад не поедешь, потому что Кристи уперся — и ни туда и ни сюда. Что же делать? Ничего.

Как ни крути, как ни верти, все плохо. Но ведь нужно же что-то предпринять! Каждая секунда была дорога. Ведь чем дольше они стоят, тем быстрее исчезают запасы угля!

Но пока они напряженно думали, безуспешно ломая головы в поисках выхода из создавшегося положения, на помощь им пришло счастливое стечение обстоятельств. Дело в том, что пар, который выходил из трубы паровоза, поднимался, как и положено, вверх, но на определенной высоте от холода он превратился в настоящий снег, который тут же стал снова падать на землю. Сердитый ветер-завывала разметал повсюду снежинки — и вокруг локомотива, и дальше. Снег покрыл даже сами Черные Скалы. И вот оттого, что на склонах в некоторых местах лежал теперь снег, они перестали поглощать свет. Дорога тут же нашла. Тоненькой полоской она белела среди зияющей черной пустоты.

Джим заметил ее первым. Он как раз продышал себе на замерзшем окошке дырочку и теперь пытался сквозь нее что-то разглядеть в темноте.

— Эй, Лукас! — закричал он. — Посмотри сюда!

Лукас выглянул в окошко. Потом как-то выпрямился, очень серьезно посмотрел на Джима и, глубоко вздохнув, сказал:

— Мы спасены! — С этими словами он зажег свою трубочку и принялся раскуривать ее.

Теперь и Кристи пришел в себя, он быстро нашел прямую линию, по которой нужно было ехать, и снова устремился в непроглядную тьму.

— Оуу-оуу-оуу-оуу-оууууууу! — застонал ветер. Казалось, что они мчатся прямехонько в разверстую пасть самой смерти.

— Уууаааааааааааааааа! — раздалось откуда-то из недр, как будто кто-то устрашающе зевнул. И вот уже паровоз выскочил с другой стороны ворот. Пасть Смерти осталась позади.

— Уууууууууууууу, — послышался тяжелый вздох, который отозвался гулким эхом в глубине ворот. Но теперь это звучало не слишком страшно. А потом жуткие стоны и вовсе затихли где-то далеко-далеко.

Запасы угля стремительно подходили к концу, оставалось всего лопат десять. Но, к счастью, дорога теперь шла под гору — ведь Пасть Смерти находилась на самой высокой точке Черных Скал. Лукас бросал в топку по одной лопате в минуту: одна — две — три — четыре — пять — шесть — семь — восемь — девять — и десять. Все. Последняя лопата угля. Но вокруг по-прежнему стояла чернота. Локомотив катился все медленнее и медленнее. Еще немного — и он остановится...

И вот, в самый последний момент, словно чья-то невидимая рука стремительно подняла черный занавес, ослепительный свет ударил им в лицо, проникая сквозь заледеневшие окошки. Это было настоящее солнце. Кристи остановился.

— Так, Джим, — сказал Лукас, — как насчет того, чтобы немножко передохнуть?

— Отлично! — воскликнул Джим и облегченно вздохнул.

С трудом они отколупали лед с задвижек и открыли дверцы. Теплый воздух ворвался в кабину. Они сошли вниз, чтобы подставить солнышку свои озябшие конечности.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ,

в которой Лукас и Джим ремонтируют маленький вулкан, а Кристи изменяет свой облик

Друзья не спешили обследовать новую местность, они стояли у паровоза, оба в одинаковых позах — широко расставленные ноги, руки в карманах, взгляд устремлен вдаль.

Перед ними простиралась Страна Тысячи Вулканов. На много километров вокруг раскинулись огнедышащие горы. Одни из них имели вполне внушительные размеры и были высотой с многоэтажный дом, другие же, наоборот, были совсем маленькими и по виду ничем не отличались от норки сурка. У некоторых гор наблюдалась повышенная активность — то и дело из них вырывались мощные языки пламени, другие же вели себя довольно тихо, и только слабые струйки дыма говорили о том, что и они не дремлют. Попадались, правда, и такие, из которых извергалась раскаленная лава, — изда- лека они напоминали кастрюли с убегающей манной кашей.

Земля беспрерывно сотрясалась от подземных толчков, и воздух дрожал от неумолкающего грома и грохота. Неожиданно раздался страшный треск, и на поверхности земли образовалась громадная трещина. Из близлежащих вулканов начала стекать кипящая лава, которая медленно заполняла расщелину. Где-то вдалеке виднелась гигантская вершина, которая намного превосходила по высоте все остальные горы. Наверное, в ней была тысяча метров или даже больше. Над ней тоже поднимался дым.

Лукас и Джим задумчиво созерцали этот не слишком привлекательный пейзаж.

— Хотел бы я знать, — промолвил наконец Джим, — что будет, если и эта горища начнет плеваться лавой? Наверное, тогда тут все зальет? Как ты думаешь, Лукас?

— Вполне возможно, — ответил рассеянно Лукас, занятый в это время совершенно другими мыслями. — Меня гораздо больше интересует, где же нам искать драконий город. Он должен быть где-то тут. Но весь вопрос — где? — пробормотал он.

— Действительно, хорошо бы знать где, — поддакнул Джим.

— Но даже если мы будем знать, где он находится, — продолжал Лукас, — легче нам от этого не станет. Важнее знать, как туда попасть.

— Действительно, как? — снова согласился Джим. — Нам тут не проехать. Либо застрянем в лаве, либо провалимся в трещину. Ведь никогда не угадаешь, где она образуется в следующий раз.

— Но даже если бы мы все знали, — сказал Лукас, — нас бы все равно это не спасло, потому что у нас кончился уголь, а без угля мы не можем сдвинуться с места.

— Ой! — растерянно ойкнул Джим. — Об этом я как-то и не подумал. Скверная история.

— Чертовски скверная, — пробурчал Лукас. — Дров тут, судя по всему, тоже нет. Во всяком случае, я не вижу здесь ничего, что хотя бы отдаленно напоминало дерево или куст.

Так ничего и не придумав, друзья решили перекусить. Они достали бутерброды и золотой термос китайского императора. Было как раз часа четыре дня. Самое время пить чай. К тому же они успели изрядно проголодаться, так как с утра и маковой росинки во рту не держали.

Когда с едой было покончено и Лукас достал свою трубочку, а Джим принялся собирать посуду, вдруг раздался какой-то подозрительный шум.

— Тсс! — прошептал Джим. — Послушай!

Друзья насторожились. Станный звук повторился снова. Казалось, что поблизости жалобно хрюкает маленький поросенок.

— Кажется, там кто-то есть! — тихонько сказал Джим.

— Верно, — согласился Лукас. — Вроде как поросенок. Давай посмотрим, что там такое.

Друзья встали и пошли туда, откуда доносился звук. Хрюканье шло из недр небольшого вулкана рядом с паровозом. Судя по всему, вулкан не действовал. Не видно было ни огня, ни лавы, ни дымка. Лукас и Джим взобрались на вулкан, который был не выше небольшого домика, и заглянули в кратер. Плакал кто-то внутри. Никакого сомнения. Можно было даже разобрать отдельные слова:

— Все кончено, все кончено! О-о-о-о! Жалкий я червь!

Как друзья ни старались, они ничего не увидели в крошечной тьме, которая царилась в недрах вулкана.

— Эй! — прокричал Лукас. — Есть тут кто живой?!

Все стихло. Не слышно было ни плача, ни причитаний.

— Э-ге-гей! — позвал Джим звонким голосом. — Кто здесь? Кто сказал «жалкий я червь»?

Сначала никто не откликнулся, но потом вдруг раздался жуткий трам-тарарам. В недрах вулкана поднялся невообразимый грохот — кто-то там орудовал со страшной силой. Друзья даже слегка попятись, а то вдруг сейчас как вырвется пламя или выплеснется кипящая лава.

Но ничего подобного не произошло. Вместо этого показалась довольно упитанная физиономия, которая уставилась на друзей большими круглыми глазами. Эта физиономия чем-то смахивала на морду бегемота, только она была еще в желтую и синюю крапушку.

Дальше шла довольно длинная шея, которая переходила в щуплое тельце, заканчивавшееся тощим хвостом, какие бывают у детенышей крокодилов. Это странное существо с грехом пополам выбралось из своего вулкана, встало, растопылив ноги, лихо подбоченилось и пронзительно закричало что было мочи:

— Я — дракон! Фрррррр!

— Очень приятно, — ответил на это Лукас, — меня зовут Лукас, я машинист.

— А я Джим Пуговка, — представился Джим.

Совершенно сбитый с толку, дракон в растерянности смотрел то на Лукаса, то на Джима, а потом спросил своим хрюкающим голоском:

— А вы что, не боитесь меня?

— Нет, — ответил Лукас. — А чего нам бояться?

Тут дракон разразился безудержными рыданиями, и слезы ручьями потекли из его больших круглых глаз.

— Уууууууу! — завывало маленькое чудовище. — Этого мне только не хватало! Даже люди не считают меня за настоящего дракона! Ну что за день сегодня! Одни несчастья! Уууууууу!

— Ну что ты, что ты! Никто не сомневается в том, что ты настоящий дракон, — попытался успокоить его Лукас. — Мы вообще-то не робкого десятка, но страшнее тебя мы, пожалуй, ничего не видели на свете, правда, Джим?

При этом Лукас слегка подмигнул Джиму.

— Конечно, конечно, — подтвердил Джим. — Но понимаешь, мы просто вообще никогда ничего не боимся. А так мы бы обязательно тебя испугались, да еще как!

— Ах, — жалобно простонал дракон, глотая слезы. — Вы просто хотите меня утешить.

— Нет, нет, точно тебе говорю, — продолжал убеждать его Лукас. — Ты выглядишь очень устрашающе.

— Что верно, то верно, — добавил Джим. — Вид у тебя просто омерзительный и жуткий.

— Правда? — все еще не веря своим ушам, спросил дракон, и его толстая физиономия расплылась в довольной улыбке.

— Честное слово! — подтвердил Джим. — А разве кто-нибудь сомневается в том, что ты настоящий дракон?

— О да-а-а-а! Уууууууу! — ответил дракон и снова принялся горько плакать. — Чистокровные драконы не пускают меня в драконий город. Они говорят, что я полукровка, всего-навсего полудракон. И только потому, что моя мама была из бегемотов. Но ведь папа-то был настоящим драконом!

Лукас и Джим многозначительно переглянулись, как будто говоря друг другу: «Ага! Этот полудракон наверняка подскажет нам, куда нужно ехать дальше».

— И потому ты такой несчастный? — спросил Лукас.

— Да нет, — всхлипнув, ответил полудракон. — Просто у меня сегодня день невезучий. Мой вулкан погас. И мне никак его не раскочегарить. Уж я и так и этак, а он все равно не хочет гореть.

— Ну, это невелика беда. Давай-ка посмотрим, что там у тебя стряслось, — предложил Лукас. — Мы все-таки машинисты паровозов и кое-что понимаем в таких вещах.

Полудракон сразу же смахнул слезы и снова уставился на друзей.

— Ах, как это было бы чудесно! — прохрюкал он. — Я был бы вам страшно признателен. Для нас, драконов, нет более страшного позора, чем потухший вулкан.

— Понятное дело, — сказал Лукас.

— Кстати, — добавил тут дракон, — ведь я даже вам не представился. Меня зовут Непомук.

— Красивое имя, — любезно сказал Лукас.

— Но оно почему-то похоже на человеческое, — вмешался тут Джим. — Подходит ли оно дракону?

— Это имя дала мне моя мама, бегемотиха, — объяснил Непомук. — Она жила в зоопарке и там все время вращалась среди людей. Вот ей и пришло в голову окрестить меня Непомуком. У драконов обычно другие имена.

— Ах вот оно что! — сказал Джим.

После этого они все втроем полезли в кратер. Там Лукас достал спичку, зажег ее и осмотрелся. Оказалось, что внутри вулкан представляет собою просторную пещеру. Одну половину занимала громадная куча угля, другую — большая плита, над которой болтался на толстых цепях увесистый котел. Все вокруг было покрыто слоем

сажи, к тому же здесь изрядно воняло серой и какой-то еще гадостью.

— Славно тут у тебя, Непомук, — вежливо сказал Лукас, задумчиво поглядывая при этом на кучу угля.

— Ой, а где же ты спишь? — удивился Джим.

— Знаете, я предпочитаю спать прямо на угле, — признался Непомук. — Так приятно: встаешь уже черный-пречерный и не надо каждое утро специально пачкаться.

У драконов, надо сказать, все не как у людей. Люди, например, моются утром и вечером, чтобы ходить всегда чистыми и опрятными, а драконы, наоборот, по утрам и вечерам вываливаются в грязи, чтобы ходить всегда грязными и чумазыми. Так уж у них, у драконов, заведено.

Лукас тем временем занялся плитой. Не прошло и пяти минут, как он уже разобрался, в чем тут загвоздка.

— Ага, — сказал он, — тут просто отвалился кусок решетки и закрыл тебе дымоход.

— А долго это чинить? — спросил Непомук, который уже снова скуксился и приготовился пустить слезу.

Лукас хотел было успокоить полудракона — пустяки, мол, сейчас эмг починим, но потом вдруг почему-то передумал.

— Посмотрим, что тут можно сделать, — серьезно сказал он. — Честно говоря, ремонт тут мало что даст. Нужно было бы полностью заменить плиту. Но попробую что-нибудь сделать. Тебе здорово повезло, что мы оба машинисты. — У Лукаса явно имелся какой-то план, и поэтому он слегка все преувеличил. — Джим, — продолжал он с важной миной, — ну-ка слетай наверх да принеси ящик со специальными инструментами и не забудь прихватить операционную лампу!

— Понял, — ответил Джим, стараясь держаться тоже очень деловито.

В одну секунду Джим выбрался из кратера и скоро вернулся, нагруженный инструментами. Карманный фонарик тоже был на месте.

— Так, дорогой Непомук, — сказал Лукас, наморщив лоб. — Теперь тебе придется оставить нас ненадолго одних. Мы с моим ассистентом не можем работать в присутствии посторонних.

Непомук с уважением поглядел на ящик с таинственно поблескивающими инструментами и выбрался наверх. Он терпеливо сидел и ждал, пока друзья справятся с ремонтом. Из пещеры доносился непрерывный стук, скрежет, звяканье, лязганье. «Да, эти машинисты действительно толковые ребята», — подумал Непомук.

На самом-то деле Лукас за одну секунду водрузил решетку на место и еще успел прочистить дымоход. Теперь все было в порядке, и друзья преспокойно уселись рядом, взяли в руки молотки, плоскогубцы и давай колотить изо всех сил по котлу и по плите, а снаружи казалось, будто работа так и кипит, прямо как в настоящей кузнице.

Через некоторое время Непомук засунул голову в кратер и спросил:

— Ну как? Дело движется?

— Поломка оказалась серьезнее, чем я предполагал! — прокричал Лукас. — Но думаю, как-нибудь справимся.

И они принялись колошматить дальше. Джим прямо давился от смеха.

Непомук продолжал смирненько сидеть снаружи, размышляя над тем, как вовремя ему подвернулись эти машинисты.

Через некоторое время Лукас шепнул Джиму:

— Ну, наверное, уже хватит.

Они перестали колотить, и Лукас развел в печке огонь. Пламя ярко вспыхнуло, и из дыры повалил дым. Все было в порядке.

Увидев дым, Непомук страшно обрадовался. В душе он все же боялся, а вдруг машинисты не справятся с такой ужасно сложной поломкой? Теперь же он на радостях пустился в пляс и, пританцовывая вокруг своего вулкана, распевал на все лады:

— Работает! Работает! Мой вулканчик! Ура! Ура! Все в порядке!

Джим и Лукас выбрались наверх.

— Большое спасибо! — воскликнул Непомук, когда друзья вылезли наконец из кратера.

— Не стоит благодарности, — великодушно сказал Лукас. — У меня к тебе есть тоже маленькая просьба.

— Да? Что такое? — спросил Непомук.

— Знаешь, — сказал Лукас, — у нас вышел весь уголь. А у тебя там его целая куча. Нельзя ли набрать у тебя немного угля для паровоза?

— Ну конечно! — воскликнул Непомук, расплываясь в дружелюбной улыбке, насколько, конечно, может быть дружелюбной улыбка при такой огромной морде. — Я сейчас же все сам сделаю.

Джим и Лукас хотели ему помочь, но Непомук настоял на том, чтобы они теперь отдыхали.

— Вы уже достаточно потрудились, теперь моя очередь, — сказал он и скрылся в недрах вулкана.

Скоро он появился с полным ведром угля и понесся во всю прыть к паровозу. Высыпав уголь в тендер, Непомук помчался за следующей порцией. И так он сновал туда-сюда, пока наконец тендер не был заполнен до самого верха. Друзья наблюдали за его бурной деятельностью и чувствовали угрызения совести.

Справившись с заданием, полудракон обтер пот со лба и сказал:

— Уф, больше не влезает!

— Большое спасибо, Непомук, — сказал Лукас смущенно. — Это было очень-очень мило с твоей стороны. Может быть, ты составишь нам компанию и мы вместе поужинаем?

День уже клонился к вечеру, и солнце стояло совсем низко.

— А что у вас есть вкусенького? — с живостью откликнулся Непомук, и глаза его загорелись от любопытства.

— Чай и бутерброды, — ответил Джим.

На физиономии Непомука отразилось разочарование.

— О нет, спасибо, — сказал он. — Это не по мне. Я уж лучше закушу хорошенькой порцией лавы.

— А что такое лава? — поинтересовался Джим. — Это вкусно?

— Лава — любимое блюдо всех драконов, — объяснил Непомук, надуваясь от гордости. — Это раскаленная каша из расплавленного железа и серы с примесью всяких прочих хороших вещей. У меня там целый котел. Хотите попробовать?

— Нет, спасибо, в другой раз, — поспешили отказаться друзья в один голос.

Путешественники достали свои припасы из локомотива, а Непомук сгонял за своим котлом с лавой. Потом они уселись поуютнее и как следует поели. Нельзя сказать, что Непомук был приятным

сотрапезником. Он отчаянно чавкал и смачно хрумкал, разбрызгивая вокруг шипящую лаву, так что Джиму и Лукасу приходилось быть постоянно начеку, чтобы вовремя увернуться от летящих горячих брызг и не оказаться обляпанными с ног до головы грязью. Непомук, хотя и был полудраконом, из всех сил старался вести себя как настоящий чистокровный дракон.

Наевшись до отвала, Непомук недолго думая вывалил остатки лавы из котла прямо в трещину, которая проходила поблизости. Потом он облизнулся, похлопал себя по туго набитому брюшку и громко икнул. При этом у него из ушей выскочило два желтых серных облачка.

Друзья тем временем тоже справились со своим ужином. Джим отнес корзину и термос в локомотив, а Лукас достал свою трубочку. Завязалась неторопливая беседа. Разговор шел о всяких пустяках. По ходу дела Лукас как бы между прочим сказал:

— Мы бы хотели попасть в драконий город. Ты не знаешь случайно, как туда добраться?

— Конечно знаю, — ответил Непомук. — А что вам там надо?

В общих чертах друзья обрисовали ситуацию, после чего Непомук сказал:

— По-настоящему драконы должны держаться вместе, и я не имею права ничего рассказывать. Но вы мне помогли, а бедландские драконы обращаются с нами, полудраконами, очень скверно и даже не пускают к себе в город. Так что уж лучше я присоединюсь к вам, чтобы позлить этих глупых драконов. Это будет моя месть. Вы видите там высокую гору? — Он указал лапой на гигантский вулкан, который возвышался в центре страны. — В этой горе, — продолжал он свое объяснение, — и находится драконий город. Гора-то с дыркой, она внутри полая. Потому что на самом деле это кратер.

— А что такое кратер? — поинтересовался Джим.

— Кратер — это... как это... Кратер — это кратер, — сказал Непомук, совершенно сбитый с толку. — Это когда гора внутри пустая и сверху дырка, ну, как большая миска или что-нибудь в таком роде.

— Ага, понятно, — удовлетворился таким объяснением Джим.

— В самом низу кратера, то есть на самом дне, — рассказывал Непомук дальше, — и расположен драконий город Бедландия. Он

очень большой, прямо-таки огромный, и драконов там — тьма-тьмущая. Они там спрятались, потому что на земле стало для них слишком опасно. Редко-редко кто-нибудь из них выбирается в другие страны.

— А откуда идет этот дым, который стоит над горой? — спросил Джим. — У них что, такие же печки, как у тебя?

— Ну конечно, — ответил Непомук. — Хотя в основном-то дым идет от самих драконов. Ведь они все-таки огнедышащие животные. Вот и получается столько дыму.

Как будто в доказательство сказанному Непомук еще раз громко икнул, и из ушей у него снова повалил дым, а из ноздрей вылетело несколько искорок. Это было, прямо скажем, не слишком вдохновляющее зрелище.

— Ага, вот оно что! — сказал Джим, дослушав Непомука до конца.

— Ну а как можно попасть в драконий город? — спросил Лукас и выпустил несколько клубов дыма из трубки.

— В том-то вся и заковыка! — вздохнул Непомук и задумчиво поскреб лапой за ухом. — Никак туда не попадешь, даже я не могу.

— Но ведь вход все-таки должен быть? — допытывался Джим.

— Вход-то есть, — ответил Непомук. — Через пещеру, которая ведет именно в город. Но пещеру день и ночь охраняет стража. А она не пропускает никого, кроме настоящих драконов.

— А нет ли другого входа в город? — не отставал от Непомука Лукас.

— Нет, — ответил Непомук. — Во всяком случае, я об этом ничего не знаю.

— Может, есть какая-нибудь река, которая течет через город? — задал Лукас наводящий вопрос.

— Нет, нет, — заверил друзей полудракон, — ни разу в жизни ни о какой речке я ничего не слышал. Ведь река должна была бы тогда протекать через всю Страну Тысячи Вулканов, и уж мы, полудраконы, знали бы об этом. Нет. Второго входа нет, и реки тоже нет.

— Странно, — пробормотал Лукас, — мы почему-то думали, что Желтая река берет свое начало где-то в драконьем городе.

Но Непомук решительно покачал головой и со всей ответственностью заявил:

— Нет. Этого не может быть!

— А какие же они, собственно говоря, эти чистокровные драконы? — вдруг спросил Джим, как будто занятый своими мыслями.

— Да всякие, — ответил Непомук. — Главное, чтобы отличаться от других животных. А так в них больше ничего нет чистокровного. Вот я, например, похож, к сожалению, на мою маму бегемотиху. А еще драконы должны уметь плевать огнем и выпускать дым.

Все трое задумались на некоторое время. Джим первым прервал молчание:

— А может, нам из Кристи сделать дракона? На животное он не похож. С огнем и дымом у него все в порядке.

— Джим! — восхищенно воскликнул Лукас. — Блестящая идея!

— Действительно, — согласился Непомук. — Можно попробовать. Я знаю некоторых драконов, которые выглядят почти что как ваш паровоз.

— Остается еще один вопрос, — сказал Лукас. — А как нам добраться до этой горы? Нам не очень бы хотелось провалиться в какую-нибудь трещину или застрять в лаве.

— Ну это-то проще простого, — тут же отозвался Непомук. — Я вас провожу, и с вами ничего не случится. Я точно знаю, когда и в каком месте образуется трещина и когда какой вулкан начнет извергаться. Да, да, мы, полудраконы, составили строгое расписание. Иначе была бы сплошная неразбериха.

— Отлично! — сказал обрадованный Лукас. — Ну что ж, не будем откладывать дела в долгий ящик. Займемся маскировкой Кристи.

Непомук слезил к себе в вулкан и притащил целый горшок жидкой красной глины, попутно он еще поставил котел с лавой на огонь.

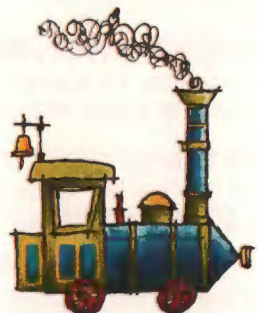
Джим и Лукас тем временем достали всевозможные одеяла и сделали из них что-то вроде чехла для кабины.

Когда они справились с этим, Непомук принес расплавленную лаву. Поскольку он все-таки был полудраконом, то мог запросто брать горячую лаву лапами. Непомук старательно облепил весь паровоз кусками лавы, сверху соорудил огромный горб, спереди вылепил довольно страшный длинный нос, а по бокам сделал нечто вроде чешуи и колючек. Лава мгновенно застывала и становилась крепкой-крепкой, как бетон. Под конец они разрисовали красной

краской весь паровоз, стараясь сделать его как можно страшнее, да еще намалевали жуткую драконью рожу. Кристи, с его милой добродушной физиономией, терпеливо все сносил и только смотрел своими большими глупыми глазами по сторонам, силясь понять, что же означает вся эта кутерьма.

К ночи все было готово. Лукас спрятался в кабине и решил немного порепетировать — он проехался туда-сюда, выпуская дым из трубы и высекая искры. Выглядело действительно очень по-драконьи.

Договорившись встретиться утром, все разошлись спать: Непомук отправился на свою угольную постель, а друзья исчезли в чреве паровозного дракона.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ,

в которой чистокровный дракон принимает Кристи за даму и приглашает на прогулку

На следующее утро путешественники поднялись ни свет ни заря и сразу же тронулись в путь, так как Непомук уверял, что до драконьего города еще довольно далеко, гораздо дальше, чем это кажется с первого взгляда. Скоро друзья сами убедились, что Непомук был прав: из-за трещин и потоков лавы они не могли ехать напрямую, им приходилось постоянно куда-то сворачивать, что-то объезжать, делать большие круги — получалось как в настоящем лабиринте.

Непомук сидел верхом на паровозе и кончиком хвоста указывал дорогу. Он вертел им то вправо, то влево, так что Лукасу не надо было ни о чем думать.

По пути им встретилось несколько полудраконов, которые с любопытством выглядывали из своих вулканов. Некоторые из них были совсем крошечными и напоминали сурков или кузнечиков, другие чем-то смахивали на кенгуру или даже на жирафов — в зависимости от того, у кого какие были родственники. При виде размазанного Кристи они испуганно прятались в свои норы. Они явно приняли его за чистокровного дракона, который решил тут немножко прогуляться. Лукас и Джим были очень довольны произведенным эффектом.

Не доезжая до ворот, ведущих в драконий город, Непомук дал знак остановиться. Лукас притормозил, и полудракон сошел на землю.

— Ну вот, — сказал он, — здесь вы уже сами разберетесь. Я лучше пойду домой. А то, чего доброго, еще натолкнусь на какого-нибудь чистокровного дракона. Честно говоря, не имею ни малейшего желания!

Друзья от всей души поблагодарили Непомука за помощь, а Непомук в свою очередь пожелал им удачи. На этом они распрощались.

Лукас и Джим покатали дальше. Полудракон махал им вслед до тех пор, пока они не скрылись за поворотом.

Проводив своих новых друзей, Непомук поскакал обратно.

А Лукас и Джим тем временем подъехали к главным воротам драконьего города.

Это была огромная дыра, которая вела в просторную пещеру, почерневшую от сажи и копоти.

Над входом в драконий город виднелась увесистая каменная плита с такой надписью:

ВНИМАНИЕ!

Посторонним вход воспрещен!

Только для чистокровных драконов!

Нарушители караются

смертной казнью!

— Ну вот, старина, мы и приехали! — сказал Лукас, обращаясь к Джиму. — Теперь начинается самое интересное!

— Порядок! — откликнулся Джим.

И друзья бесстрашно въехали под своды пещеры. Там было темным-темно, и Лукас зажег фары, чтобы освещать дорогу.

Когда они проделали приблизительно полпути, откуда ни возьмись, из темноты вынырнули два красных горящих глаза величиною с футбольные мячи. Лукас и Джим тут же задержали одеяла, оставив лишь маленькую щелочку.

Теперь им предстояло самим убедиться, насколько хороша маскировка Кристи. Если Кристи не поверят, то все пропало!

Медленно-медленно локомотив приближался к горящим глазам, которые принадлежали весьма упитанному верзиле-дракону. Он был раза в три толще и выше, чем Кристи. Кроме всего прочего, у него была отвратительно длинная тощая шея, которая почему-то лежала на плечах как кучка неаппетитных колбасок. Эта дряблая шея увенчивалась довольно крупной головой, которая по форме и размерам отчаянно смахивала на комод. Красавчик невозмутимо расселся прямо посреди дороги. Ясно было, что его ни на какой козе не объедешь. Свой длинный хвостик, утыканный колючками, он элегантно перебросил через левое плечо, правой лапой он как бы между прочим почесывал свое жирное желто-зеленое пузо, из которого шишкой выпирал красный пупок, напоминавший аварийную красную кнопку.

Когда Кристи притормозил перед самым его носом, он резким движением раскрутил свою шею и, вытянув ее вперед, принялся обследовать локомотив со всех сторон. Шлангоподобная конструкция шеи позволяла ему это делать без лишней суеты. К чему вставать да бегать, когда у тебя есть такая удобная часть тела? Тщательно изучив Кристи, дракон расплылся в довольной улыбке, которая придавала его и без того не слишком симпатичной физиономии довольно мерзкое выражение.

— Ах-ах-ах! — радостно завопил он жутким голосом, который напоминал визг пилы или даже целой тысячи пил. — Ах, какие у вас глаззззки! Какие блестящщщщие глаззззки-глаззенапочки! — И давай хохотать, дико взвизгивая и всхрюкивая при этом.

— Кажется, он принял Кристи за даму, — прошептал Лукас. — Вот и отлично, пусть считает, что это драконша.

Дракон принялся напропалую заигрывать с Кристи — то подмигнет лукаво, то скривится в любезной гримасе. При этом он все норовил заманить ее (то есть его) в уголок. Кристи со страху отчаянно засвистел.

— Ах-ах-ах! — расхохотался дракон во всю глотку так, что его жирное желто-зеленое брюхо заколыхалось, как студень, а красная кнопка запрыгала вверх-вниз, вверх-вниз. — Как ты мне нррравишшшься! Ах, какие у тебя глаззки! А как чудненько ты воняешшш! Сажжжа! Копоты! Какой аrrorромат!

Кристи стыдливо потупил фары. Он страшно смутился и не знал, куда деться от стыда, слушая комплименты, которые расточал ему распалившийся дракон.

Джим и Лукас тем временем обозревали сквозь щелочку окрестность. В темноте они разглядели, что рядом с главной пещерой есть еще боковая пещера, в недрах которой сидело несколько других драконов из той же породы, что и приткий кавалер. По-видимому, скоро они должны были сменить на посту своего игривого коллегу. А тот уже разошелся настолько, что даже попытался пощекотать Кристи под подбородком, при этом он прямо-таки не сводил с него своих противных масляных глаз, продолжая все время кокетливо подмигивать и гримасничать.

— Где ты жжживешшшь, моя крррошшшка? Скажжжи, я зззайду ззза тобой вечерррром, прррошшшвырррнемся немножжжко! Я скорррро освобожжжусссы!

Кристи уставился на дракона, ровным счетом не понимая, чего добывается от него этот болван.

— Пахнет жареным! — прошептал Лукас. — Будем надеяться, что он не раскусит, в чем тут дело.

— Ффф, какая ты прррротивная! — рассердился дракон. — Ты что, язык проглотила, толстая копченая сарделька?

Джим и Лукас насторожились. Но, к счастью, в этот самый момент один из дежурных драконов прокричал из караульной пещеры:

— Ну чего ррразззорррался, сопляк?! Осссстафффь малышку ф покое! Не видишшшь, што ли, неохота ей с тобой ррразззговаррривать!

— Слава богу, — облегченно вздохнув, сказал Джим.

— Хрррр! — захрипел дракон и злобно плюнул, так что из пасти вырвалось зеленое пламя и повалил лиловый дым. — Ладно, убирайся, да пожжживее! — С этими словами он нехотя уступил дорогу.

Лукас нажал на рычаг, и Кристи рванул что было мочи вперед, стараясь поскорее унести колеса. Для пущей убедительности Лукас уж постарался напустить побольше дыму да искр, демонстрируя возмущение оскорбленной дамы, чтобы дракон под конец ничего не заподозрил. Скоро пещера была уже позади, и друзья въехали в драконий город. С первого взгляда было ясно, что это настоящий крупный центр. Здесь возвышались тысячеэтажные дома, сложенные из гигантских серых валунов, улицы напоминали узкие мрачные ущелья. Если встать на такой улице, задрать голову и посмотреть наверх, то где-то там, высоко-высоко, можно было еще различить крошечный кусочек неба. Но и этот клочок неба был почти что не виден из-за густой пелены дыма, копоти и удушливых испарений газа. Как рассказывал уже Непомук, этот газ производили сами драконы, которые тысячами сновали по городу, беспрестанно выпуская дым: он прямо-таки валом валил из всех щелей — из пасти, из носа, из ушей. А у некоторых драконов, ко всему прочему, было устроено еще нечто вроде выхлопной трубы на кончике хвоста, откуда время от времени вырывался целый шлейф зеленого и желтого дыма.

На улицах стоял невообразимый гвалт. Драконы визжали, урчали, рычали, обзывались, орали, горлопанили, кашляли, истошно вопили, выли, смеялись, свистели, ругались, чихали, пыхтели, сопели, вздыхали, топали, гудели, шипели и бог знает, что еще они там делали.

Надо сказать, что драконы здесь попадались самых разных сортов. Одни были маленькими, не больше такс, другие, наоборот, — огромными и длинными, как целый товарный состав. Многие из них ходили вразвалочку, неуклюже переваливаясь с боку на бок, чем-то напоминая кротов, если бы, конечно, крот мог быть ростом со среднюю машину. На другого посмотришь и думаешь: ну и жердь, а выглядит он при этом как гигантская гусеница. Были тут драконы-тысяченожки, а были и такие, что обходились одной-единственной ногой. Правда, на одной ноге далеко не убежишь, но одноно-

гие драконы как-то приноровились и довольно ловко скакали, как мячики. Ну а тем драконам, у которых и вовсе не было ног, ничего не оставалось делать, как просто катиться по улицам наподобие бочки или цистерны. Можно себе представить, какой от этого стоял трам-тарарам. А еще здесь встречались крылатые драконы. Одни из них походили чем-то на летучих мышей, другие легко порхали туда-сюда, как какие-нибудь жучки или стрекозы. Они жужжали и гудели, наполняя воздух неумолкаемым гулом. Глядя на всю эту сутолоку, можно было подумать, что драконы — страшно занятые существа, которые ни минуты не теряют даром.

Обитатели драконьего города носились как оголтелые, не разбирая дороги, — им ничего не стоило отпихнуть кого-нибудь в сторону, сбить с ног, отдалить кому-нибудь хвост, а то и просто без всякого стеснения пройти по чьей-нибудь голове; в общем, особым дружелюбием и приветливостью они не отличались.

Проезжая по городу, Джим и Лукас не упустили случая, чтобы заглянуть в окна драконьих пещер и посмотреть, чем же занимаются дома жители этого города. Одни драконы варили себе кофе, другие пекли блины, используя при этом огонь, который извергался у них из ноздрей. Кофе, конечно, был особый, драконий, и блины тоже готовились по особому рецепту — из смолы и костной муки, с добавлением яда и желчи, осколков стекла и ржавых канцелярских кнопок.

Много всякой всячины повидали здесь друзья. Только одного они нигде не обнаруживали — детей. Ни маленьких дракончиков, ни нормальных детей. У настоящих драконов, надо сказать, детей не бывает. Да и зачем им дети, если они не умирают, разве что кто-нибудь посторонний возьмет да ненароком убьет одного-другого дракона? А так они живут себе поживают и только неторопливо стареют. То, что другие дети тоже не попадались, было даже в какой-то степени хорошо. Ведь где бы они тут играли? На улицах их сразу же затоптали бы насмерть, а садики и лужаек здесь и в помине не было. Равно как и деревьев, кустиков, травки и тому подобного. И над всеми этими бесчисленными вонючими шумными улицами, напоминающими ущелья, нависали мрачные стены кратера. Да, лучшего названия, чем Бедландия, такому городу и не придумать.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ,

в которой Джим и Лукас знакомятся
с бедландской школой

Покружив немного по городу, друзья решили, что пора бы поискать Старую улицу. Но тут-то и возникло одно непредвиденное обстоятельство: как, спрашивается, найти в таком огромном городе Старую улицу? Ведь не выйдешь из паровоза и не спросишь у прохожего! Оставалось только одно — кататься по городу до тех пор, пока случайно не обнаружится эта самая Старая улица. Так можно было проехать целую вечность, но ничего другого не оставалось, и друзья отправились на поиски. К счастью, им повезло. Доехав до ближайшего перекрестка, Лукас осторожно посмотрел в щелку и увидел на углу каменный столб с указателем: Старая улица.

Теперь нужно было только внимательно следить за номерами, которые были высечены на стенах домов.

Довольно скоро он обнаружил нужный номер — 133.

— Ты боишься, Джим? — спросил тихонько Лукас.

Джим на секунду задумался и вспомнил о мнимом великане, а также о том, что многое лишь издалека кажется страшным.

— Нет, Лукас, не боюсь, — решительно сказал он. — Может, только самую капельку, — добавил он, чтобы быть уж совсем честным.

— Ну ладно, тогда вперед! — скомандовал Лукас.

— Вперед! — отозвался Джим.

Лукас осторожно зарулил в гигантские ворота. Они очутились в очень просторном подъезде, который по своим размерам чем-то напоминал вокзал. Мощная винтовая лестница уходила в какие-то заоблачные выси. Было совершенно непонятно, где она кончается. Призрачный свет слабо освещал этот громадный зал. И что удивительно, у лестницы не было ни одной ступеньки, она плавно поднималась вверх наподобие улицы, идущей в гору. Надо сказать, что во всей Бедландии ступеньки были отменены. По вполне понятной причине: ведь если ступеньки большие, то они не подходят маленьким драконам (тем, что вроде сурков), а маленькие ступень-

ки, наоборот, никак не годятся большим драконам (тем, что вроде товарных составов). Вот почему в Бедландии отказались от ступенек. К тому же лестницы без ступенек оказывались очень удобными в одном отношении. По ним можно было легко съезжать вниз, как с горки. Что и продемонстрировал друзьям один дракон, который уселся на свой покрытый чешуей хвост, будто на салазки, и со свистом пронесся по гладкой спирали лестницы.

Отсутствие ступенек пришлось как нельзя кстати нашим путешественникам. Потому что обыкновенные ступеньки Кристофу было бы нипочем не одолеть. А так они могли спокойно себе катить как по рельсам.

Так они катились и катились без каких бы то ни было помех, пока наконец не добрались до третьего этажа.

Перед первой дверью с левой стороны они притормозили. Дверь эта была такой огромной, что в нее мог запросто въехать двухэтажный автобус. Но, к сожалению, дверь, представлявшая собою мощную каменную плиту, была плотно закрыта. Посередине красовалась надпись:

А ниже была приделана специальная каменная ручка, чтобы стучать, — череп с зажатым в зубах кольцом.

Лукас тихонько прочитал Джиму надпись.

— Постучим? — неуверенно спросил Джим.

Лукас покачал головой. Соблюдая осторожность, он выглянул из окошка, чтобы оценить ситуацию.

Убедившись, что поблизости никого нет, Лукас выскочил из паровоза и со всей силой уперся в каменную дверь. Ему пришлось изрядно попотеть, чтобы сдвинуть ее с места. Получилась довольно большая щель. Справившись с дверью, Лукас быстро запрыгнул обратно.

— Лучше не оставлять здесь Кристи одного, — шепотом объяснил он Джиму и, нажав на рычаг, зарулил прямо в квартиру, стара-

ясь производить как можно меньше шуму. Проехав немножко, он снова вылез из кабины, поставил плиту на место и махнул Джиму, чтобы тот тоже спускался вниз.

— А разве можно без разрешения входить в чужую квартиру, да еще с паровозом? — робко спросил Джим.

— К сожалению, другого выхода у нас нет, — тихо ответил Лукас. — Надо сначала разобраться в обстановке.

Они загнали Кристи в угол и велели ему стоять тут тише воды ниже травы. А сами крадучись пошли по длинному темному коридору. У каждой двери они останавливались и осторожно заглядывали в комнаты. Нигде ни души. Ни людей, ни драконов. Вся мебель в комнатах была сделана из камня — каменные столы, кресла, диваны с каменными подушками. А на одной стене даже висели каменные часы, жуткое тиканье которых гулким эхом отзывалось в зловещей тишине. Окон в комнатах не было, только высоко под потолком виднелись дыры, сквозь которые проникал слабый дневной свет.

Когда друзья уже добрались почти до самого конца коридора, они вдруг услышали чей-то противный визгливый голос, который доносился из последней комнаты. Там явно кто-то отчаянно ругался. Потом все стихло. Джим и Лукас напряженно прислушивались. В какой-то момент им даже показалось, будто они ясно различают детский голосок, который что-то, запинаясь, говорит. Друзья многозначительно переглянулись и устремились к таинственной двери.

Когда они заглянули в щелку, то увидели огромный зал, в котором стояли ряды каменных парт. За партами сидело человек двадцать детей со всего света: индейцы и белокожие малыши, эскимосы и смуглолицые карапузы в тюрбанах. Джим сразу обратил внимание на маленькую девочку с двумя черными косичками и нежным личиком, какие бывают у фарфоровых китайских куколок. Не было никакого сомнения, что это и есть принцесса Ли Ши, дочь императора китайского. Все дети были прикованы к партам железными цепями, и, хотя кое-как двигаться они еще могли, далеко убежать уже было невозможно. В конце зала на стене висела огромная каменная доска, а рядом стояла большая кафедра величиной с платяной шкаф, вырезанная из целого куска гранита. За кафедрой восседал дракон весьма мерзко-

го вида. Он был, пожалуй, побольше Кристи, но зато не такой упитанный, даже, можно сказать, тощий. Его вытянутая морда, заросшая густой щетиной, была к тому же вся усыпана бородавками.

Сквозь поблескивающие стекла очков смотрели маленькие колючие глазки. В лапе дракон держал бамбуковую палку, которой он размахивал в разные стороны, со свистом рассекая воздух. На длинной тощей шее отчаянно выпирал кадык, а из хищной пасти торчал единственный зуб, который придавал драконьей морде совершенно гнусное выражение. Сомнений не оставалось: этот дракон — не дракон, а драконша. Госпожа Зубпер собственной персоной!

Дети сидели присмиревшие и боялись пошевелиться. Послушно сложив руки на партах, они смотрели испуганными глазами на драконшу.

— Похоже на школу! — зашептал Лукас Джиму на ухо.

— Ой, батюшки мои! — тихонько воскликнул Джим, ни разу в жизни не видевший школу. — Это так всегда в школах?

— Нет конечно! — попытался успокоить его Лукас. — Некоторые школы бывают даже очень ничего. К тому же учителями там работают не драконы, а вполне нормальные люди, среди которых попадаются иногда и не очень глупые.

— Молчать! — завопила вдруг драконша и как стукнет палкой по своей кафедре. — Это кто там еще шепчется?

Лукас и Джим притихли и втянули головы в плечи. В классе воцарилась гнетущая тишина.

Джим не мог оторвать глаз от маленькой принцессы. Взглянет на нее, и прямо сердце екает — так она ему приглянулась. Еще ни разу в жизни у него не было такого, чтобы кто-нибудь ему так сильно нравился. Лукас, конечно, не в счет. Да и вообще Лукас — совсем другое дело. При всей любви к нему красавцем его назвать было трудно. А вот Ли Ши — настоящая красавица. Такая милая и такая нежная, хрупкая, что Джиму сразу же захотелось взять ее под свою защиту. От страха не осталось и следа. Джим твердо решил во что бы то ни стало освободить Ли Ши!

Сверкая очками, драконша смотрела на детей испепеляющим взглядом и в ярости вопила своим визгливым противным голосом:

— Аххх таак! Вы не жжелаете мне отвеччать! Ну погодите! Дождждетесь вы у меня! — Кадык снова заплясал по тощей шее. И вдруг чудище как завизжит: — Сколько будет сссемью воссему? Ты, отвеччай!

С места тут же вскочил маленький индеец, в сторону которого драконша ткнула палкой. Он был совсем еще крохой, лет четырех-пяти, не больше. Но он уже носил национальный индейский убор из перьев — целых три пера красовались на его черной макушке. Наверное, он был сыном вождя какого-нибудь племени. Он растерянно смотрел на госпожу Зубпер и, заикаясь, бормотал:

— Семью восемь будет... будет... Семью восемь — это...

— Будет-будет, это-это! Заладил! — перебила его драконша. — Ну говори же!

— Семью восемь будет двадцать, — выпалил маленький индеец.

— Да что ты говоришшшш! — зашипела драконша с издевкой в голосе. — Значит, у тебя получается двадцать?!

— Ой, нет! То есть я хотел сказать... пятнадцать! — совсем уж запутался малыш.

— Хххххватит! — завопила драконша, злобно сверля глазами ученика. — Ззначит, не ззнаешшшш? Ты самый глупый и ленивый ребенок на свете! А глупость и лень должны быть наказаны. — С этими словами драконша вышла из-за кафедры и направилась к мальчику. Она велела ему лечь на скамейку и с нескрываемым наслаждением высекла его. Закончив экзекуцию, довольная драконша, сопя и пыхтя, снова взобралась на кафедру. Глаза у маленького индейца были полны слез. Но он не плакал. Ведь индейцы, как известно, очень мужественный народ.

Глядя на бесчинства драконши, Джим прямо побелел от ярости (насколько это, конечно, было возможно при его черной коже).

— Какая низость! — сказал Джим сквозь зубы.

Лукас только кивнул в ответ. Он не мог говорить и молча стоял, крепко сжав кулаки.

Драконша обвела взглядом класс и снова зашипела:

— Ссколько будет сссемью воссему? Ли Шшши!

У Джима сердце сжалось от страха. Нельзя допустить, чтобы драконша выпорола Ли Ши! Но ведь вопрос такой сложный! Она ни за что на него не ответит. Надо что-то сделать!

Но Джим забыл, что Ли Ши все-таки китайская девочка, а дети в Китае уже с четырех лет такие задачки щелкают как орешки. Принцесса поднялась.

— Семью восемь будет пятьдесят шесть, — ответила она нежным голосом, напоминающим щебет крошечной птички.

— Ффффу! — злобно фыркнула драконша. Ответ был верным. — А ссссколько будет тринадцать минус шшшесть?

— Тринадцать минус шесть будет семь, — звонко ответила Ли Ши.

— Посмотрите-ка на нее! — задыхаясь от ярости, принялась орать драконша. — Ты что, воображаешь, будто ты самая умная? Противная, нахальная девчонка! Строит тут из себя неизвестно кого! Ну погоди, сейчас я тебе покажу! А ну-ка, скажи мне всю таблицу умножения на семь, да поживее!

— Семью один — семь, — спокойно начала Ли Ши, и ее певучий голос напоминал соловьиные трели. — Семью два — четырнадцать, семью три — двадцать один... — И так она сказала всю таблицу до конца, ни разу не сбившись.

Джим ушам своим не верил. Кто бы мог подумать, что такая противная вещь, как таблица умножения, может звучать так красиво! Драконша тоже слушала с большим вниманием — уж больно ей хотелось поймать какую-нибудь ошибку. При этом она нервно постукивала своей палкой.

В этот момент Лукас тихонько позвал Джима:

— Джим!

— Что?

— Ты не боишься?

— Нет.

— Тогда ладно. Слушай меня. Я знаю, что мы должны делать. Мы предоставим драконше последний шанс добровольно отпустить всех детей. Если же она не согласится, то придется применять силу, хотя я и не люблю никакого насилия.

— Как же мы будем действовать? — спросил Джим.

— Ты пойдешь в класс и попробуешь с ней договориться. Что говорить, сообразишь на месте. Я тебе доверяю, но, главное, ни слова обо мне и о Кристи! Мы будем ждать за дверью и, если понадобится, придем на помощь. Понял?

— Понял, — решительно ответил Джим.

— Ну счастливо! — тихонько сказал Лукас и поспешил за паровозом, стараясь производить как можно меньше шума.

Тем временем Ли Ши успела дойти до конца таблицы умножения. Она ни разу не сбилась. Но именно это совершенно вывело из себя драконшу. Она подскочила к Ли Ши, ткнула ее лапой в грудь и завизжала:

— Ишшшь чего выдумала, гадкая девчонка! Ни одной ошшибки! Это специально, чтобы меня позззлить! Воображжала! Нахххлюга! Штооооо? Кааааак? Отвечай, когда тебя ссспрашшшивают!

Принцесса молчала. А что она могла на это ответить?

— Штоооооо? — зашипела драконша. — Какие мы горррдые! Не хотим отвечать! Ну, это мы тебя быстро отучим! Погоди у меня! Ты высокомерна и тщеславна. А высокомерие и тщеславие должны быть наказаны!

Драконша как раз собралась выпороть принцессу, как вдруг раздался чей-то звонкий сердитый голос:

— Минуточку, госпожа Зубпер!

Драконша удивленно обернулась и увидела маленького чернокожего мальчика, который стоял на пороге и бесстрашно смотрел на нее своими блестящими глазами.

— Не смейте трогать Ли Ши, — твердым голосом сказал Джим.

— Ты, маленький черный вонючий червяк, — прохрюкала драконша, совершенно огорошенная неожиданным появлением Джима. — Откуда ты вообще взялся и кто ты такой?

— Я Джим Пуговка, — спокойно ответил Джим. — Я прибыл из Медландии, чтобы освободить принцессу Ли Ши и других детей тоже.

По рядам прошел восхищенный шепот. Все смотрели на Джима большими глазами. Особенно сильное впечатление Джим произвел на принцессу Ли Ши, которой очень понравилось, что маленький черный мальчик не побоялся выступить против такого огромного чудища и разговаривал при этом очень спокойно и сдержанно.

От возмущения драконша тут же надавала детям тумачков и завизжала как резаная:

— Тихо! Что это вы себе позволяете, невоспитанные хулиганы! — Потом драконша вновь повернулась к Джиму и спросила его таким

сладким голосом, который звучал совершенно неискренне: — Тебя что, Чертова Дюжина ко мне прислала, бузотер ты мой маленький?

— Нет, — ответил Джим. — Меня никто не присылал.

Колющий взгляд драконши впился в Джима. Недобрые огоньки вспыхивали в ее глазах.

— Шшшто это значит? — прошипела драконша. — Ты шшшто, сссам по сссебе ко мне пришшел? Можжжет, ссскажешшь, я тебе очень нравлюсь? И ты жажжддешшь со мною познакомиться поближжже?

— Да нет, не жажжду, — честно признался Джим. — Просто я хочу узнать тайну своего происхождения, и тут вы мне можете быть очень полезны.

— А почему это именно я? — спросила драконша, насторожившись.

— Потому что на посылке, в которой я прибыл в Медландию, был написан адрес и получатель — госпожа Зубпер, или что-то в этом роде. А вместо отправителя стояла цифра 13.

— Ах вот оно что! — выдохнула драконша, не скрывая своего изумления, и злорадная улыбка заиграла на ее щетинистой физиономии. — Значит, это ты и еееессть, моя рrrrrрадость! Давненько я тебя уже жжду!

У Джима прямо мурашки побежали по коже, но он взял себя в руки и вежливо спросил:

— Не могли бы вы мне сказать, кто мои родители?

— Не беспокойся, золотко мое, тебе это уже ни к чему знать. Ты мой!

— Я тоже сначала думал, что я ваш, — спокойно продолжал Джим дальше, — но теперь я твердо знаю, что не имею к вам никакого отношения.

— Но я тебя уже купила! И заплатила Чертовой Дюжине кругленькую сумму! — проговорила драконша с нескрываемым злорадством.

— А мне какое дело до того, кому вы там что заплатили?! Я тут оставаться не собираюсь! У меня свой дом есть — в Медландии, — заявил Джим.

— Шшшто ты говоришшь?! Неужжжели?! — изображая неподдельное удивление, воскликнула драконша с лукавой ухмылкой. —

И тебе не жжжалко тети? Зачем так шшшшуть со мной? Ах ты ба-ловник какой!

— Да, я собираюсь вернуться в Медландию, — повторил Джим, — и хочу взять с собой Ли Ши, вместе с другими детьми конечно.

— Ну а шшшто будет, если я не отдам тебе детей? — поинтересовалась драконша своим все еще медоточивым голосом.

— Вам придется это сделать, госпожа Зубпер! — ответил Джим и украдкой посмотрел на Ли Ши, которая не сводила с него глаз.

Тут уж драконша не выдержала и разразилась диким хохотом.

— Хи-хи-хи-хи! Хо-хо-хо-хо! — смеялась она своим визгливым, хрюкающим смехом. — Вот умора! Видели такого болвана!? Ха-ха-ха-ха! Сам пришел ко мне, никто его не заставлял! Теперь ты попался, голубчик! Уж я тебя не выпущу! Кха-кха-кха!

— И чего вы тут гогочете! — сердито прервал ее Джим. — Отдадите детей по-хорошему или нет? Говорите!

Драконша уже прямо чуть не лопалась от смеха.

— Нет, — едва справляясь с приступами хохота, сказала она. — Нет, клоп вонючий! Ни за какие коврижки не отдам тебе детей! — Тут драконша резко перестала смеяться. Она посмотрела на Джима холодным, жестким взглядом и прорычала: — Все эти дети мои, только мои, понял? Никто на них не имеет права! Только я! Я купила их у Чертовой Дюжины! И заплатила за них! Теперь они моя собственность.

— Но откуда Чертова Дюжина берет всех этих детей, которых вы купили? — спросил Джим, твердо глядя прямо в глаза драконше.

— А мне-то что за дело? — сердито отвечала драконша.

— Зато мне есть до этого дело, госпожа Зубпер, — смело продолжал Джим. — Вот, например, принцессу Ли Ши просто украли!

Драконша уже прямо задышалась от ярости. Она колотила хвостом по полу и визжала:

— Меня это не касается! Она моя! И ты мой! И никогда ты не увидишь своей дурацкой Медландии, болван несчастный! Я тебя не отпускаю! — С этими словами она стала медленно наступать на Джима. — Фррррр! Фррррр! Фррррр! — зафыркала она. — Для начала я тебя хоррошенько выпоррррю, зззолотко мое! Чтобы ты попррридеррржал свой поганый язззык за зззззубами!

Драконша бросилась на Джима с палкой, но тот оказался проворней. Джим вихрем носился по классу — по партам, по стульям, по кафедре. Драконша пыталась угнаться за ним, но ей никак не удавалось поймать шустрого мальчишку. Это страшно злило драконшу, и от ярости она даже пошла красно-зелеными пятнами, а на теле выскочили шишки и бородавки. Прямо скажем, видок у драконши был не самый аппетитный.

От быстрого бега Джим в конце концов изрядно запыхался. Он кашлял и хватал воздух ртом, потому что драконша беспрестанно изрыгала огонь и дым. Ну где же Лукас? Куда он запропастился? Ведь он же обещал вместе с Кристи прийти на помощь. В классе уже дышать было нечем от дыма, и Джим с трудом различал дорогу, пробираясь сквозь густую завесу. В этот самый момент раздался пронзительный свисток — это был Кристи. Драконша обернулась и увидела сквозь непроницаемую пелену страшное чудище, которое с горящими глазами надвигалось на нее. Это самое чудище было, правда, не слишком уж большое, но зато довольно толстое и крепкое.

— Шшшто вам угодно? — взвизгнула драконша, демонстрируя крайнюю степень раздражения. — Кто позволил вам...

Договорить до конца драконше не удалось, потому что Кристи как ураган налетел на нее и со всего размаху ткнул буфером. Драконша не осталась в долгу. Она пустила в ход свои могучие лапы и крепкий чешуйчатый хвост. Завязалась беспощадная схватка не на жизнь, а на смерть.

Драконша неистовствовала: она выла, визжала, фыркала, плевалась огнем и дымом и так здорово наседала на Кристи, что даже трудно было с уверенностью сказать, в чью пользу закончится поединок. Но Кристи держался молодцом. Бесстрашно кидался он на чудовище, не забывая напускать побольше огня и дыма. От маскировочного костюма Кристи остались только жалкие лохмотья. И теперь было видно, что это никакой не дракон, а самый обыкновенный локомотив.

Дети, которые были прикованы цепями к своим партам и потому не могли убежать прочь, с ужасом следили за поединком. Когда же они разобрались, в чем дело, ликованию и радости не было границ!

— Локомотив! Паровоз! — кричали они на все лады. — Да здравствует паровоз! Ура паровозу!

Тут Кристи изготовился для нанесения последнего, решающего удара. Он разогнался и со всей силы как дал драконше в бок, так что она полетела кувырком и брякнулась на пол. Лежит бездыханная, и лапки кверху.

Лукас выскочил из кабины и закричал:

— Скорее, Джим! Нужно ее связать, прежде чем она очухается!

— Но чем? — спросил Джим, который все еще не пришел в себя от беготни по партам.

— Можно нашими цепями! — закричал маленький индеец срывающимся от волнения голосом. — Возьмите у нее ключ. Она носит его на шее!

Джим подскочил к драконше и перекусил шнурок зубами. Потом он быстро отомкнул замки на цепях у тех детей, что сидели поближе к нему. Подойдя к принцессе, он заметил, что она покраснела и смущенно отвернулась.

— Эта мымра уже приходит в себя! — закричал Лукас. — Давай скорее!

Одну цепь они затащили потуже на морде драконши, чтобы она уже не могла открыть свою пасть. Потом связали ей лапы.

— Все! — выдохнул Лукас и, довольный, отер пот со лба. Джим тем временем освободил остальных детей.

— Самое страшное теперь позади! — сказал Лукас.

Почувствовав себя свободными, дети в один голос прокричали громкое «ура». Все были вне себя от радости. Дети смеялись, веселились, кричали все сразу, а самые маленькие прыгали и хлопали в ладоши.

Лукас и Джим с улыбкой смотрели на всю эту ораву галдящих, хохочущих, скачущих детей. Потом ребята столпились вокруг своих спасителей и наперебой принялись благодарить их. Кристи тоже не был обойден вниманием — дети и его благодарили за смелость и трогательно хлопали по толстым бокам. Нашлись даже такие прыткие мальчишки, которые недолго думая забрались на паровоз и стали самостоятельно обследовать его. Растроганная физиономия Кристофа, несмотря на многочисленные ссадины и вмятины, излучала полное блаженство.

Лукас вышел в коридор и закрыл входную каменную дверь на задвижку.

— Значит, так, друзья мои, — сказал он, вернувшись в класс. — Пока нам ничто не угрожает. Мы в безопасности. Время у нас еще есть. Давайте обсудим, как нам лучше всего выбраться из этого мрачного драконьего города. Через главные ворота, боюсь, мы не проскочим. Это слишком опасно. Во-первых, от маскировочного костюма Кристи остались рожки да ножки. Во-вторых, мы просто все не поместимся в кабине. Стражники сразу нас всех заметят. Надо придумать что-нибудь другое.

Все стали усиленно думать, как же быть. Но сколько они ни думали, так ничего никто придумать и не смог. Первым заговорил Джим.

— Ли Ши, а куда ты, интересно, бросила тогда бутылку с запиской? — спросил он, наморщив лоб от напряжения.

— В речку, которая начинается во дворе нашего дома, — ответила принцесса.

Лукас и Джим удивленно переглянулись, и Лукас воскликнул:

— Значит, все-таки есть река! Что же нам Непомук морочил голову?

— А можно посмотреть на эту реку? — поинтересовался Джим.

— Конечно, — ответила принцесса, — пойдемте, я покажу вам, где это.

Она провела друзей в другую комнату, которая располагалась в противоположном конце коридора. Там стояло двадцать маленьких каменных кроваток. Это была спальня, в которой драконша каждый вечер запирала детей. Если пододвинуть какую-нибудь из кроватей к стене и взобраться на нее, то можно было даже дотянуться до окошка и выглянуть наружу. И действительно, там, посреди двора, имевшего странную треугольную форму, виднелся огромный круглый колодец с родником. Этот самый родник бил так сильно, что вода, которая была необычного золотисто-желтого цвета, выплескивалась через край каменного колодца и текла рекой дальше, скрываясь где-то в мрачных подземельях дома.

Задумчиво смотрели Лукас и Джим на источник, из которого брала свое начало Желтая река, — то, что это была именно Желтая река, ни у кого не вызывало ни малейшего сомнения. Дети тем вре-

менем тоже перебрались в спальню и теперь стояли молча, окружив друзей плотным кольцом.

— Если бутылочка с запиской от Ли Ши благополучно доплыла до Китая, то, значит, и мы могли бы попробовать воспользоваться этим путем, — нерешительно сказал Джим.

Лукас вынул трубку изо рта.

— Черт побери, Джим! — пробормотал он. — Это идея! Нет, это даже не идея, а уже готовый план, причем очень смелый план! Это будет путешествие в неизведанное!

Лукас зажмурился и, довольный, запыхтел своей трубкой: его явно привлекала перспектива такого увлекательного путешествия.

— Но я не умею плавать, — жалобно протянула какая-то маленькая девочка.

Лукас задумался на секунду, а потом сказал:

— Ничего, милая барышня. У нас зато есть отличный пароход. Наш толстяк Кристи плавает как лебедь. Правда, нам еще нужно раздобыть смолу или деготь, чтобы задрать все щели.

Но это оказалось проще простого — уж чего-чего, а дегтя у драконши было более чем достаточно. Кладовка прямо ломилась от бочек с дегтем. Дружья смогли убедиться в этом собственными глазами. Ведь деготь и смола — главные продукты питания в Бедландии.

— Значит, так, ребята, — сказал Лукас, — лучше всего будет дожждаться наступления ночи. Под покровом темноты мы поплывем вниз по течению, а завтра уже будем далеко — и поминай как звали!

Дети радостно согласились на такой план.

— Хорошо, — продолжал Лукас. — Теперь самое разумное — отправиться на боковую. Надо поспать про запас. Согласны?

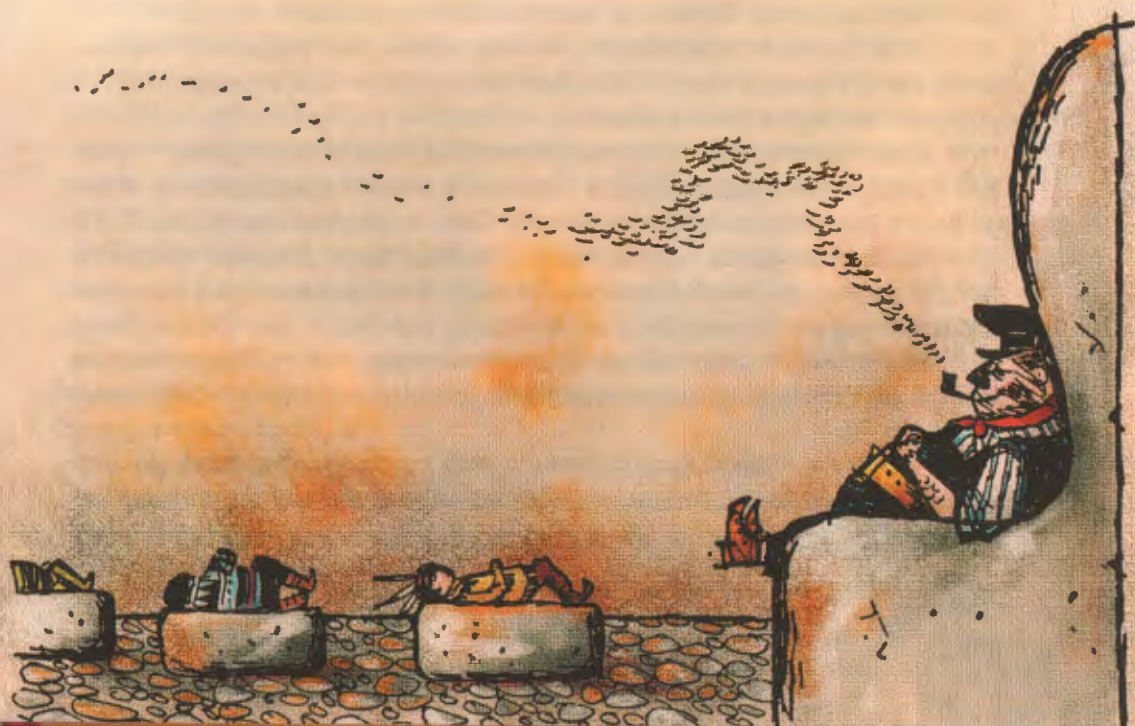
Возражающих не было. Для надежности Джим запер классную комнату, в которой Кристи сторожил связанную драконшу. Потом все легли спать. Только Лукас остался сидеть в углу спальни на огромном каменном кресле. Он курил свою трубку и охранял покой детей.

Маленькому индейцу снился его родной вигвам и дедушка, вождь Белый Орел, который подарил ему новые перья. А маленькому эскимосу снился круглый дом из снега, над которым играло всеми цветами радуги северное сияние, а еще ему снилась седовласая тетушка

Улуболо, которая угощала его горячим рыбьим жиром. А девочка из Голландии видела во сне бесконечные тюльпановые поля, а посередине — маленький беленький домик своих родителей, во дворе которого высилась целая гора сыра. Ну а принцесса Ли Ши гуляла во сне вместе со своим папой по фарфоровым мостикам.

Джим Пуговка унесся мысленно в родную Медландию. Он сидел в кухне, в домике госпожи Каакс. Солнце светило в окошко. Джим рассказывал госпоже Каакс о своих приключениях. Рядом сидела принцесса Ли Ши и тоже слушала с восхищением обо всех опасностях, которые повстречались им на пути.

Всем снилось что-то свое, родное. Уже начало смеркаться. Час отплытия приближался.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ,

в которой путешественники оказываются под землей и видят удивительные вещи

С темнело. Каменные часы в соседней комнате пробили десять. Пора было отправляться в путь.

Лукас разбудил детей. Они зажгли несколько факелов, чтобы хоть что-то видеть в темноте. Из кладовки принесли бочку со смолой, совместными усилиями разлили ее по котлам, а котлы водрузили на печку в драконьей кухне, затем развели огонь. Когда смола закипела, Лукас перегнал паровоз из класса в кухню, и они вместе с Джимом заделали все щели на окнах и дверях, тщательно промазывая их смолой, чтобы они не пропускали воду. Дети удивленно наблюдали за их работой.

— Что мы будем делать с драконшей? — спросил Джим, не отрываясь от работы. — Оставим ее тут лежать?

Лукас подумал немного и потом покачал головой.

— Нет, тогда она умрет с голоду. Мы ее победили, и было бы не слишком благородно с нашей стороны так жестоко мстить беззащитному существу. Хотя она, конечно, и заслуживает этого.

— Но если мы ее освободим, — забеспокоился тут Джим, — то она наверняка поднимет шум и вообще не выпустит нас отсюда.

Лукас кивнул в знак согласия.

— Значит, ничего не остается делать, как взять ее с собою, — сказал Лукас. — Мне еще хотелось бы ее кое о чем порасспросить. Кроме всего прочего, наказание должно быть справедливым.

— Но драконша-то увесистая! — воскликнул Джим. — Кристи пойдет ко дну от такой тяжести. Да и вообще тогда ни для кого места в кабине не останется.

— Это верно, — согласился Лукас и нахмурился. — Придется тогда нашей красотке довольствоваться тем, что она просто поплывет за нами!

— Но тогда нужно будет снять с нее цепи, — возразил на это Джим, почесывая в затылке. — А ведь она тварь сильная и наверняка так просто не дастся.

— Не думаю, — усмехнулся Лукас. — Мы сделаем проще. Один конец прицепим к Кристофу сзади, а другой — к зубу драконши. У нее такой здоровенный клык, что пасть можно даже и не развязывать. Перед тем как отчаливать, мы развяжем ей только лапы. Ну а если ей вздумается немножко побрыкаться, то ее собственный зуб напомнит ей, что делать этого, пожалуй, не стоит. Увидишь, она пойдет за нами, как кроткая овечка.

На том и порешили. Покончив со щелями, друзья закатали Кристи снова в классную комнату. Когда драконша увидела их, она тут же подняла голову. Вид у нее был весьма бодрый. Теперь она уже была не страшна, потому что связали ее как следует. Единственное, что ей оставалось делать, — сердито зыркать на всех и пускать дым из ушей и ноздрей. Когда же Лукас разъяснил драконше, что ей придется плыть за ними на прицепе, она подпрыгнула как ужаленная, стараясь из последних сил избавиться от ненавистных цепей.

— Хватит! — строго приказал ей Лукас. — Зря стараешься! Успокойся.

Драконша, кажется, смирилась со своим положением. Во всяком случае, она безжизненно повалилась на пол, прикрыла глаза и притворилась, будто сейчас испустит дух. Но эта эффектная сцена, задуманная, видимо, для того, чтобы разжалобить противника, не произвела ни на кого ни малейшего впечатления.

При свете факелов Лукас достал кусачки и соединил все цепи, которые до сих пор еще валялись на партах, в одну длинную-предлинную цепь. Ее-то он и прикрепил одним концом к паровозу, другим — к драконьему зубу. С этим концом он возился подольше, стараясь приладить его как можно крепче, чтобы драконша не скинула его по дороге.

Справившись с этой работой, Лукас велел детям забираться на паровоз и занимать места. После того как все расселись, Лукас пристроился на подножке рядом с кабиной, чтобы рулить через окошко, потому что внутри ему уже не было места. Потом он махнул рукой Джиму, который тут же развязал лапы драконше и поскорее отпрыгнул в сторону.

— Ну, поехали, Кристи!

Паровоз двинулся вперед, и цепь натянулась. Драконша открыла глаза и тяжело поднялась. Едва только она осознала, что лапы ее

не связаны, она, как это и предвидел Джим, тут же попыталась избавиться от железного поводка. Но в ту же минуту из ее груди вырвался стон, потому что зуб был ее самым чувствительным местом, и теперь от сильного рывка ее пронзила страшная боль. Ей ничего не оставалось делать, как покориться и последовать за Кристи. При этом она прямо-таки готова была, видно, лопнуть от ярости, а в ее маленьких глазках то и дело вспыхивали яркие огоньки ненависти.

Когда компания добралась до лестницы, Лукас дал команду:

— Погасите факелы! Иначе нас заметят!

После этого они вместе с Джимом отодвинули каменную дверь. Странный поезд под покровом ночи скатился по винтовой лестнице вниз, до самого первого этажа, и выехал на улицу.

Несколько драконов толклись как раз на противоположной стороне улицы. Дети затаили дыхание, но, к счастью, страшилища не заметили ничего, во-первых, потому, что было темно, а во-вторых, потому, что они, как обычно, увлеченно ругались друг с другом и не замечали ничего вокруг.

Лукас осторожно объехал дом, и скоро они уже были у реки. Вода отливала удивительным золотистым цветом. Она вся светилась, так что видно было, как в ночной темноте поблескивают ее быстрые волны.

Лукас притормозил и пошел обследовать берег. Берег оказался здесь совершенно пологим. Довольный результатом разведки, Лукас вернулся к паровозу и бодрым голосом крикнул детям:

— Сидите спокойно! А ты, дружище, — сказал он, обращаясь теперь к Кристи, — снова будешь у нас пароходом. Ну, смотри, чтобы все было хорошо. Я надеюсь на тебя! — С этими словами он отвернул кран на котле, и вода с бульканьем стала вытекать из него. Когда вся вода вылилась, Лукас закрутил кран и вместе с Джимом подтолкнул Кристофа к самой реке, так что теперь он мог спокойно скатиться прямо в воду. Друзья запрыгнули на ходу и заняли места на крыше паровоза вместе с другими детьми.

— Держитесь как следует! — приказал Лукас негромким строгим голосом, когда Кристи мягко соскользнул в воду.

Течение здесь было довольно бурным, волны подхватили локомотив и понесли его вперед.

Драконша, как и все ее соплеменники, отчаянно боялась воды. Она стояла на берегу как вкопанная. На ее физиономии изобразился неподдельный ужас. Да и было от чего. Ведь она знала, что от соприкосновения с водой ее огонь погаснет, да к тому же еще смоемся вся грязь, а что может быть для дракона хуже, чем ходить чистым? Сначала она еще предприняла несколько слабых попыток оттянуть цепь на себя, потом некоторое время бежала следом за локомотивом по берегу. Но тут, на беду, попался мост. Спасения не было. Она немножко поскулила, как какая-нибудь собачонка, ведь больше-то она все равно ничего не могла сказать из-за перевязанной пасти, и, отдавшись на волю судьбы, плюхнулась со всего размаху в воду и понеслась по бурным волнам, увлекаемая вперед паровозом. Поначалу все шипело вокруг нее и дымилось, но потом, когда пар рассеялся, стало видно, что драконы, когда надо, могут быть отличными пловцами. Итак, они плыли себе по драконьему городу, сохраняя абсолютную тишину.

Куда же, интересно, течет река? Неужели Непомук наплел друзьям с три короба и река все же течет именно по Стране Тысячи Вулканов?

Или, быть может, с этой рекой все не так просто, а Непомук мог этого даже не знать?

Река на глазах становилась все шире и шире, и волны неслись все быстрее. Насколько можно было разглядеть в темноте, путешественники приближались к окраине драконьего города и, следовательно, к стене кратера, которая, наподобие крепостной стены, опоясывала город.

— Осторожно! — закричал вдруг Лукас, сидевший вместе с Джимом верхом на котле.

Все пригнулись, и паровоз заплыл в пещеру с низкими сводами, где царила кромешная тьма. Течение становилось все быстрее и быстрее. Из-за темноты совершенно нельзя было понять, где они и куда несут их бурные волны.

В ушах стоял только гул и свист разбушевавшейся стихии.

Лукас очень беспокоился за детей. Если бы они с Джимом были одни, то он, конечно, не так бы волновался. Они уже побывали в стольких переделках, что их уже ничем не испугаешь, но вот дети! Как они перенесут это путешествие? Ведь среди них есть совсем

еще крохи. Не говоря уже о девочках. Наверное, они сейчас умирают от страха. Но назад пути не было. И утешить, ободрить их Лукас тоже не мог: неистовый рокот волн заглушал все слова. Лукасу ничего не оставалось делать, как смириться и ждать.

Паровоз как безумный летел вперед все дальше и дальше, его неудержимо несло куда-то вниз. Дети зажмурили глаза и крепко держались друг за дружку, стараясь при этом еще и уцепиться за паровоз. Они сидели ни живы ни мертвы. Казалось, что озверевшая река стремительно мчится куда-то в пропасть, в недра земли, увлекая за собою маленький паровозик с детьми. Они уже думали, что это никогда не кончится.

Но тут вдруг течение стало как-то поспокойней, волны улеглись, и уже скоро река потекла мирно и плавно, как в самом начале путешествия, только теперь она была где-то глубоко-глубоко под землей.

Теперь можно было смело открывать глаза. Оглядевшись вокруг, путешественники увидели, что в подземелье разливается какой-то удивительный волшебный свет, распадающийся на множество цветов. Но свет этот был очень слабым, и потому они ничего толком не могли разглядеть.

Лукас повернулся к детям и спросил:

— Мы никого не потеряли? Все на месте?

Дети еще не совсем пришли в себя и потому не скоро сумели пересчитать друг друга. Но в конце концов они все же справились с этой задачей и доложили Лукасу, что, мол, все в порядке.

— Ну а как там наша драконша? — спросил Лукас через плечо. — Не сорвалась еще с цепи? Жива?

Нет, с драконшей ничего не приключилось, только вот она здорово нахлебалась воды.

— А где мы, собственно говоря, находимся? — решил узнать маленький мальчик в тюрбане.

— Понятия не имею, — сказал Лукас. — Думаю, что скоро станет посветлее, тогда и увидим. — С этими словами он зажег свою трубку, которая успела погаснуть, пока они кувыркались в волнах.

— Одно ясно: рано или поздно мы обязательно попадем в Пекин! — как можно более уверенным голосом сказал Джим, чтобы подбодрить малышей, которые уже готовы были расплакаться.

Дети быстро успокоились и начали с интересом ози­раться по сторонам. Тот волшебный свет, который по­началу лишь слабо мер­цал, стал теперь более ярким. В пурпурных сумерках отчетливо обозначились очертания высокой сводчатой пещеры. Свет исходил от сотен тысяч красивых драгоценных камней кристаллической формы, которыми были сплошь усыпаны все стены. Эти рубины сверкали, сияли, искрились, как целое море фонарей. Неопи­суемая красота!

Спустя некоторое время свет переменился. Теперь он стал яр­ко-зеленым, потому что в этом месте стены были усеяны огромными изумрудами, которые кое-где свисали гигантскими сосульками, до­стававшими до самой воды. А потом река вынесла пароход с деть­ми в низкий вытянутый грот, где все было фиолетовым от бесчис­ленного множества аметистов, которые, словно мох, покрывали сплошным ковром скалистые стены.

Дальше путешественники очутились в просторном зале. Здесь все было озарено таким ослепительным светом, что детям даже пришлось зажмуриться. Под самым потолком висели целые грозди чистейших бриллиантов, которые горели так ярко, как тысячи хру­стальных люстр.

Прекраснейшие картины сменялись одна за другой. Дети уже давно перестали болтать. Если поначалу они еще перешептыва­лись, то потом все притихли, зачарованные великоле­пием этого волшебного подземного мира.

Иногда из-за течения пароход шел по самой стенке, так что дети могли отколупать себе по камешку на память.

Вряд ли кто-нибудь из путешественников мог бы сказать на­верняка, сколько часов они так плыли, но в какой-то момент Лукас вдруг заметил, что течение снова начало набирать силу. Подземные своды стали постепенно сдвигаться, русло реки становилось все ўже и ўже, стены теперь были красного цвета, а кое-где по ним шли широкие белые полосы — прямые, извилистые, зигзагом. Сказоч­ные переливы постепенно сошли на нет, потому что драгоценные камни кончились и больше не попадались. Скоро опять все вокруг погрузилось во тьму — как в самом начале путеше­ствия. Только изредка сверкнет в темноте яркий луч какого-нибудь одинокого кристалла. Но потом и они перестали встречаться. Через некото-

рое время река опять забурлила, заклокотала, и путешественники внутренне уже приготовились к тому, что их опять понесет куда-то вниз, в неведомые глубины.

Но на этот раз все обошлось. Компанию ожидал приятный сюрприз. Пароход подплыл к скальным воротам, и вдруг огромная пенящаяся волна подхватила Кристи со всеми его пассажирами на борту и драконшей на буксире и выплеснула из подземного царства на волю!

Стояла ясная звездная ночь. Река, вырвавшаяся теперь из теснин на просторы, спокойно и величественно катила свои воды. По берегам тянулись дремучие леса. Но их стволы были прозрачными, как будто были сделаны из цветного стекла! Ночной ветерок тихонько играл в кронах деревьев, и отовсюду доносились нежные звуки, как будто где-то звенели тысячи крошечных колокольчиков. Вот паровоз проскочил под мостом, который изящно изогнулся над водой. И этот мост был сделан из блестящего фарфора!

Открыв рты от изумления, путешественники озирались по сторонам. Первой обрела дар речи принцесса Ли Ши.

— Ур-р-ра! — закричала она. — Мы в Китае! Приехали! Мы спасены!

— Но этого не может быть! — воскликнул Джим. — От Китая до Бедландии мы добирались целых четыре дня, а теперь мы проехали каких-нибудь пять часов!

— Да, как-то не верится, — в растерянности пробормотал Лукас, — хотя, может, это еще и ошибка!

Джим залез на трубу, чтобы оттуда лучше осмотреть окрестности. Изучив все внимательнейшим образом, Джим обернулся. Ворота, откуда они только что выплыли, располагались у самого подножия мощного горного массива, который растянулся по всей округе. Все горы были раскрашены в красно-белую полоску. Сомнений не оставалось. Это Венец Мира.

Джим спустился вниз и, обращаясь к детям, которые выжидающе смотрели на него, медленно, с расстановкой, почти что торжественно произнес:

— Да, мы действительно в Китае!

— Джим, — задыхаясь от восторга, воскликнула маленькая принцесса. — О Джим! Как я счастлива! Как я счастлива! Как я счастлива!

А так как она стояла рядом с Джимом, то на радостях наградила его звонким поцелуем прямо в губы. Джим стоял как громом пораженный.

Дети смеялись, кричали, обнимали друг друга — короче говоря, они так разошлись, что Кристи уже с трудом удерживал равновесие и в любой момент мог запросто перевернуться, и это непременно произошло бы, если бы Лукас не утихомирил разбушевавшихся ребятшек.

— Я могу это объяснить только так, — сказал Лукас Джиму, когда Кристи вернулся в свое нормальное положение и смог спокойно плыть дальше. — По-видимому, подземный туннель связывает Китай и Бедландию напрямую, благодаря этому мы здорово сократили путь. Как ты думаешь, Джим?

— А? Что? — переспросил Джим. — Что ты сказал?

Джим очень старался сделать вид, что внимательно слушает друга, но ему было трудно привести себя в чувство и вернуться с небес на землю.

— Да нет, ничего, все в порядке, старина, — сказал Лукас с лукавой усмешкой.

Он, конечно же, прекрасно понимал, почему его друг ничего вокруг не видит и не слышит, кроме маленькой принцессы. Оставив Джима в покое, Лукас обратился к детям и предложил, чтобы каждый рассказал свою историю. Все равно до Пекина им еще плыть и плыть, а ему, дескать, не терпится узнать, как каждый из них очутился в Бедландии у драконши.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ,

в которой китайская принцесса рассказывает свою историю, а Джим неожиданно сердится на нее

— Э то было на больших каникулах, — так начала Ли Ши свой рассказ, — и меня, как всегда, отправили на море, куда я обычно езжу раз в году. Папенька разрешил мне даже пригласить семь моих подружек, чтобы я там не скучала. А еще вместе с нами поехали семь придворных дам, которые должны были присматривать за нами.

Ну вот, там мы жили все вместе в маленьком дворце, сделанном из фарфора небесно-голубого цвета. Прямо под окнами у нас желтел золотистый песок и шумело море.

Придворные дамы целыми днями твердили нам одно и то же: не ходите, мол, далеко, играйте только перед дворцом, а то может что-нибудь случиться. Поначалу я делала все, как они велели, и не уходила далеко, но потом они мне так надоели со своими бесконечными нотациями: играйте тут, играйте тут, а мы и так играем тут, — вот во мне и проснулся дух противоречия. Этот дух во мне, к сожалению, сидит очень глубоко. Короче говоря, в один прекрасный день я удрала от всех и отправилась гулять по берегу сама по себе. Через какое-то время я заметила, что придворные дамы и подружки уже хватились меня и начали искать. Но вместо того чтобы покричать им, я спряталась в камышах. Оттуда я видела, как придворные дамы и подружки прошли совсем близко от меня. Они все звали меня, звали, и вид у них был очень испуганный и встревоженный. Но я затаилась в своем укрытии и сидела как мышь.

Прошло какое-то время, и все вернулись назад. Когда они снова поравнялись со мною, я поняла по их разговорам, что теперь они собираются искать в другой стороне. «Ведь не могла же она убежать так далеко», — рассуждали они. Я только потешалась над ними, и, едва компания прошла мимо, я выскочила из камышей и преспокойно отправилась гулять себе дальше.

Я шла по берегу, все время вперед и вперед, оставляя далеко за собою фарфоровый дворец. Я собирала красивые ракушки и складывала их в фартук. А по дороге я еще сочинила песенку, так, от нечего делать. Песенка такая:

Как чудесно утром ясным
Берегом идти прекрасным!
Здесь не встретишь ни души,
Только море да Ли Ши!
Я принцесса, я Ли Ши,
Мои пески хороши!

Я сама все сочинила, хотя с рифмой на «Ли Ши» мне пришлось изрядно помучиться. И вот я так себе все шла и шла, напевая свою песенку, и даже не заметила, как кончился золотой пляж, а вместо него потянулись скалистые обрывистые берега. Мне стало немножко страшно, но признаться себе в этом совершенно не хотелось. И потому я упрямо продолжала идти дальше. Вдруг я заметила, как на море неизвестно откуда появился парусник, который стремительно неся именно к тому месту, где я стояла. У него были кроваво-красные паруса, и на самом большом парусе виднелась огромная черная цифра 13. — Ли Ши даже передернуло при одном воспоминании об этом, и она на минуту прервала свой рассказ.

— Интересные дела! — пробормотал Лукас, многозначительно переглянувшись с Джимом. — Что же дальше?

— Корабль причалил у того самого места, где я остановилась, — продолжала побледневшая принцесса. — Я так перепугалась, что не могла и шагу сделать. Стояла как вкопанная. А корабль, между прочим, был такой огромный, что его борта были намного выше той скалы, на которой я застряла. И тут с корабля спрыгнул какой-то высоченный дядька жуткого вида. На голове у него была шляпа очень странного фасона, с нарисованным черепом и скрещенными костями под ним. Одет он был в пеструю куртку, шаровары и высокие сапоги с отворотами. Из-под куртки торчали заткнутые за пояс ножи, кинжалы, пистолеты. А еще у него был здоровенный нос крючком и длинные висючие усищи, которые доставали ему до са-

мого пояса. В ушах болтались большие золотые серьги. Маленькие пороссячи глазки у него как-то сбились в кучку, так что казалось, будто у него врожденное косоглазие.

Увидев меня, он как заорет: «Ага! Девчонка! Вот так находка!»

Он говорил таким хриплым басом, что я с перепугу хотела уже броситься бежать. Но он поймал меня за косички и расхохотался. Когда он смеялся, видны были его большие желтые зубы, как у лошадей.

Потом он сказал: «Ты подвернулась нам как нельзя кстати, мышь хвостатая!»

Я кричала и сопротивлялась изо всех сил, но теперь мне уже никто, конечно, помочь не мог. Дядька сгреб меня в охапку и — вжить! — швырнул на корабль.

Пролетая в воздухе, я еще успела подумать: «Ах, если бы я... Ах, если бы я не убежала от подруг!» — вот что пронеслось у меня в голове, но до конца додумать эту мысль я просто не успела, потому что угодила в лапы к другому верзиле, который поймал меня прямо на лету. Он был как две капли воды похож на первого, так что я сначала даже решила, что это он и есть. Но ведь такого быть не могло. Когда меня поставили на палубу и я смогла оглядеться, то я увидела, что на корабле толпится целая куча дядек, и все на одно лицо. Я даже не могла их сначала как следует сосчитать, потому что они ведь не стояли на месте, а сновали туда-сюда, а я их совершенно еще не различала.

Сперва пираты посадили меня в клетку. Она напоминала обыкновенную клетку для птиц, которую разбойники повесили на толстом крючке прямо на мачте. Тут мне стало совсем плохо, я уже не могла больше сдерживаться и расплакалась, как настоящая рева. Я плакала так сильно, что мой фартучек промок до нитки. Я просила пиратов отпустить меня, но они и думать забыли обо мне. Корабль на всех парусах мчался в неведомые дали. Скоро родной берег уже совершенно скрылся из виду, вокруг была только вода.

Так прошел первый день. Вечером появился один из пиратов и сунул мне в клетку несколько сухарей да плошку воды. Но мне не хотелось есть, так что я ни к чему не притронулась. Только отхлебнула немножко воды, потому что от жары и слез все-таки хотелось пить.

Когда стемнело, разбойники зажгли фонари, выкатили на палубу огромную бочку и расселись вокруг нее. Каждый держал в руках кружку. В эти кружки они наливали себе что-то из бочки, и все пили и пили, и распевали при этом жуткими голосами разбойничьи песни. Одну из них я даже запомнила, потому что они ее все время повторяли. Наверное, это была их любимая песня. Там были такие слова:

Тринадцать человек на сундук мертвеца.
Йо-хо-хо, и бутылка рому!
Пей, и дьявол тебя доведет до конца.
Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Пока они пели, я попыталась их пересчитать. Но это оказалось не так-то просто. Во-первых, было темновато, а во-вторых, мешало то, что они все на одно лицо. По моим подсчетам выходило, что их вроде бы тринадцать, как в песне. Чертова дюжина! И тут я догадалась, почему они нарисовали на парусе цифру 13.

— Теперь я тоже понимаю, почему на моей посылке вместо отправителя было написано 13, — вставил тут Джим.

— Какой отправитель? На какой посылке? — удивилась Ли Ши. — Ты уже что-то такое говорил, когда беседовал с драконшей, только я ничего не поняла и давно хотела тебя расспросить.

— Если вы ничего не имеете против, — вмешался в их разговор Лукас, — то пусть сначала Ли Ши расскажет свою историю до конца, чтобы нам уже не сбиваться, а потом Джим объяснит, что же произошло с ним. А то получится одна неразбериха.

Все согласились, и Ли Ши продолжала свой рассказ:

— Наблюдая за пиратами, которые сидели вкруг на палубе и распивали свой ром, я заметила, что они сами точно не знают, кто из них кто, и называют друг друга все время разными именами. Впрочем, им было явно все равно, кого как зовут. Они отличали только капитана, да и то потому, что у него на шляпе была приколотая рубиновая звезда. Этим он и отличался от прочих. Ему все беспрекословно подчинялись.

На второй день я немножко поела, так как все же голод давал о себе знать. В остальном этот день прошел точно так же, как первый.

Когда наступил вечер и пираты снова уселись на палубе пить свой ром, я услышала, как капитан сказал своей банде: «Братцы! Завтра в полночь мы снова встречаемся в условленном месте с драконшей. Нам есть чем ее порадовать!» При этом он задрал голову, посмотрел на меня и ухмыльнулся.

«Отлично! — услышала я голос одного из пиратов. — Значит, у нас снова будет выпивка! Очень кстати. А то бочонок уже почти пуст».

Мне было ясно, что сказанное имеет какое-то отношение ко мне, хотя я, конечно, поняла далеко не все. Можете себе представить мое состояние!

На следующую ночь задул резкий ветер и нагнал черные тучи, которые неслись по небу, закрывая время от времени луну. Я страшно замерзла в своей клетке. Около полуночи среди крошечной тьмы я вдруг заметила, как на горизонте что-то блеснуло. Именно туда направлялся пиратский корабль. В тот момент, когда мы подошли поближе, из-за туч как раз вышла луна, и я увидела несколько голых скалистых утесов из блестящего железа, которые торчали прямо посреди моря. На одном из утесов сидел огромный дракон — точнее, драконша. Она явно кого-то ждала. Ее черный силуэт был хорошо виден на фоне вздымающихся белопенных волн и темного неба, освещенного слабым светом луны.

«Фррррр! — фыркнула драконша при виде причалившего корабля, выпуская из ноздрей ядовито-зеленые и фиолетовые языки пламени. — Шшшто хоро-шшшенького вы мне привеззззли, брррратцы-рррзззбойнички?!»

«Кое-что привезли! — ответил капитан. — Отличную девчонку!»

«Ахххх, — зашипела драконша, злорадно ухмыляясь. — А шшшто вы за это хотите, мошшшенники?»

«То же, что всегда, — ответил капитан, — бочку бедландского рома „Драконья глотка“. Это единственная в мире марка рома, которая подходит нам по градусам. Но мы тебя не заставляем. Не хочешь — не надо. Отвезем девчонку обратно!»

Они еще поторговались немного, но в конце концов драконша выдала пиратам бочонок рома, на котором, как оказалось, она все

время сидела, пока шли переговоры. За это разбойники отдали ей клетку, в которой сидела я. Уговорившись о следующей встрече, они распрощались. Еще какое-то время ветер доносил обрывки лихой пиратской песни, но скоро корабль скрылся из виду и уже ничего не было ни видно, ни слышно, кроме завывания ветра и разбушевавшегося моря. Теперь драконша взяла клетку и поднесла ее к самому носу, чтобы как следует разглядеть со всех сторон.

«Ну-сссс, моя крошшшшка! — прошипела она, внимательно изучив меня. — Со всякими игрушками-погремушками, с бездельничаньем, гуляньями, каникулами и прочими трали-вали теперь покончено рrrrrаз и навсссссегда! Ты у меня узззнаешшшь, почем фунт лиххххха!» — С этими словами она завернула клетку в какую-то толстую тряпку, так что я оказалась в полной темноте и совершенно ничего не видела и не слышала из того, что происходило снаружи.

Но поначалу вроде как ничего особенного и не происходило. Я все ждала, ждала и уже даже подумала, что драконша просто оставила мою клетку на утесе. Но зачем же она тогда меня покупала? Сколько времени продолжалось это томительное ожидание, я не знаю, потому что я не выдержала и заснула. Наверное, вы удивитесь: как это можно заснуть в такой ситуации? Но в этом не было ничего странного. Ведь с того момента, как меня похитили пираты, я глаз не смыкала, настолько мне было страшно и холодно. А тут, под толстой тряпкой, мне было темно и тепло, — короче говоря, я заснула.

Прошло какое-то время, и я очнулась ото сна. Я услышала какой-то чудовищный шум. Как все грохотало, скрипело, трещало! Вы не можете себе это представить! Клетку мою шатало и болтало в разные стороны, вверх, вниз, так что у меня даже в животе стало как-то странно — так бывает, когда катаешься, например, на американских горках. Это продолжалось, наверное, полчаса. Потом все неожиданно прекратилось. Какое-то время не слышно было ни звука, и тут я почувствовала, что мою клетку куда-то поставили. Затем кто-то сдернул тряпку, и я наконец смогла оглядеться. Не буду вам описывать, что я увидела, потому что вы и сами представляете, как выглядит жилище госпожи Зубпер. Единственным утешением мне служило то, что я была все-таки не одна, а вместе с другими детьми, которые находились в таком же положении, что и я.

Ну вот, больше в общем-то нечего рассказывать. Новая жизнь была ужасно скучной и грустной. Целыми днями мы сидели за партами, прикованные цепями, и нас заставляли читать, писать, считать и все такое прочее. Мне-то еще было легче всех, потому что я все-таки уже умела читать, писать и считать, как все дети моего возраста в Китае. Но моим одноклассникам пришлось этому учиться, и драконша страшно измывалась над ними. Если она была не в духе, а не в духе она была почти всегда, то тогда уже не имело никакого значения, отвечаем ли мы правильно или неправильно, драконша все равно ругалась на нас и отчаянно колотила.

Когда наступала ночь, драконша отвязывала нас от парт, чтобы тумачами да тычками загнать нас в спальную комнату. Ужина нам не давали, потому что госпожа Зубпер всегда находила повод, чтобы наказать нас и оставить вечером без еды. Разговаривать нам не разрешалось, даже шепотом. Это было строго-настрого запрещено. Драконша каждый вечер караулила нас до тех пор, пока не убеждалась в том, что мы все спим.

Но как-то раз мне все же удалось обмануть ее. Только она вышла за дверь, как я тут же поднялась и встала на кровати — моя кровать находилась у самой стенки. Когда я выглянула в окошко, я сразу поняла, что бежать невозможно, так как там было слишком высоко. Но зато я обнаружила реку, которая текла прямо во дворе. Я стала думать, что же тут можно предпринять, пока наконец не вспомнила о маленькой игрушечной бутылочке, которую я как-то случайно обнаружила у себя в фартуке и сохранила на память о доме. У меня тотчас же созрел план. Я быстро разбудила детей и, стараясь не шуметь, рассказала им о своей затее. У кого-то нашелся огрызок карандаша, у кого-то — клочок бумаги. Я написала письмо, засунула записку в бутылочку, заткнула ее кусочком воска, а потом один из мальчиков, который считался мастером по броскам на большое расстояние, залез на мою кровать и швырнул бутылочку через окошко в реку.

С того самого дня в нас поселилась надежда, что, может быть, когда-нибудь эта бутылочка попадет в руки какому-нибудь хорошему человеку и он отнесет ее моему отцу. Так мы ждали и ждали, пока наконец не появились вы и не освободили нас. Ну вот, теперь мы здесь.

На этом принцесса закончила свой рассказ. Затем другие дети по очереди рассказывали о том, как они очутились у драконши. Среди похищенных пиратами детей были, например, пять смуглолицых мальчиков в турбанах, которых пираты поймали, когда они однажды вечером вывели своих слонов купаться. А мальчик-индеец попался в руки пиратам, когда отправился как-то раз на своем каноэ рыбачить и неосторожно заплыл слишком далеко в море. Маленького эскимоса разбойники сцапали в тот момент, когда тот, сидя на айсберге, направлялся в сторону Северного полюса, чтобы навестить свою бабушку. Другие же дети стали жертвами разбойничьего нападения во время морского путешествия: пираты разграбили весь корабль, перетащили к себе все деньги, драгоценности и маленьких детей, а сам пароход с командой на борту безжалостно пустили ко дну.

Бессовестные и жестокие типы эти пираты! Вот уж действительно Чертова Дюжина!

Какими бы путями дети ни попадали в руки к разбойникам, в конечном счете они все оказывались на железных скалах, и с ними происходило все то же самое, что произошло с принцессой Ли Ши. Никто из них не мог сказать, каким образом они попадали в каменную квартиру госпожи Зубпер.

В конце концов настал черед Лукаса и Джима рассказать о своих приключениях, предшествовавших их появлению в драконьем городе. Все дети, а особенно принцесса Ли Ши, прямо сгорали от любопытства, так им хотелось узнать, что же произошло с их освободителями.

— Одно я теперь знаю точно, — заканчивая свой рассказ, сказал Джим, у которого никак не выходила из головы бедландская школа, — ни за что я не буду учиться читать и писать. И считать тоже не имею ни малейшего желания.

Ли Ши тут же искоса взглянула на него и, вскинув брови, спросила:

— Так ты, оказывается, не умеешь читать, писать и считать?

— Не умею, — ответил Джим. — Мне это ни к чему.

— Но ты ведь чуть ли не на год старше меня! — изумилась Ли Ши. — Если хочешь, я тебя научу, подумай, — добавила она.

Джим покачал головой:

— Я считаю все это лишними и бесполезными вещами. Вся эта учеба только отвлекает от более важных дел. До сих пор я прекрасно обходился без всякого этого чтения и письма.

— Верно! — поддержал Джима мальчик-индеец.

— А вот и нет, — твердо сказала принцесса. — Это очень даже полезные вещи. Если бы, например, я не умела писать, я не смогла бы отправить письмо папе, и так бы мы и остались на веки вечные у драконши.

— Но от твоей почты не было бы никакого проку, если бы мы не пришли вас спасать, — возразил ей Джим.

— Точно! — снова поддакнул индеец.

— Неужели?! Что ты говоришь?! — В голосе принцессы слышалась легкая издевка. — Но тебе-то помогал Лукас. А что бы с вами было и что было бы с нами, если бы Лукас тоже не умел читать, вроде тебя?

На это Джим не знал, что ответить. В глубине души он понимал, что в словах Ли Ши есть, конечно, доля истины, но именно это его раздражало больше всего. И с чего это маленькая принцесса взялась тут его поучать? Тоже мне, нашлась учительница! Ведь это он ее совсем недавно спас от смертельной опасности. Храбрость и отвага тогда оказались нужнее, чем вся ее ученость. Все равно у него нет никакого желания учиться, и кончено!

Джим надулся. Лукас же только рассмеялся, глядя на своего надувшегося приятеля, а потом, хлопнув его по плечу, радостно закричал:

— Джим, старина! Гляди-ка, что там!

Он показал на восток — туда, куда несли их волны Желтой реки. Там из-за горизонта поднималось во всем своем великолепии утреннее солнце, окрасившее золотые воды Желтой реки в багряный цвет. А вскоре путешественники увидели вдалеке тысячи золотых бликов — это были крыши Пекина.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ,

в которой Кристи получает удивительную награду,
а путешественники наедаются до отвала

Вскоре Лукас и Джим уже выталкивали паровоз на берег. Все дети дружно помогали им. Драконша тоже вылезла из воды и лежала теперь ни жива ни мертва. По всему было видно, что у нее отпало всякое желание вести себя плохо.

Уже через полчаса Лукас и Джим снова приспособили Кристи к сухопутным перевозкам. Они раздраили все двери и окна, залили в котел воды и развели под ним веселый огонь.

Все были так поглощены работой, что никто не заметил, как поблизости появился китайский жандарм, который приехал откуда-то на велосипеде. Завидев группу путешественников, он притормозил и стал думать, а не высадился ли здесь какой-нибудь вражеский десант. Когда же он пригляделся и понял, что десант большей частью состоит из маленьких детей, то версия о нападении неприятеля отпала сама собой. Тогда жандарм подъехал поближе. Правда, объезжая последний куст, он чуть со всего размаху не наехал на драконий хвост. Насмерть перепуганный, он развернул свой велосипед и задал такого стрекача, будто за ним гналась целая тысяча чертей. С высунутым языком, едва живой, добрался он до города, где доложил своему начальству обо всем увиденном.

— Дружище! — закричал главный жандарм. — Вот это новость так новость! Да за такие известия император тебя сразу в генералы произведет. Везет же некоторым!

— Ч-ч-ч-то? — запинаясь, переспросил жандарм.

— Да то! Неужели ты не понял? — завопил начальник, выходя из себя от волнения. — То, что ты видел, означает только одно: достопочтенные машинисты и их локомотив благополучно вернулись назад. А если верно и то, что они привезли с собой дракона, следовательно, вместе с ними находится и наша принцесса Ли Ши. Нужно немедленно сообщить об этом императору!

И жандармы побежали со всех ног к императорскому дворцу. Правда, по дороге они сообщали новость всякому встречному и поперечному.

Трудно себе представить, какой переполох вызвало это сообщение в городе. С быстротою молнии радостное известие распространилось по всему Пекину, и скоро уже не было ни одного жителя, вплоть до самого последнего грудного младенца, который бы не знал, какое счастливое событие произошло сегодня утром. Ну а поскольку во всем городе не нашлось такого человека, который не хо-

тел бы помочь в подготовке к торжественной встрече путешественников, то в мгновение ока столица совершенно преобразилась: все улицы, по которым должен был проехать локомотив, были украшены цветами, лентами, флагами, гирляндами, транспарантами. Все обитатели Пекина высыпали на улицы. Густая толпа растянулась по всему пути следования паровоза. Люди стояли и ждали прибытия высокочтимых героев.

И вот наконец они появились. Их еще не было видно, но уже издалека доносилось тысячекратное «ура», которым народ приветствовал высоких гостей.

Кристофу пришлось ехать очень медленно, потому что драконша, привязанная к нему, настолько ослабела, что едва передвигала лапы. В кабине машиниста стояли Лукас и Джим и приветливо махали всем прохожим налево и направо. На крыше сидели ребяташки, в самом центре стояла Ли Ши, маленькая принцесса.

Ее было почти не видно в этом море цветов, которые китайцы беспрерывно бросали из окошек своих домов, осыпая ими путешественников, а те китайцы, что заплотонили собой все улицы, махали бумажными флажками, подбрасывали в воздух свои круглые шляпы и кричали без остановки: «Ура!», «Браво!», «Виват!» и другие громкие слова, какие принято в Китае произносить по таким торжественным случаям.

Ко всему прочему, в этот день все магазины и лавки торговали бесплатно. Потому что ни у кого не было желания в такой большой праздник думать еще о деньгах. Всем хотелось друг другу делать подарки. Когда китайцы чувствуют себя счастливыми, они всегда поступают так.

Позади дракона — разумеется, на почтительном расстоянии — двигалась целая процессия китайцев. Все они смеялись и при этом так лихо отплясывали, что их черные косички мелькали в воздухе, как настоящие пропеллеры. По мере приближения локомотива ко дворцу этот хвост становился все длиннее и длиннее.

Вся площадь перед дворцом была запружена ликующей толпой. Когда же наконец Кристи остановился перед серебряной лестницей из девяност девяти ступенек, большие эбеновые ворота распахнулись, и все увидели императора, который в развевающихся одеждах стремительно спускался по лестнице. Следом за ним нес-

ся Пинг Понг, которому даже пришлось уцепиться за краешек императорской мантии, чтобы не отстать.

— Ли Ши! — кричал император. — Моя маленькая Ли Ши!

— Папа! — воскликнула Ли Ши и прыгнула с крыши локомотива.

Император подхватил ее на лету, прижал к груди и расцеловал во все щеки. Китайцы, собравшиеся на площади, не могли от удивления удержаться от слез и теперь дружно принялись сморкаться и утирать глаза.

Тем временем Лукас и Джим поздоровались со своим маленьким другом Пинг Понгом. Они обратили внимание на его новый халат, который весь был расшит золотом. Пинг Понг объяснил, что император назначил его верховным бонзой вместо господина Пи Па По. Лукас и Джим от всей души поздравили его с таким высоким назначением.

Налюбовавшись на свою дочь, император наконец обратился к Лукасу и Джиму и крепко обнял обоих. От радости он не мог произнести ни слова. Затем он поздоровался за руку с каждым из приехавших детей в отдельности и сказал:

— Ну теперь, мои дорогие, добро пожаловать во дворец! Вам нужно подкрепиться хорошим завтраком. Вы наверняка страшно проголодались и устали с дороги. Каждый из вас может заказать себе что только его душе угодно. — Он уже хотел было повернуться, чтобы проводить своих гостей во дворец, но в этот момент Пинг Понг дернул его за рукав, что-то зашептал ему на ухо, тихонько показывая рукой на Кристи. — Верно! — смущенно воскликнул император. — Как я мог об этом забыть!

Он сделал знак рукой, и на пороге появились двое телохранителей. Один из них нес в руках большую звезду из чистого золота, размером с суповую тарелку, другой нес длинную-предлинную ленту, которая наподобие шлейфа тянулась за звездой. Лента была сделана из голубого шелка, на ней серебряными буквами было вышито:

КРИСТОФУ, ЛУЧШЕМУ ЛОКОМОТИВУ В МИРЕ

А на золотой звезде были высечены такие слова:

С ВОСХИЩЕНИЕМ И БЛАГОДАРНОСТЬЮ

На обратной стороне стояло:

ОТ ПУНГ ГИНГА, ИМПЕРАТОРА КИТАЙСКОГО

После этого император произнес небольшую речь:

— Дорогой Кристи! Нет на земле сегодня человека счастливее меня, ведь сегодня ко мне вернулась моя любимая дочь. По твоему израненному лицу я вижу, что ты не раз рисковал собою и выдержал не один бой. В знак моей величайшей признательности я хотел бы вручить тебе мой скромный дар — этот орден. Я велел моему придворному ювелиру изготовить его на случай вашего счастливого возвращения. Я, правда, не знаю, насколько значимы ордена для локомотивов. Но мне бы очень хотелось, чтобы люди впредь видели, какой ты замечательный локомотив. Поэтому возьми его и носи!

Пока телохранители прикрепляли Кристи орден, толпа на площади снова стала кричать: «Ура!», «Браво!», «Виват!».

Тем временем Пинг Понг, который от возбуждения все время скакал и прыгал как мячик и ни секунды не мог устоять на месте, послал за верховным смотрителем парка. В его обязанности входило следить за животными, вот почему Пинг Понг велел ему незамедлительно явиться со своими помощниками и забрать дракона. Не успела еще закончиться церемония награждения, а верховный смотритель уже был тут как тут. Вместе с ним пришли шестеро крепких парней, которые вели под уздцы четверку лошадей, тащивших за собой повозку с гигантской клеткой. Драконша была такой тихой и смирной, что ее удалось без особых хлопот загнать в клетку, после того как Лукас отцепил ее от паровоза. Когда повозка укатила, Лукас поинтересовался:

— А где вы ее разместите? Мне нужно еще с ней кое о чем побеседовать.

— Для начала мы запрем ее в старом павильоне для слонов, — с важным видом ответил Пинг Понг. — Ты можешь в любой момент навестить дракона, достопочтенный машинист орденоносного локомотива.

Лукас, довольный, кивнул и поспешил вместе с Джимом за другими детьми, которые тем временем уже направились в сопрово-

ждении императора и принцессы Ли Ши во дворец, где они собирались спокойно позавтракать в тронном зале.

К сожалению, Кристи не мог присоединиться к ним, так что ему пришлось остаться на площади. Целый день вокруг него толпились китайцы, которые теперь, разумеется, ничуть его не боялись. Они угощали его маслом, чистили его, смывали с него грязь, полировали мягкими тряпочками, так что в конце концов он засверкал и засиял как новенький.

А тем временем император, Ли Ши и все гости расселись на террасе перед тронным залом и приступили к завтраку, греясь в лучах утреннего солнышка. Как и было обещано, каждый ребенок получил то, что он любил больше всего на свете. Маленький эскимос получил китовую отбивную и чашку рыбьего жира. Мальчику-индейцу принесли рисовую лепешку и мясо буйвола, поджаренные прямо на костре, а потом он раскурил свою трубку мира, сделал ровно четыре затяжки и выпустил дым по очереди на все четыре стороны света. Короче говоря, все дети ели то, что они привыкли есть у себя дома. Это были для них, конечно, давно забытые лакомства! Джим

и Лукас удовлетворились свежими медовыми плюшками и хорошей порцией какао. И впервые за долгое время император тоже поел как следует.

Когда на террасе появился главный повар Шу Фу Лу Пи Плу, чтобы узнать, все ли понравилось досточтимым гостям, Джим и Лукас радостно поприветствовали его как старого доброго друга. Главный повар, между прочим, по случаю большого праздника снова нацепил свой самый большой колпак, который по размерам мог сравниться с пуховой периной.

Император спросил его, не хочет ли он немножко посидеть с ними и послушать истории, которые расскажут им дети и Лукас с Джимом. Господин Шу Фу Лу Пи Плу как раз был ничем не занят и потому с удовольствием подсел к веселому обществу.

Дети еще раз по очереди рассказали о своих приключениях, а император слушал с большим интересом. Когда все было рассказано и все было съедено, Лукас сказал:

— Предлагаю всем нам пойти вздремнуть часок-другой. Ведь мы всю ночь не спали. Кто как, а я прямо с ног валюсь от усталости.

Многие дети уже давно потихоньку зевали, а самый маленький ребенок и вовсе уснул, свернувшись калачиком на своей подушке. Так что все с радостью приняли предложение Лукаса.

— Еще один вопрос, друзья мои! — остановил их император. — Не хотите ли вы у нас погостить несколько недель, чтобы как следует отдохнуть? Я был бы очень рад этому. Или, быть может, вам не терпится поскорее оказаться дома? — с улыбкой спросил он.

— Ой, пожалуйста, если можно, отправьте меня поскорее домой! Чем скорее, тем лучше! — жалобно попросил мальчик-индеец.

— И меня! И меня! — в один голос закричали дети.

— Ну хорошо, — сказал император, которому, конечно, было понятно нетерпение детей, — мне было бы, разумеется, очень приятно, если бы вы у нас немножко погостили. Но я могу себе представить, как вам хочется поскорее попасть домой. Мой верховный министр Пинг Понг позаботится о том, чтобы снарядить для вас корабль.

— Спасибо! — со вздохом облегчения поблагодарил мальчик-индеец.

Тем временем для детей приготовили отдельные комнаты, в каждой из которых стояла кровать под чудесным балдахином. Как приятно было поспать на мягких шелковых подушках после жестких каменных кроватей!

Друзья получили, конечно, комнату на двоих, с двухэтажной кроватью. Джим скинул башмаки и залез по маленькой лестнице наверх. Он растянулся на шелковых простынях и мгновенно заснул.

А Лукас сидел на краешке своей постели, задумчиво подперев голову руками. Множество сложных вопросов крутилось у него в голове. «Маленькая принцесса благополучно вернулась к своему отцу», — думал он. Остальные дети тоже скоро разъедутся по домам. С этим все в порядке. Но что будет с ним и с Джимом? Они не могут отправиться к себе в Медландию, потому что король Альфонс Без Четверти Двенадцатый наверняка очень сердит на них, ведь они, ни слова никому не сказав, покинули остров вместе с Кристи, вместо того чтобы выполнять его распоряжение. Конечно, надежды на то, что он вот так просто возьмет и разрешит им вернуться, было мало, поскольку с тех пор, как они решили все втроем уехать, ситуация нисколько не изменилась. Медландия-то больше не стала. А может быть, все же оставить Кристи здесь,

в Китае, и вернуться домой вдвоем? Лукас попытался себе представить, что он будет делать в Медландии без Кристи. «Нет, ничего не выйдет», — решил он про себя и покачал головой. Теперь, после всех приключений, которые выпали на их долю, когда Кристи показал себя таким верным и надежным другом, и вовсе невозможно. Это не выход из положения. А может быть, достопочтенный император согласится оставить их в Китае, чтобы они занялись здесь прокладкой железной дороги? Конечно, это немножко грустно, все же Китай, несмотря ни на что, чужая страна, но другого выхода не было. Ведь где-то им нужно жить, не могут же они вечно болтаться по свету.

Лукас вздохнул, встал и тихонько вышел из комнаты, чтобы обсудить этот вопрос с императором. Он застал его на террасе перед тронным залом, где император сидел под зонтиком от солнца и читал какую-то книгу.

— Извините меня за беспокойство, ваше величество! — сказал Лукас, выйдя на террасу.

Император закрыл книгу и радостно воскликнул:

— Дорогой мой Лукас! Как хорошо, что мы можем побеседовать с глазу на глаз. Мне хотелось бы еще с вами уладить одно необычайно важное дело.

— Мне тоже нужно с вами кое-что обсудить, — серьезно ответил Лукас, сядясь против императора. — Но скажите сначала, что вас тревожит?

— Как вы, наверное, помните, — начал император, — в свое время я публично объявил, что отдам в жены мою дочь тому, кто спасет ее.

— Да, вы говорили это, — подтвердил Лукас.

— Но вас-то двое, — продолжал император. — Как же тут быть? Кому из вас она должна достаться в жены?

— Это очень просто, — спокойно ответил Лукас. — Тому, кто ей самой больше по нраву и кому она дала свой первый поцелуй.

— И кто же это? — с интересом спросил император.

— Разумеется, Джим Пуговка, — сказал Лукас. — Если я правильно все понимаю, они очень нравятся друг другу. Хотя, конечно, они не во всем сходятся во взглядах, — с улыбкой добавил он. — Например, они никак не могут договориться, нужно ли учиться писать и читать. Мне кажется, они очень подходят друг другу. И кроме того,

ведь это именно Джим освободил Ли Ши. Тут нет никакого сомнения. Я и Кристи только помогали ему.

— Ах, как я рад! — довольный, воскликнул император. — Я, кстати сказать, совершенно с вами согласен, любезный Лукас. Дети очень подходят друг другу. Правда, они еще немножко маловаты для того, чтобы жениться, но для начала они могут просто помолвиться.

— Это уже они сами должны решить, — предложил Лукас.

— Верно, — согласился император, — не будем вмешиваться в их дела. Но скажите мне, пожалуйста, дорогой друг, как я могу отблагодарить вас? К сожалению, у меня только одна дочь, иначе я бы с удовольствием отдал вам в жены другую принцессу. Но так не получается. Может быть, у вас есть какое-нибудь желание, которое я мог бы выполнить? Пожалуйста, не стесняйтесь, скажите мне! Но это должно быть настоящее желание, самое заветное.

— К сожалению, мое заветное желание вы не можете выполнить, ваше величество, — сказал Лукас и грустно покачал головой. — Потому что больше всего на свете мне бы хотелось вместе с Джимом и Кристи вернуться в Медландию. Но вы ведь знаете, почему мы уехали оттуда. Остров слишком мал для всех нас. Только благодаря какому-нибудь чуду это желание сможет когда-нибудь исполниться. Но у меня есть к вам другая просьба, ваше величество. Позвольте, пожалуйста, проложить в Китае железную дорогу. Это принесло бы пользу вам и вашим подданным, а моему толстяку Кристи снова бы представилась возможность ездить по нормальным рельсам.

— Мой distinguished друг, — сказал император, и глаза его засияли, — я очень благодарен вам за то, что вы хотите остаться у нас. Вы доставите мне тем самым огромную радость. Я немедленно распоряджусь проложить для вас самую длинную в мире железную дорогу и построить самые чудесные вокзалы, каких еще свет не видывал. Надеюсь, что этим хоть как-то смогу помочь вам постепенно забыть вашу родину.

— Большое спасибо, ваше величество, — поблагодарил Лукас. — Вы хорошо все придумали. Очень любезно с вашей стороны.

В этот момент на террасе появился малыш Пинг Понг, который, поклонившись императору и его гостю, пропищал своим тоненьким голоском:

— Достопочтенный император, корабль для детей стоит в гавани. Сегодня вечером перед заходом солнца он будет готов выйти в море.

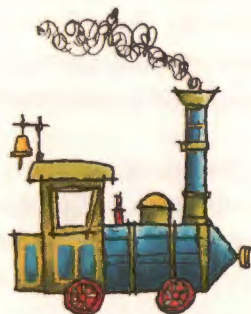
— Очень хорошо, — сказал император и кивнул, — ты действительно чрезвычайно расторопный министр, Пинг Понг.

Лукас встал:

— Я думаю, что в общих чертах мы все обсудили, ваше величество. Если вы не возражаете, я пойду теперь спать, потому что я смертельно устал.

Император пожелал ему хорошего отдыха, и Лукас пошел в свою комнату с двухэтажной кроватью. Джим даже не заметил отсутствия друга и мирно спал, сладко посапывая. Лукас растянулся на своем «этаже» и уже в полусне подумал: «Интересно, а что Джим скажет о перспективе остаться здесь, вместо того чтобы возвращаться в Медландию? А может, он захочет один поехать домой, а меня и Кристи оставит здесь? Ну что ж, он будет по-своему прав».

Лукас тяжело вздохнул, но потом усталость взяла свое, и он крепко заснул.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ,

в которой госпожа Зубнер прощается со всеми,
а Лукас и Джим получают письмо из Медландии

Было уже около полудня, когда громкий стук в дверь разбудил Лукаса и Джима.

— Откройте! Откройте! Важные новости! — пищал кто-то за дверью.

— Это Пинг Понг, — сказал Джим, спустился вниз и открыл дверь.

В комнату как вихрь влетел запыхавшийся верховный бонза и затараторил прямо с порога:

— Простите, достопочтенные друзья, что мне пришлось нарушить ваш покой, но я должен передать вам привет от драконши, которая убедительно просит вас немедленно прийти к ней, иначе будет поздно.

— Что это за штучки! — довольно сердито буркнул Лукас. — Почему такая спешка? Могла бы немножко и потерпеть!

— Она сказала, — зашептал Пинг Понг, — что хочет с вами попрощаться, но до этого ей нужно сообщить вам что-то очень важное.

— Прощаться? — удивленно переспросил Лукас. — Что за причуды?!

— Мне кажется, дело очень серьезное, — сказал Пинг Понг, выглядевший весьма озабоченным. — Драконша производит довольно странное впечатление, как будто она... как будто она...

— Как будто она что? — нетерпеливо спросил Лукас. — Говори все как есть.

— Я точно не знаю, — ответил Пинг Понг, наконец собравшись с духом, — но я думаю, что она при смерти.

— При смерти? — закричал Лукас и в растерянности посмотрел на Джима. Этого им только не хватало. Как бы то ни было, они во все не желали дракону смерти. — Н-да, веселенькая получается история!

Друзья быстро оделись и поспешили за Пинг Понгом в парк. Там они обнаружили драконшу, которую поместили в большой полураз-

рушенный павильон, где долгие годы содержались боевые императорские слоны.

Здесь в огромной клетке с толстыми прутьями лежала она с закрытыми глазами, положив голову на лапы. Казалось, что она спит.

Когда Лукас и Джим подошли совсем близко к клетке, Пинг Понг предпочел не рисковать и остановился на почтительном расстоянии от зверя.

— Ну, что такое у тебя стряслось? — спросил Лукас, и в его голосе даже прозвучали нотки сочувствия, хотя он вроде как и не собирался жалеть драконшу.

Драконша ничего не отвечала и только молча лежала, совершенно недвижимая. С ней происходило что-то странное. Было такое впечатление, будто от нее начало исходить какое-то свечение. Волны золотого света пробегали по всему телу, от кончика хвоста до самой макушки.

— Ты видел? — прошептал Лукас.

— Видел. А что это с ней? — тоже шепотом спросил Джим.

В этот момент драконша медленно подняла веки. Куда девались недобрые огоньки, которые раньше то и дело вспыхивали в ее маленьких глазках? Теперь в ее потухшем взоре светилась только усталость.

— Спасибо за то, что вы пришли, — еле слышно пролепетала драконша. — Простите, но я не могу говорить громче. Я так ужасно устала, так устала...

— Ты заметил, она больше не свистит и не шипит? — снова зашептал Джим.

Лукас кивнул, а потом обратился к драконше с таким вопросом:

— Скажите, пожалуйста, госпожа Зубпер, вы ведь не собираетесь умирать?

— Нет, не собираюсь, — ответила драконша и даже как будто слабо улыбнулась. — Со мною все в порядке, не беспокойтесь. Я позвала вас только для того, чтобы поблагодарить вас...

— Поблагодарить? За что? — изумился Лукас, совершенно ошарашенный таким поворотом событий. А Джим даже рот раскрыл от удивления.

— За то, что вы меня победили, но сохранили мне жизнь. Кто победит дракона, но при этом не убивает его, тот помогает ему пере-

воплотиться. Ведь быть злой, скажу вам по правде, не очень-то приятно. Радости от этого никакой. А мы, злые драконы, как раз и существуем для того, чтобы кто-нибудь пришел и победил нас. К сожалению, как правило, во время поединков драконы погибают. Но если этого не происходит, как у нас с вами, то тогда начинаются настоящие чудеса...

Драконша закрыла глаза и некоторое время молчала. И снова по ее телу пробежало золотое сияние. Лукас и Джим терпеливо ждали, пока она придет в себя. Вскоре драконша снова очнулась и заговорила. Только голос ее теперь звучал совсем еле слышно.

— Мы, драконы, очень много знаем. Но до тех пор, пока нас кто-нибудь не победит, мы наши знания обращаем во зло. Мы норовим найти себе подходящие жертвы, которых можно было бы мучить и терзать своими знаниями. Вот, например, дети для этого очень хорошо подходят. Вы ведь видели, как это делается. Но если дракон доживает до перевоплощения, то он становится Золотым Драконом Мудрости, и тогда его можно спросить о чем угодно, он способен открыть любую тайну и разгадать любую загадку. Такое происходит только раз в тысячелетие, потому что, как я уже говорила, большинство драконов не дотягивают до перевоплощения. — И снова драконша умолкла. И снова золотые переливы прошли по ее телу. На этот раз казалось, будто легкая золотистая пыль осела на чешуйчатой коже, напоминая поблескивающую пыльцу, которой бывают покрыты крылышки бабочек. Долго молчала драконша, но потом все-таки собралась с силами и на последнем издыхании сказала: — Воды Желтой реки, по которой мне пришлось плыть, загасили мой огонь. Теперь я смертельно устала. Когда в следующий раз золотой свет пробежит по моему телу, я погружусь в глубокий сон. Со стороны будет казаться, что я умерла. Целый год я пролежу тут без движения. Ровно через год, в тот же самый день и час, я проснусь, но тогда я уже буду Золотым Драконом Мудрости. Придите ко мне, и я отвечу на все ваши вопросы. Отныне вы мои повелители, и все, что вы мне прикажете, то я и буду делать. Но для того чтобы выразить вам мою признательность, мне бы хотелось сделать вам что-нибудь приятное. У меня уже есть немножко той мудрости, которой я буду обладать вполне через год. Это видно по золотой

пыльце. Если у вас есть ко мне вопросы, то спрашивайте скорее. Времени осталось мало.

Лукас почесал за ухом. Джим дернул его за рукав и прошептал:
— Медландия!

Лукас сразу же понял его и спросил:

— Паровоз Кристи, Джим Пуговка и я покинули Медландию, потому что мы не могли все там разместиться. Что нам нужно сделать для того, чтобы можно было вернуться? Ведь Медландия очень маленькая страна, и нам всем там просто тесно.

Драконша молчала. Она молчала так долго, что Джиму уже показалось, будто она заснула. Но через какое-то время драконша снова очнулась и уже словно в полусне прошелестела:

— Отправляйтесь завтра на восходе солнца в путь. Возьмите курс на Медландию. На второй день вашего пути в двенадцать часов пополудни вы достигнете $321^{\circ}21'1''$ западной долготы и $123^{\circ}23'3''$ северной широты. В этой самой точке должен попасться плавучий остров. Только смотрите не опоздайте, иначе остров уплывет и вы его больше ни за что не найдете. Это очень редкий вид островов. Прихватите с собою несколько веток коралловых деревьев, которые поднимаются со дна моря, и посадите их в воде рядом с Медландией, в том месте, где вы пристроите плавучий остров. Из этих коралловых отростков со временем вырастут деревья, которые будут снизу подпирать остров, и к тому моменту, когда Джим станет настоящим подданным, плавучий остров превратится в настоящий полноценный остров, не хуже Медландии... не забудьте...

— Ой, подождите! — закричал Джим, увидев, что драконша уже собирается закрыть глаза. — Скажите, откуда похитили меня пираты из Чертовой Дюжины? Где я жил до того, как они засунули меня в посылку?

— Я не могу... — прошептала драконша. — Простите... Это долгая... история... не... теперь... — Она замолчала, и золотой свет в последний раз пробежал по ее телу. — Будьте здоровы... будьте... здоровы... — пролепетала она напоследок и окончательно сникла. И действительно, если не знать, то можно было подумать, что она умерла. Только золотое сияние, которое стало теперь совершенно отчетливым, свидетельствовало о том, что она жива.

— Ну что ж, ничего не поделаешь, — стараясь не шуметь, сказал Лукас. — Придется ждать до следующего года. А с этим островом — неплохой совет. Конечно, если только все так и есть, как она говорит.

— Все, что произошло с этой дамой, не отличавшейся слишком большой любезностью, — вмешался тут Пинг Понг, который наконец перестал бояться и теперь, осмелев, подошел к друзьям, — представляется весьма загадочным и таинственным. Если вы не возражаете, то я предлагаю всем нам пойти к императору и обо всем ему рассказать. — С этими словами он подобрал полы своего золотого халата и поспешил прочь. Лукас и Джим последовали за ним...

Четверть часа спустя они уже сидели у императора в тронном зале и обсуждали происшедшее.

— Скажу по правде, дорогие друзья, — молвил император, выслушав рассказ своих друзей, — много повидал я на своем веку, о чем только не доводилось мне слышать, но, пожалуй, впервые в жизни я сталкиваюсь с таким странным явлением. Само собой разумеется, я распоряжусь, чтобы никто и ничто не мешало перевоплощению дракона.

— Ну а мы тогда на заре двинемся в путь, в Медландию. Посмотрим, попадется ли нам плавучий остров, — сказал Лукас с надеждой в голосе и выпустил несколько клубов дыма. — Это было бы, конечно, очень кстати.

— Ты думаешь, что король Альфонс Без Четверти Двенадцатый позволит нам «посадить» остров у берегов Медландии? — спросил Джим.

— А почему бы и нет? — удивился император. — Он будет этому очень рад!

— К сожалению, ваше величество, не все так просто, — возразил на это Лукас. — Вы ведь еще не знаете, что мы — то есть Джим, Кристи и я — покинули Медландию, не сказав никому ни единого слова. Мы просто смылись, так сказать, под покровом ночи. Никто ничего не знал. И наверное, король и госпожа Каакс очень сердятся на нас. Они скажут, что Джим удрал без спросу, а я в этом виноват. И они будут по-своему правы. Так что, может, они вовсе и не хотят, чтобы мы возвращались.

— Я поеду с вами и все объясню вашему королю Альфонсу Без Четверти Двенадцатому, — предложил император.

Но в этот самый момент вдруг раздался плаксивый голосок Пинг Понга, который, стукнув себя по лбу, закричал:

— Ах ты батюшки мои! Вот балда! Нижайше прошу меня простить, достопочтенные господа машинисты! Тысяча извинений!

— Да что такое стряслось? — спросил Джим.

— Произошло нечто страшное и ужасное! — пропищал огорченный Пинг Понг. — За всей этой кутерьмой — тут вы приехали, потом корабль детям готовили, да еще теперь история с драконом, — короче говоря, из-за всего этого я забыл сказать вам самое важное! Ах я болван безмозглый! Ослище беспамятный!

— Да успокойся же ты, Пинг Понг, — попросил его император. — Скажи толком: что случилось?

— Еще три дня тому назад пришло письмо достопочтенным господам машинистам! Вот что, — жалобным голоском проговорил Пинг Понг. — Письмо из Медландии!

— Письмо?! Давай его сюда!!! — закричали в один голос Лукас и Джим.

Пинг Понг унесся как вихрь за письмом. Только раз в жизни бежал он так быстро — когда ему нужно было спасти друзей от дворцовой стражи.

— Интересно, откуда они узнали, что мы здесь? — спросил взволнованный Джим.

— Ты что, не помнишь? Мы ведь им написали, прежде чем отправиться в драконий город, — ответил ему Лукас. — Очевидно, это пришел ответ. Сейчас все и выяснится. Ну куда же запропастился...

Но не успел Лукас договорить, как на пороге уже появился верховный бонза с толстым письмом в руках. Письмо было запечатано красной сургучной печатью с гербом короля Альфонса Без Четверти Двенадцатого. На письме стоял следующий адрес:

Машинисту Лукасу и Джиму Пуговке, временно проживающим
в Пекине (столица Китая), королевский дворец,

А на другой стороне было написано:

Отправитель: король Альфонс Без Четверти Двенадцатый,
госпожа Каакс, господин Пиджакер, Медландия

Лукас разорвал конверт, но толстые пальцы немножко дрожали, когда он разворачивал письмо. Письмо было на трех листах. Сначала Лукас прочитал то, что было написано на первом листе:

Дорогой машинист Лукас! Дорогой Джим Пуговка!
Благодаря вашему письму мы наконец-то узнали, слава богу, ваше местонахождение. Поверьте мне, когда мы заметили, что вас больше нет на острове, весь народ — точнее, не весь народ, а ту его часть,

которая еще никуда не сбежала, — охватила великая скорбь. Я тоже скорбел пуще всех. На всех флагах, что реют над моим замком, я велел привязать траурные ленты. Тихо и пустынно стало теперь на нашем острове. Никто не поет песенок на два голоса, как это любили делать Кристи и Лукас, проезжая через туннели, и никто теперь не съезжает на попе с горы, как это делал Джим Пуговка. И когда я по воскресеньям и по праздникам выглядываю в окошко, как всегда без четверти двенадцать, не слышно никакого народного ликования. Оставшиеся подданные предвзвывают от всего этого в невероятной печали, так что сердце мое готово разорваться на куски от жалости к ним. И никого из нас не тянет полакомиться знаменитым земляничным мороженым госпожи Каакс. Мы совершенно потеряли к нему всякий интерес.

Я, конечно же, не предполагал, что мое решение избавиться от Кристи может вызвать такие тяжелые последствия. За это время я еще подумал и понял, что для нас это неприемлемое решение.

Ввиду всего вышесказанного убедительно прошу вас всех скорее возвращаться домой. Мы на вас нисколько не сердимся и очень надеемся, что и вы не держите на нас зла. Я, правда, еще не придумал, как мы будем выходить из положения, когда Джим вырастет большой и захочет обзавестись собственным локомотивом и собственной железной дорогой. Но что-нибудь мы непременно придумаем. Так что ждем вас домой! До скорой встречи.

С выражением особого благорасположения
написано рукою его королевского величества
Альфонса Без Четверти Двенадцатого.

— Лукас! — запинаясь от волнения, воскликнул Джим, и глаза его округлились от неподдельного удивления. — Ведь это значит...

— Минутку! — перебил его Лукас. — Здесь есть что-то еще.

Он развернул второй листок и прочитал:

Мой маленький Джим! Дорогой Лукас!

Мы все страшно грустим и не знаем, что нам без вас всех делать. Ах, Джим! Ну почему ты мне ни словечком не обмолвился о том, что тебе обязательно нужно ехать? Я бы по крайней мере дала тебе в дорогу теплых вещей и побольше носовых платков, ведь они так быстро у тебя становятся грязными. Теперь, наверное, тебе приходится мерзнуть, и ты

обязательно простудиться. Я страшно беспокоюсь за тебя. Это не очень опасно — ездить в драконий город? Смотри будь осторожен, чтобы с тобой ничего не случилось, держись молодцом, мой маленький Джим! И не забывай как следует мыть шею и уши, слышишь? Я не знаю, что за люди драконы, но в любом случае будь с ними вежливым. А когда вы уже привезете принцессу домой, то поскорее возвращайся к своей госпоже Каакс.

Дорогой Лукас! Теперь Джим знает о том, что я не его мама. Вероятнее всего, это госпожа Зуднер, которой была адресована тогда посылка. Мне очень грустно, но, с другой стороны, я рада за моего маленького Джима, что он нашел наконец, свою настоящую мать. Надеюсь, что она не будет очень сердиться на меня за то, что я так долго держала Джима у себя. Попросите, пожалуйста, госпожу Зуднер позволить мальчику навестить нас в Медландии, чтобы мы могли еще разочек повидаться. Или, может быть, ей захочется тоже приехать к нам? Тогда бы мы и познакомились. Это было бы очень хорошо. Я надеюсь, что вы там присматриваете за Джимом, чтобы он не попал в какую-нибудь беду? Он ведь такой озорной мальчишка!

Всего доброго. Госпожа Каакс.

Лукас задумчиво свернул листок. У Джима на глазах выступили слезы. Да, такое письмо могла написать только госпожа Каакс! Сколько в нем доброты и любви!

Теперь осталось прочитать третье письмо.

Высокоуважаемый господин машинист!

Мой дорогой Джим Пуговка!

Я самым искренним образом присоединяюсь ко всему тому, что написали Его Величество и госпожа Каакс.

С тех пор как Джим исчез, меня никто не гразнит, со мной никто не играет, и я чувствую свою полную ненужность. А вы, господин машинист, всегда были и остаетесь для нас совершенно незаменимым человеком, чье отсутствие тяжело сказывается на жизни каждого отдельного гражданина Медландии. У меня протекает на кухне труба, и я никак не могу справиться с ней.

Возвращайтесь все поскорее домой!

С выражением глубочайшего почтения,
уважающий Вас господин Пиджакер.

Джим невольно рассмеялся, и от радости у него даже слезы потекли из глаз.

— Значит, завтра утром мы уже можем ехать? — спросил он, смахивая слезы.

— Только, спрашивается, на чем? — усмехнулся Лукас. — Опять Кристи перестраивать в корабль или, быть может, вы одолжите нам какое-нибудь подходящее судно, ваше величество?

— Мне кажется, нам лучше будет взять мой государственный корабль, — ответил император.

— Нам? — спросил удивленно Лукас. — Вы сказали «нам»?

— Ну да, — ответил император. — Нам — это значит вам, Ли Ши и мне. Мне бы так хотелось познакомиться с госпожой Каакс. Судя по всему, она очень милая, почтенная женщина. Кроме того, мне все-таки необходимо нанести визит королю Альфонсу Без Четверти Двенадцатому, ведь, вполне возможно, в недалеком будущем между нашими странами будут установлены дипломатические отношения. — При этом император с улыбкой взглянул на Джима.

— Черт подери! — воскликнул Лукас. — Веселенькая толчея будет у нас в Медландии! Наш остров, ваше величество, действительно невелик по размерам. — Затем он повернулся к Пинг Понгу и спросил: — Можем ли мы завтра утром отправиться в путь?

— Я сейчас же отдам все необходимые распоряжения, — пропихнул верховный бонза, — и к восходу солнца корабль будет готов.

— Отлично! — воскликнул Лукас. — Тогда займемся этим не откладывая.

Пинг Понг подпрыгнул как мячик и скрылся из виду. Честно говоря, для такого крохи у него было слишком много забот, которые свалились на его плечи в эти дни, но зато он считался самым уважаемым человеком в Китае и мог носить почетный золотой халат. Впрочем, как говорится, без труда не выловишь и рыбку из пруда. Положение обязывало, и Пинг Понгу приходилось крутиться.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ,

в которой все дети покидают Китай, а медландские путешественники ловят плавучий остров

К полднику пришлось разбудить всех детей. Их пригласили на террасу, где уже сидели император, Лукас и Джим. Они все вместе поели, а справившись с едой, спустились вниз на площадь перед императорским дворцом. Там собралось множество китайских ребятишек. Они чинно выстроились в ряд, и каждый держал под уздцы маленькую белую лошадку, запряженную в изящную китайскую коляску. Все экипажи были разрисованы пестрыми красками, и над каждым красовался шелковый балдахин от солнца. Первая коляска выглядела особенно роскошно — ее приготовили для императора и его дочери. Дети заняли места в остальных экипажах. Само собой разумеется, им разрешили править лошадьми. И только Лукас и Джим предпочли ехать на своем Кристи.

Процессия тронулась в путь. Во главе ехали император и Ли Ши, замыкали колонну Кристи с Лукасом и Джимом. Под бурное ликование толпы торжественный поезд продвигался вперед, никуда не сворачивая, все прямо и прямо, по той самой дороге, по которой совсем еще недавно ехали в Пекин наши друзья. К вечеру компания добралась наконец до устья Желтой реки, где находилась Главная гавань.

У пирса стояли на якоре два парусника. Одни матросы карабкались на мачты, другие внизу дружно тянули за канат. «Па-шла! Па-шла!» — раздавался дружный хор голосов, и огромные паруса медленно поднимались вверх. Один из кораблей уже был совершенно готов к отплытию, оставалось только дожидаться попутного ветра. С наступлением ночи он должен был выйти в море, приняв на борт всех детей, которых ему предстояло развезти по разным странам. Другой корабль еще стоял без парусов. Там матросы занимались загрузкой продовольствия. Этот парусник был намного больше и красивее, чем первый. Его гигантский ростр был украшен золотой фигурой единорога, а слева и справа виднелась надпись:

ПУНГ ГУНГ

Так звали императора китайского. Это и был, очевидно, государственный корабль, который завтра утром должен был взять курс на Медландию.

Когда солнце зашло, с берега неожиданно задул легкий ветерок. Капитан первого корабля, старый морской волк, у которого был веселый нрав и красный нос картофелиной, сошел по трапу вниз и доложил о полной готовности.

Император подозвал к себе всех своих маленьких гостей и сказал:

— Дорогие мои друзья! К моему глубочайшему сожалению, я вынужден сказать, что настал час разлуки. Для меня было большой радостью познакомиться с вами. Как мечтал я о том, чтобы вы погостили у меня подольше, но вы хотите домой, и это понятно. Ведь подумать только, как долго вы уже не видели своей родины! Передайте от меня привет вашим родителям, родственникам и друзьям

и напишите мне, как вы доехали. А если у вас появится желание, приезжайте ко мне в другой раз. Может быть, на следующих каникулах. Хорошо? Вы всегда для нас желанные гости. Ну а что касается Чертовой Дюжины, которая похитила вас, то тут вам беспокоиться нечего. В самое ближайшее время я снаряжу военный корабль, который непременно поймают их. Будьте здоровы, мои дорогие!

После этого взял слово Лукас.

— Н-да, братцы-кролики, — начал он, усиленно попыхивая трубкой, — я не мастер говорить. Мне правда жаль, что мы так скоро должны расстаться, но ведь это не навсегда.

— Конечно же нет! — не удержался тут мальчик-индеец.

— Напишите мне и Джиму хотя бы открыточку, хорошо бы с каким-нибудь видом, чтобы мы могли представить, где вы все живете. Ну а если надумаете приехать к нам, то всегда добро пожаловать в Медландию. Мы будем очень рады. А теперь — счастливого плаванья и до скорой встречи!

Тут все бросились прощаться друг с другом, начались рукопожатия, объятия, поцелуи, и каждый ребенок не забыл поблагодарить еще раз Джима, Лукаса и, конечно же, Кристи за спасение, а императора — за гостеприимство. Затем дети под предводительством капитана взошли на палубу корабля. Когда все уже было готово к отплытию, на берегу начался невиданный фейерверк. Это был сюрприз, который придумал Пинг Понг. Ракеты взлетали высоко-высоко в ночное небо и там расцветали гигантскими сказочными букетами. Ко всему прочему, вдруг заиграл оркестр, который исполнил китайскую прощальную песню, и шум морского прибоя звучал ей чудесным аккомпанементом. Подняли якорь, и корабль медленно и величественно вышел из гавани. Все кричали: «До свидания!» — и махали платками. Здесь не было равнодушных, отъезжающие и провожающие были взволнованны, и на глазах у них наворачивались слезы. Громче всех, конечно же, рыдал Кристи, хотя он обычно не слишком хорошо разбирался в том, что происходит. Но у него было очень чувствительное сердце, и он страшно распереживался, просто так, за компанию.

Медленно скользил корабль по волнам ночного моря и скоро уже скрылся из виду. Неожиданно гавань стала какой-то безлюдной и тихой.

— Мне кажется, — сказал император, — лучше всего нам переночевать прямо на корабле. Мы выходим в море до восхода солнца. И раз уж мы останемся здесь, то нам не надо рано вставать. К завтраку мы уже будем далеко в открытом море.

Друзья и маленькая принцесса приняли это предложение без всяких возражений.

— Тогда нам нужно сейчас попрощаться с Пинг Понгом, — решил император.

— А разве он не едет с нами? — спросил Джим.

— К сожалению, это невозможно, — ответил император. — Кто-то ведь должен меня заменять на время моего отсутствия. Лучше Пинг Понга с этим никто не справится. Он хоть и маленький, но зато очень толковый, как вы сами могли убедиться. Правда, я не думаю, что за время моего путешествия здесь произойдет что-нибудь особенное. Пинг Понг ведь сможет поехать в Медландию в другой раз. А пока пусть немножко поуправляет страной вместо меня.

Но верховного бонзы нигде не было видно. Они обшарили всю гавань и в конце концов все-таки обнаружили пропажу. Оказывается, он забрался в самую маленькую повозку, где и заснул крепчайшим сном, устав от суеты и суматохи прошедшего дня.

— Эй, Пинг Понг! — тихонько позвал его император.

Верховный бонза тут же вскочил как ошпаренный, протер глаза и спросил:

— Да, слушаю вас. Что-нибудь не в порядке?

— Мне очень жаль, что пришлось потревожить тебя, — с улыбкой сказал император, — но мы хотели бы попрощаться. Ты будешь меня заменять, пока я путешествую. Я знаю, что могу на тебя положиться.

Пинг Понг склонился перед императором и принцессой в глубоком поклоне. При этом он был настолько заспанным, что прямо чуть с ног не валился. Джим едва успел его подхватить, а то он и вправду шмякнулся бы на землю. Джим крепко пожал крошечную ручку министра и сказал:

— Приезжай к нам в гости, Пинг Понг!

— И передай от нас привет господину Шу Фу Лу Пи Плун! — добавил Лукас.

— Обязательно, — пробормотал Пинг Понг с закрывающимися глазами. — Конечно, я передам... Я все сделаю... Все... Мой долг... О достойные машинисты, всего вам самого доброго... И-и-и... — Пинг Понг отчаянно раззевался. — Простите, пожалуйста, но вы ведь знаете, что дети в моем возрасте... — пропищал он и, не договорив предложение до конца, снова заснул. Его легкое похрапывание напоминало стрекотание сверчка.

Когда вся компания вернулась на борт корабля, Лукас спросил:

— Вы думаете, что Пинг Понг уже дорос до выполнения такой ответственной задачи?

Император с улыбкой кивнул:

— Я обо всем позаботился. Ничего страшного. Это награда маленькому министру за его расторопность.

Потом они пошли посмотреть, хорошо ли устроили Кристи, которого матросы тем временем уже затащили наверх. Он стоял на задней палубе, крепко-накрепко привязанный канатами, чтобы никуда не скатился, когда начнется качка. Кристи уже тоже спал и мирно посапывал во сне.

Все было в наилучшем порядке. Друзья пожелали императору и Ли Ши доброй ночи, и все разошлись по своим каютам спать.

Когда же на следующее утро они проснулись, корабль уже давно был в открытом море. Стояла чудесная погода. Крепкий ветер надувал огромные тугие паруса. Если так пойдет и дальше, то все путешествие займет вполтину меньше того времени, какое понадобилось Лукасу и Джиму на путь от Медландии до Китая.

Позавтракав вместе с императором и маленькой принцессой, друзья отправились к капитану, который стоял на своем капитанском мостике, и объяснили ему все про плавучий остров. Они сказали, что на второй день ровно в двенадцать часов пополудни они должны достигнуть 321°21'1" западной долготы и 123°23'3" северной широты.

Услышав это, капитан, физиономия которого от долгих путешествий настолько обветрилась, что кожа стала похожей на дедушкину перчатку, открыл от изумления рот и выпучил глаза.

— Пусть меня покусает пьяная акула, — прогудел он густым басом, — вот уж полвека я мотаюсь по морям, но плавучего острова ни разу в глаза не видывал! И откуда это вам известно, что завтра в полдень именно там появится такой остров?

Друзья рассказали ему, откуда у них эти сведения. Капитан прищурился и недоверчиво спросил:

— Вы меня разыгрываете?

Но Джим и Лукас постарались заверить его, что они и в мыслях этого не имели.

— Ну ладно, — сказал в конце концов капитан и почесал за ухом. — Мы так и так завтра в полдень будем в том месте. Если, конечно, погода не подкачает.

Друзья вернулись к императору и принцессе. Они устроились на верхней палубе, в уголке, где не так дуло, и начали вчетвером играть в «Мельницу». Ли Ши еще не знала правил, и Джим ей все объяснил. Сыграв две партии, Ли Ши так наострилась, что уже играла лучше всех и все время ловко обставляла своих противников. Джиму, естественно, хотелось, чтобы она проявила меньше прыти. Тогда он мог бы ей помочь. А так теперь она ему давала советы и постоянно выигрывала. Это ему было, конечно, не очень приятно.

Когда потом они пошли обедать, император вдруг задал совершенно неожиданный вопрос:

— Скажите-ка мне, пожалуйста, Ли Ши и Джим, а когда нам лучше отпраздновать вашу помолвку?

Маленькая принцесса покраснела и пропела своим нежным голоском:

— Это должен решать Джим.

— Ага, — сказал Джим, у которого снова сделались совершенно круглые глаза, — но я тоже не знаю. Я как ты, Ли Ши.

Но она потупила глазки и покачала головой:

— Нет, ты должен сам решить!

— Ну, тогда мы отпразднуем нашу помолвку, когда доберемся до Медландии, — объявил Джим после некоторого размышления.

Все согласились с таким предложением. А император добавил:

— Свадьбу вы можете сыграть уже потом, когда подрастете.

— Да, сыграем, — согласилась принцесса, — только если Джим научится читать и писать.

— А я не собираюсь заниматься такими глупостями! — воскликнул Джим.

— Ну пожалуйста, Джим! — попыталась убедить его Ли Ши. — Тебе обязательно нужно научиться читать, писать и считать! Сделай это ради меня!

— Зачем? — спросил Джим. — Ты и сама прекрасно с этим справляешься. Зачем мне-то еще учиться?

Маленькая принцесса опустила головку и тихонько сказала, запинаясь от смущения:

— Джим, я ведь не могу... Дело в том... так нельзя... Знаешь, просто мне хотелось бы, чтобы мой жених был не только храбрее меня, он должен быть намного умнее меня, и тогда я смогу восхищаться им.

— Ах так, — протянул Джим с обиженным видом.

— Я полагаю, что сейчас не стоит об этом спорить, — попытался примирить спорщиков Лукас. — Быть может, настанет день, когда Джим сам захочет научиться читать, писать и считать. И тогда он обязательно освоит всю эту премудрость. Ну а если он не захочет, то тоже ничего страшного. Пусть делает как знает. Верно?

На этом спор закончился, но Джим время от времени все же возвращался мысленно к тому, что сказала ему принцесса в конце разговора.

Было около полудня — друзья как раз сели обедать, — когда матрос, сидевший в корзине на мачте, закричал:

— Земля-я-я-я-я! Земля-я-я-я!

Все повскакивали со своих мест и устремились на нос корабля, чтобы посмотреть, что там такое происходит. Джим, сумевший немножко подняться на мачту, увидел все первым.

— Остров! — взволнованно закричал он. — Там крошечный остров!

А когда они подошли поближе, остальные тоже разглядели маленький остров, который бодро катил по волнам.

— Эй! — закричал Лукас, обращаясь к капитану на мостике. — Ну, что вы теперь скажете?

— Пусть меня задавит простуженный кит! — отозвался капитан. — Если бы я сейчас не видел это своими собственными глазами, ни за что бы не поверил. А как же мы будем ловить эту штуку?

— Может быть, у вас на борту есть рыболовная сеть? — поинтересовался Лукас.

— Есть! — откликнулся капитан.

Он отдал команду достать сеть. Тем временем корабль стал обходить остров. Один конец сети матросы закрепили на палубе, другой забросили в воду. Когда корабль сделал круг, матросы снова выловили этот конец и тоже закрепили его на палубе. Получился настоящий сачок, в который и угодил плавучий остров. Теперь он никуда не мог деться, корабль тащил его за собой на буксире, только матросы подтянули сеть поближе, чтобы можно было как следует все рассмотреть.

Да уж, действительно, за такую находку драконша заслуживала всяческих похвал. Лучшего подарка друзьям нельзя было и придумать. Правда, остров оказался довольно маленьким — меньше, чем сама Медландия, — но зато он был даже красивее. Три аккуратные террасы, покрытые сплошным ковром зелени, ступеньками поднимались одна над другой. И повсюду росли деревья самых разных видов и форм. Были здесь, например, и прозрачные деревья, как в Китае. Друзья насчитали целых три штуки. Особенно обрадовалась этому принцесса Ли Ши. Вокруг всего острова тянулся гладкий песчаный пляж, как будто специально созданный только для загорания и купания. А на самой верхней террасе бил родничок, из которого вытекал небольшой ручей, сбегавший по зеленым уступам к морю, — получался настоящий водопад. И конечно же, здесь было множество чудесных цветов и пестрых птичек, которые вили себе гнезда на деревьях.

— Ну как тебе остров, Ли Ши? — спросил Джим.

— О Джим! Это чудо! — воскликнула восхищенная принцесса.

— А не слишком ли он мал? — вдруг забеспокоился Джим. — Я имею в виду по сравнению с Китаем?

— О нет! — ответила Ли Ши. — Маленькая страна нравится мне гораздо больше! Особенно если это остров.

— Ну тогда все в порядке, — успокоился Джим.

— Здесь можно будет проложить несколько туннелей, — вставил тут Лукас. — Прямо насквозь, через террасы. Как ты думаешь, Джим? Ведь это будет твой остров.

— Туннели? — задумался Джим. — Это было бы прекрасно. Но у меня нет даже своего локомотива!

— А ты не передумал еще стать машинистом?

— Конечно нет, — серьезно ответил Джим. — Кем же мне еще, по-твоему, быть?

— Гм, — только и сказал на это Лукас и весело подмигнул. — Кажется, у меня есть кое-что для тебя на примете.

— Локомотив? — взволнованно спросил Джим. Но Лукас не захотел дальше развивать эту тему, как Джим его ни просил и ни умолял.

— Подожди, пока мы доберемся до Медландии, — твердил Лукас, и больше из него ничего не удалось вытянуть.

— Да, кстати, Джим, ты уже придумал название новому острову? — вмешался тут в разговор император китайский. — Как ты его окрестишь?

Джим задумался на минутку, а потом сказал:

— А что, если назвать его Ново-Медландия?

Всем понравилась эта идея, на том и порешили.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ,

в которой состоится помолвка, а Джим получает неожиданный подарок

Несколько дней спустя ясным солнечным утром, около семи часов, госпожа Каакс вышла на порог своей лавочки. Господин Пиджакер в этот момент как раз высунулся в окошко, чтобы посмотреть, брать ли ему с собой сегодня зонтик или нет.

И вдруг они оба увидели огромный красивый корабль, который покачивался на волнах в Медландской гавани.

— Что это за странный корабль? — поинтересовалась госпожа Каакс. — Почтовый корабль ведь намного меньше, и потом, у почтового на носу рожок, а у этого золотой единорог. Что бы это значило?

— К сожалению, я не могу вам ничего объяснить, дражайшая госпожа Каакс, потому что и сам ничего не понимаю, — ответил господин Пиджакер. — Посмотрите-ка, у них целый остров на буксире! О ужас! Наверное, это охотники за островами! Сейчас они стянут нашу Медландию!

— Вы думаете? — неуверенно спросила госпожа Каакс. — И что же нам делать?

Но не успел господин Пиджакер ответить на этот вопрос, как с корабля донесся чей-то радостный крик, и вот уже Джим, рискуя сломать себе шею, прыгивает прямо на берег, не дожидаясь, пока матросы спустят трап.

— Госпожа Ка-а-а-акс! — кричал он.

— Джим! — воскликнула госпожа Каакс. Они бросились друг к другу в объятия и расцеловались. Вполне понятно, что на радостях они никак не могли оторваться друг от друга.

Тем временем Лукас, Ли Ши и император тоже сошли на берег, а следом за ними матросы осторожно спустили Кристи и поставили на рельсы, которые уже успели зарости травой и мохом. На груди у Кристи по-прежнему красовался его большой золотой орден с голубой лентой, а сам Кристи от волнения тихонько посвистывал.

Когда господин Пиджакер, который буквально ошеломлен от неожиданности, наконец осознал, кто к ним приехал, он стремглав помчался во дворец и стал бешено колотить в дверь.

— Ну иду, иду! Что там случилось? — слышался голос короля Альфонса Без Четверти Двенадцатого, который еще явно не очнулся ото сна и теперь, недовольно бурча себе что-то под нос, спускался по лестнице открывать дверь.

— Ваше величество! — закричал господин Пиджакер, запыхавшийся от быстрого бега. — Прошу милостивейше меня извинить, но дело необычайной важности! Машинист Лукас только что вернулся, и Джим Пуговка, а с ними маленькая девочка и почтенный господин, очень благородного вида, а еще там... там корабль, а на буксире — остров...

Но договорить господин Пиджакер не успел, потому что в этот момент двери дворца с треском распахнулись, и король пулей вылетел на улицу. Он бежал прямо как был, в ночной рубашке, пытаясь на ходу натянуть на себя красный бархатный халат. Правда, корону, несмотря на спешку, он все же успел кое-как нахлобучить на голову.

— Где они? — взволнованно спросил король, который впопыхах забыл свои очки.

— Минутку, ваше величество! — прошептал господин Пиджакер. — Вы ведь не можете встречать людей в таком виде!

И он помог королю как следует надеть халат, после чего они вместе помчались в гавань. По дороге король умудрился потерять свою клетчатую тапочку, так что вниз он спустился, подпрыгивая на одной ножке, потому что одна нога у него была в тапочке, а другая босая.

Что тут началось! Приветствия, рукопожатия, объятия без конца! Лукас представил друг другу императора китайского и короля Альфонса Без Четверти Двенадцатого, Джим познакомил короля с Ли Ши, ну а когда с приветствиями, представлениями и прочим было покончено, все отправились завтракать к госпоже Каакс. Конечно, в маленькой кухне было немножко тесновато, все сидели как селетки в бочке. Но когда все счастливы — а в Медландии в это утро не было ни одного несчастного или грустного человека, — то теснота, как говорится, не помеха.

— Где же вы пропадали? — спросила госпожа Каакс, разливая кофе по чашкам. — Вы, наверное, повидали много всего! Кто такая госпожа Зубпер? Она хорошая? А почему она не приехала с вами? Ну рассказывайте!

— Да, да, расскажите! — подхватили господин Пиджакер и король Альфонс Без Четверти Двенадцатый.

— Не торопитесь! — попытался защититься от града вопросов Лукас. — Всему свое время. Мы все вам расскажем.

— Да, — сказал Джим, — после завтрака мы вам лучше сначала покажем остров, который мы притащили с собой.

Завтрак продолжался недолго, потому что от волнения никто не хотел особенно есть. По пути в гавань госпожа Каакс наклонилась к Лукасу и тихонько сказала:

— У меня такое чувство, что Джим за это время очень повзрослел.

— Да уж, — ответил Лукас, попыхивая трубкой, — от таких приключений повзрослеешь.

Матросы тем временем поставили новый остров на якорь и укрепили его стальными тросами, так что он теперь вплотную примыкал к Медландии и можно было без особого труда перепрыгивать с одного берега на другой. Конечно же, они не забыли выполнить задание, которое дал им Лукас, — прежде чем укреплять остров, посадить на дне под ним отростки коралловых деревьев, как велела сделать драконша. Через несколько лет, объяснил им Лукас, из этих отростков вырастут настоящие высокие коралловые деревья, которые будут снизу подпирать остров, благодаря чему он станет таким же прочным, как и Медландия.

Предводительствуемые Джимом, жители Медландии и гости ступили на новую землю и немножко погуляли здесь. Места тут было не слишком много, но зато все выглядело очень симпатично.

— Отличное решение проблемы! — воскликнул король Альфонс Без Четверти Двенадцатый. — Кто бы мог подумать! Теперь мне не нужно ломать себе голову! Первый раз за долгое время я наконец смогу спать спокойно.

А когда Джим сообщил, что он решил назвать остров Ново-Медландией, радости короля не было границ. Покраснев от гордости, он сказал:

— Теперь меня будут называть «король Соединенного королевства Медландии и Ново-Медландии».

По дороге к дому госпожи Каакс король Альфонс Без Четверти Двенадцатый отвел в сторону императора китайского и предложил ему установить телефонную связь между Пекином, столицей Китая, и Медландией. Императору очень понравилась эта идея, потому что они смогут запросто болтать по телефону сколько душе угодно. Он отправился к капитану корабля и велел ему отправляться в Китай, а на обратном пути в Медландию проложить по морю телефонный кабель. Корабль тотчас же отправился в море, а император вернулся в кухню госпожи Каакс, где все общество собралось вокруг Джима и Лукаса и с интересом слушало рассказ об их приключениях. Друзья подробно рассказали все по порядку, начиная с той самой ночи, когда они на Кристи вышли в море, и кончая тем, как они плыли обратно в Медландию.

Всякий раз, когда дело доходило до каких-нибудь особо опасных моментов, госпожа Каакс бледнела и только все тихонько повторяла: «Ах ты боже мой!» или «Батюшки мои!». Даже теперь, когда уже все, казалось, было позади, она продолжала волноваться и беспокоиться за своего маленького Джима. Единственным утешением служило то, что Джим в конце концов вернулся домой живым и здоровым и теперь сидел цел и невредим напротив нее.

Прошло чуть больше недели, и корабль вернулся обратно. Матросы, как им было велено, протянули по дну телефонный кабель. Один конец подсоединялся к бриллиантовому телефону в тронном зале императорского дворца, другой — к золотому телефону короля Альфонса Без Четверти Двенадцатого. Император решил проверить, как работает связь, и для начала позвонил Пинг Понгу, чтобы справиться, все ли в порядке в Китае. Да, все в порядке, успокоил его Пинг Понг.

Потом состоялся общий совет: нужно было обсудить помолвку принцессы Ли Ши и Джима. Решено было отпраздновать ее через месяц. А пока госпожа Каакс вечерами все что-то кроила и шила, готовила детям какой-то сюрприз. Ведь шитье было ее страстью.

Император и Ли Ши поселились на это время в королевском дворце. Конечно, им там было всем тесновато, но они нисколько не страдали от этого, потому что им очень нравилось жить в Медлан-

дии. Даже маленький дворец из голубого фарфора, в котором принцесса проводила каникулы, не мог, пожалуй, сравниться с этим островом.

Но вот пролетел и месяц. Настал день помолвки. Сначала Джим и Ли Ши получили подарки, которые приготовила им госпожа Каакс. Джиму она сшила голубой комбинезон машиниста — точно такой же, как у Лукаса, только поменьше. Ну и конечно, к нему прилагалась настоящая фуражка. Для маленькой принцессы она сшила чудесное свадебное платье с длинным шелковым шлейфом и фатой. Само собой разумеется, жених и невеста тут же натянули свои обновки.

А Ли Ши подарила Джиму трубочку — точно такую же, как у Лукаса, только эта была совсем новая и размером поменьше. Джим в свою очередь подарил Ли Ши изящную маленькую стиральную доску. Принцесса необычайно обрадовалась такому подарку, потому что до сих пор она ни разу в жизни ничего подобного в руках не держала: такой высокой особе это просто не полагалось, а ведь она, как и все китайцы, очень любила стирать.

Потом дети поцеловались, а король Альфонс Без Четверти Двенадцатый от имени всего Соединенного королевства Медландии и Ново-Медландии объявил помолвку Джима Пуговики и принцессы Ли Ши состоявшейся. Подданные начали бросать в воздух шляпы, а император китайский закричал во все горло:

— Ура молодым! Ура! Ура!

Матросы зарядили большую пушку, которую они привезли из Китая, и дали оглушительный залп. Вся команда высыпала на борт поприветствовать жениха и невесту. Они радостно кричали, махали им руками, смеялись. Джим и Ли Ши, взявшись за руки, торжественно прохаживались тем временем по Соединенному королевству.

Когда стемнело, вся Медландия и Ново-Медландия озарились светом тысячи фонариков. А потом взошла луна. Море в этот день было спокойным, и потому все пестрые огоньки отражались на его поверхности. Незабываемое, сказочное зрелище!

Госпожа Каакс ради этого случая постаралась на славу и, кроме обычного ванильного мороженого да праздничного земляничного, приготовила еще и шоколадное. Все признали, что мороженое

ПОМОЛВКА

госпожи Каакс — самое вкусное на свете. Даже капитан, который все же много где бывал на своем веку, согласился с этим. А он просто так говорить не будет.

Джим как раз вышел на берег, чтобы в тиши полюбоваться иллюминацией. Он стоял, погруженный в созерцание этой великолепной картины, как вдруг чья-то рука легла ему на плечо. Он обернулся.

Это был Лукас, который молча поманил его пальцем.

— Пойдем-ка со мной, Джим, — с видом заговорщика сказал Лукас.

— А что такое? — спросил Джим.

— Ты давно уже мечтал иметь свой локомотив, старина. Подходящий костюм у тебя как раз есть, — усмехнулся Лукас.

У Джима забилося сердце.

— Локомотив? — переспросил он, сделав большие глаза. — Настоящий локомотив?

Лукас приложил палец к губам и загадочно подмигнул. Затем он взял Джима за руку и повел его к небольшой железнодорожной станции, где уже стоял Кристи, радостно выпуская пар.

— Слышишь? — спросил Лукас.

Джим прислушался. Он мог различить только пыхтение Кристи. Но что это там еще? Или ему только почудилось? Нет, точно! Чье это тихое посапывание? А вот теперь раздался какой-то робкий, довольно писклявый свисток!

Джим удивленно посмотрел на Лукаса. Тот, продолжая улыбаться, кивнул и подвел Джима к тендеру Кристи. Джим заглянул внутрь и увидел крошечный локомотивчик, который смотрел на него огромными глазами. Он старательно выпускал пар, так что у него получались настоящие маленькие клубы. Лукас осторожно вынул паровозик и поставил на землю. Тот попытался самостоятельно подъехать к Джиму, но у него не очень-то получилось, потому что пока он еще нетвердо держался на колесах.

— Это что, теперь мой локомотив?! — задыхаясь от счастья, закричал Джим.

— Ну а чей же еще? — ответил Лукас, попыхивая трубкой. — За ним нужно хорошо ухаживать, чтобы он как следует рос. Года через два он уже будет такой, как Кристи. Как же назвать малыша?

Джим взял паровозик на руки и погладил его. Подумав некоторое время, он сказал:

— Может быть, Максик?

— Ну что ж, это хорошее имя для паровоза, — согласился Лукас и шепнул: — Знаешь, давай пока его поставим обратно. С Кристи ему будет покуда лучше.

Джим осторожно вернул Максика на место, а потом вместе с Лукасом вернулся к обществу и рассказал о полученном подарке. Джим пригласил всех пойти посмотреть на его Макса. Малыш вызвал бурю восторга. Но на него это не произвело ни малейшего впечатления, потому что он в этот момент уже давно спал.

Прошло несколько дней, и император китайский вместе с принцессой Ли Ши отправились в обратный путь, потому что принцесса, само собой разумеется, пока оставалась жить у отца. К тому же принцесса мечтала о занятиях в школе, — конечно, в нормальной, настоящей школе, а не в драконьей. В Медландии же, как известно, школы не было. Но детям ничто не мешает видаться достаточно часто, потому что корабль будет совершать регулярные рейсы между Китаем и Медландией. Ну и кроме всего прочего, они смогут связываться по телефону, если только, конечно, король Альфонс Без Четверти Двенадцатый не будет в этот момент разговаривать. Вполне понятно, что телефон ему будет нужен довольно часто, ведь как-никак между двумя странами будут установлены дипломатические отношения.

После отъезда гостей в Медландии потекла обычная мирная жизнь. Господин Пиджакер в котелке и с зонтиком под мышкой прогуливался по острову. Он по-прежнему старательно исполнял свои обязанности верного подданного и радовался тому, что королю есть кем править.

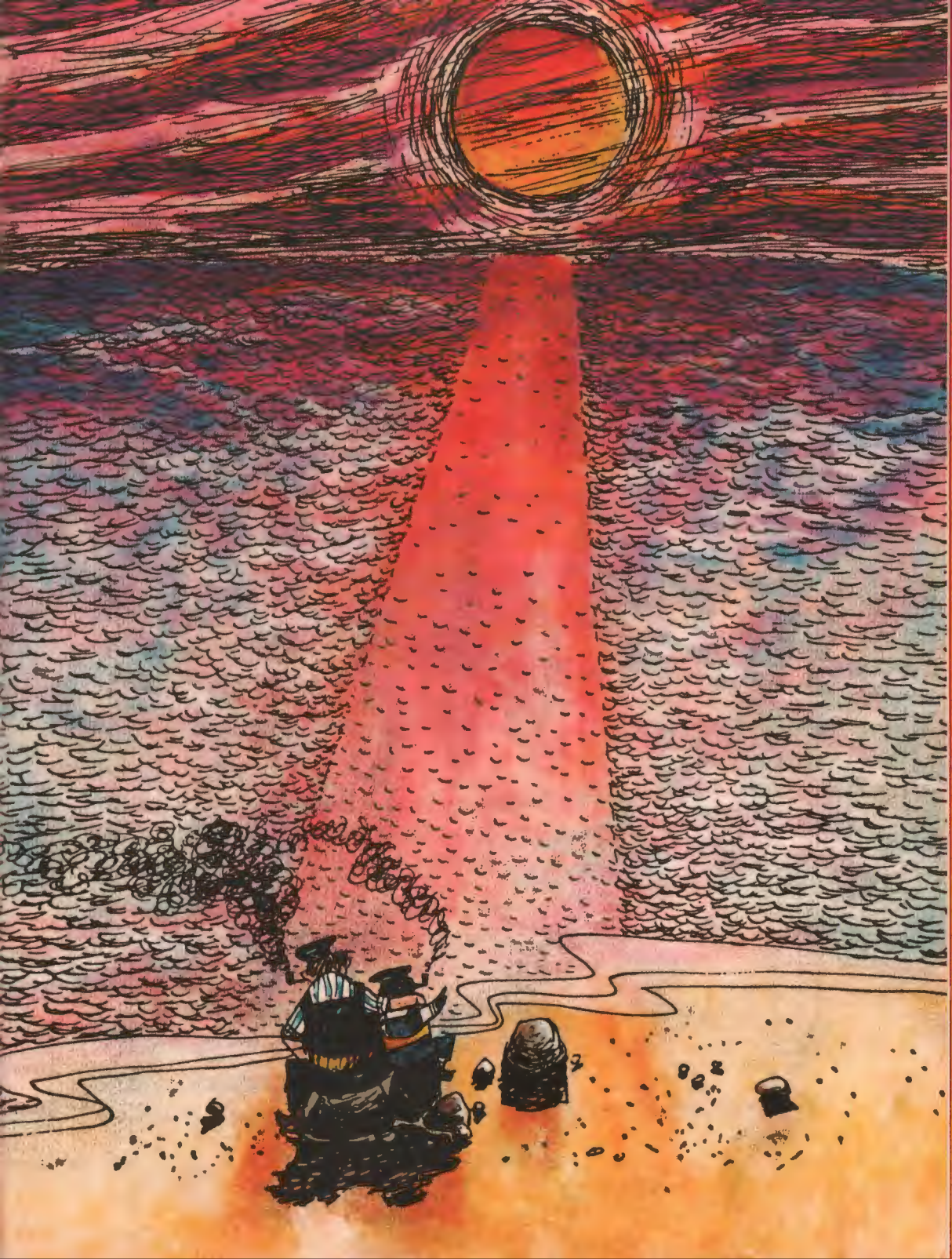
Лукас разъезжал на своем паровозе по извилистым путям с одного конца острова на другой. Время от времени он принимался петь на два голоса, особенно хорошо это получалось в туннелях, ведь там такое эхо.

Джим большей частью занимался своим Максиком, и у него уже просто не хватало времени на то, чтобы дразнить господина Пиджакера или кататься с горы на попе. Потихоньку он становился взрослым.

По вечерам Лукас и Джим любили посидеть на бережку. Заходящее солнце отражалось в водах бескрайнего океана, и его свет ложился блестящей золотистой дорожкой, которая тянулась, искрясь и сверкая, от самого горизонта к тому месту, где сидели друзья. Они уносились взглядом по этой дорожке туда, в неведомые дали, к загадочным странам и землям. Изредка кто-нибудь из них вдруг говорил:

— Помнишь, тогда у господина Ланя? Как он там сейчас, интересно?

А другой подхватывал:

— А помнишь еще, как мы ехали через Черные Скалы и Пасть Смерти, когда уж думали, что все, конец?

Они всерьез подумывали о том, что пора бы им, пожалуй, снова отправиться в путешествие. Ведь они еще не разгадали самую главную загадку... Когда-нибудь они непременно узнают, откуда пираты похитили Джима Пуговку, когда он был еще совсем маленьким. Но для этого друзьям нужно было отыскать Чертову Дюжину, которая по-прежнему разбойничает на море, и победить ее. Ну а это — задачка не из легких.

Вот так и сидели они рядышком, строили планы на будущее и глядели на морские просторы, прислушиваясь к мерному шуму прибоя.

Оглавление

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой начинается наша история	5
ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой появляется таинственная посылка	12
ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой чуть не принимается печальное решение, пришедшее не по вкусу Джиму Пуговке	21
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, в которой начинается удивительное морское путешествие на корабле невиданной конструкции, а Лукас убеждается, что на Джима Пуговку можно положиться	28
ГЛАВА ПЯТАЯ, в которой заканчивается морское путешествие, а Джим видит прозрачные деревья	33
ГЛАВА ШЕСТАЯ, в которой толстая желтая рожа чинит всяческие препятствия	40
ГЛАВА СЕДЬМАЯ, в которой Кристи приходится играть в карусель, а друзья знакомятся с маленьким китайчонком	47
ГЛАВА ВОСЬМАЯ, в которой Лукас и Джим обнаруживают таинственные надписи	55

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

в которой состоится цирковое представление, а Некто замышляет против Джима и Лукаса что-то недоброе 62

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,

в которой Лукас и Джим попадают в беду..... 68

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,

в которой Джим неожиданно-негаданно узнает тайну своего появления в Медландии..... 79

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,

в которой начинается путешествие в неведомые края и грузья впервые видят Венец, Мира..... 91

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ,

в которой звучат голоса Долины Сумерек..... 97

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ,

в которой Лукас убеждается в том, что без Джима он был бы как без рук102

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ,

в которой путешественники попадают в фантастическую местность и обнаруживают таинственные следы 111

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ,

в которой Джим Пуговка делает для себя важное открытие..... 121

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ,

в которой мнимый великан рассказывает о том, что представляют собой мнимые великаны, а потом выражает свою признательность.....128

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ,

в которой путешественники прощаются с мнимым великаном и застревают перед входом в Пасть Смерти.....133

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

в которой Лукас и Джим ремонтируют маленький вулкан,
а Кристи изменяет свой облик140

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

в которой чистокровный дракон принимает Кристи
за даму и приглашает на прогулку152

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

в которой Джим и Лукас знакомятся с бедландской школой158

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

в которой путешественники оказываются под землей
и видят удивительные вещи174

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

в которой китайская принцесса рассказывает свою историю,
а Джим неожиданно сердится на нее.....183

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

в которой Кристи получает удивительную награду,
а путешественники наедаются до отвала.....195

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

в которой госпожа Зудпер прощается со всеми, а Лукас
и Джим получают письмо из Медландии.....206

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

в которой все дети покидают Китай, а медландские
путешественники ловят плавучий остров216

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

в которой состоится помолвка, а Джим получает
неожиданный подарок225

Литературно-художественное издание
Для среднего школьного возраста

Энде Михаэль
ДЖИМ ПУГОВКА И МАШИНИСТ ЛУКАС
Сказочная повесть

Художник Франц Йозеф Трипп

Перевод М. Ю. Кореновой

Дизайн обложки М. А. Созоновой

Ответственный редактор А. А. Малько
Художественный редактор М. В. Панкова
Технический редактор А. Т. Добрынина
Корректор Л. А. Лазарева
Верстка С. А. Птицыной

Подписано в печать 20.06.19. Формат 70×90 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,55.
ID 36347. Заказ № 7856.

ООО «РОСМЭН».

Почтовый адрес: 127018, г. Москва, ул. Октябрьская, д. 4, корп. 2. Тел.: (495) 933-71-30.
Юридический адрес: 117465, г. Москва, ул. Генерала Тюленева, д. 29, корп. 1.

www.rosman.ru

ОТДЕЛ ПРОДАЖ:
(495) 933-70-73; 933-71-30;
(495) 933-70-75 (факс).

Дата изготовления: июль 2019 г.
Отпечатано в России.

В соответствии с Федеральным законом № 436-ФЗ
от 29 декабря 2010 года маркируется знаком 12+

Әдеби-көркем басылым
Орта мектеп жасындағы балаларға арналған
Өндірілген күні: шілде 2019
Ресейде басылған

Өндіруші: «РОСМЭН» ЖШҚ, Ресей, 117465, Мәскеу, Генерал Тюленев көшесі, 29-үй, корп. 1.
Наразылықтарды қабылдауға уәкілетті тұлға: «РОСМЭН» ЖШҚ
Пошталық мекен-жайы: Ресей, 129301, Мәскеу, Октябрьская көшесі, 4-үй, 2-корпус. Телефон: +7
(495) 933-71-30.

www.rosman.ru

Занды мекен-жайы: Ресей, 117465, Мәскеу, Генерал Тюленев көшесі, 29-үй, корп. 1.
Тауар сертификатталған. КО ТР 007/2011 сәйкес келеді

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО "Тверской полиграфический комбинат" 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

= Мировая классика для детей =

От автора «Момо»
и «Бесконечной истории»!

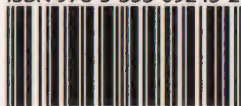

В крошечной стране Медландии,
затерянной посреди бескрайнего океана,
живут всего четыре человека: король
Альфонс Без Четверти Двенадцатый
и трое его подданных. Но вот
нежданно-негаданно в Медландию
приходит странная посылка, а внутри ее
лежит... маленький негритенок!

Крошка Джим растет, и король
Альфонс понимает, что Медландия
слишком мала для целых четырех
подданных. Так юный Джим Пуговка,
его лучший друг машинист
Лукас и локомотив Кристи
решают отправиться
на поиски приключений!

ISBN 978-5-353-09245-2

9 785353 092452

